

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 11 (78)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2011

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
**Читинский государственный универси-
тет**

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

**Журнал рекомендован ВАК РФ для
публикации результатов исследо-
ваний на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук**

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом отде-
лении. Подписной индекс по федеральному
почтовому Объединенному каталогу Пресса
России и интернет-каталогу «Российская
периодика»
www.arpk.org: 82102.
Подписка осуществляется и через редак-
цию. Также журнал можно
приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЧитГУ», являются автор-
скими и защищены авторскими правами.
Перевод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного разрешения
редакционной коллегии.
Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте главному
редактору по электронной почте либо по
почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Алек-
сандро-Заводская, 30, редакция журнала
«Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с
мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качес-
тву представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю.Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор
ЧитГУ;
Мальшев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент,
проректор по научной и инновационной работе
ЧитГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
Шалавина А.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн.
наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинс-
кого государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук,
профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита),
И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р
техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П.
Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд.
техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн. наук,
профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита),
Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник
высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, про-
фессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита),
А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р
физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И.
Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко,
д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн.
наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент
(Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный де-
ятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии
(Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волго-
град), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов,
д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук,
профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук,
профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита),
К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, до-
цент.

**Утверждено и рекомендовано к изданию решением редак-
ционно-издательского совета ЧитГУ.**

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 11 (78). – Чита: ЧитГУ, 2011. – 145 с.
Chita State University Journal. № 11 (78). – Chita St. Univ. Pr. 2011.

Экономические науки

УДК 338.27

Мальшев Евгений Анатольевич
Evgeniy Malishev

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЯ
В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ**

**METHODS AND FORECASTING
PLANNING IN THE ENERGY
INDUSTRY OF ZABAİKALSKY KRAY**

Дан анализ практики, представлены новые методические подходы к прогнозированию развития региональных энергетических систем. В качестве методологической основы долгосрочного прогнозирования предлагается использовать разработки теорий самоорганизации

Ключевые слова: прогнозирование, планирование, методы, энергетическая отрасль

An analysis of practice, new methodological approaches to forecasting the development of regional energy systems are described in the article. As a methodological basis for long-term forecasting the use of development theories of self-organization is proposed

Key words: forecasting, planning, methods, and energy industry

Прогнозирование и планирование развития энергетических систем невозможно без долгосрочного и достоверного прогнозирования развития экономики и социальной сферы государств, регионов и муниципальных образований.

Территориальная инфраструктура, основу которой наряду с транспортным составляет топливно-энергетический комплекс, во многом определяет успешность реализации долгосрочных региональных программ и стратегий. Эффективность решений по развитию инфраструктуры и повышению энергетической безопасности региона определяется объективностью и обоснованностью информации, полученной из прогнозов. Значительные сложности проблема прогнозирования развития отдельных хозяйственных комплексов приобретает в условиях глобальной экономической и политической нестабильности, а также продолжающейся реструктуризации отдельных отраслей и предприятий. Динамика

развития и структурные сдвиги в хозяйственных комплексах регионов определяются, с одной стороны, общими стратегическими направлениями развития экономики для России, с другой – территориальными особенностями.

Для обоснования прогнозов развития региональной энергетики необходимы теоретические подходы, методики и модели, корректно и достаточно полно отражающие специфику прогнозирования территориальных хозяйственных систем. Кроме того, необходимо надёжное информационное обоснование прогноза, включающее программы социально-экономического развития, инвестиционные программы развития энергетики, стратегии реструктуризации и модернизации энергоёмких производств [4].

Развитие энергетической системы тесно связано с развитием всего хозяйственного комплекса и социальной сферы региона. Как элемент социально-экономических

систем, энергетический комплекс участвует во множестве прямых и обратных связей; влияет на изменение цен на продукцию всех видов, на объём прибыли и ресурсов для инвестиций в отраслях производственной и непроизводственной сферы; определяет изменение доходов и накоплений населения, изменения в бюджетах различных уровней; влияет на многие другие элементы этих систем. Качество и доступность энергоресурсов во многом определяют структуру и темпы экономического, социального и экологического развития региона. Развитие регионального ТЭК определяется также рядом внутренних и внешних факторов, важнейшими среди которых являются развитие энергоёмких отраслей промышленности, процессы реструктуризации хозяйственного комплекса, наличие природных топливно-энергетических ресурсов на территории, степень участия в общегосударственных программах развития отраслей энергетики и т.д. [3].

Прогнозирование развития региональной энергетики может осуществляться только в рамках региональных социально-экономических систем, которые являются сложными и открытыми. Сложность социально-экономической системы региона определяется существованием и взаимным влиянием социальной, экономической, экологической подсистем, а также управляющих влияний различного уровня. Энергетика как инфраструктурная отрасль не только не выполняет обеспечивающую функцию, но и играет интегрирующую роль, открывая территорию для внешних связей.

Анализируя существующую практику территориального и отраслевого прогнозирования и планирования, распространённого в России и за рубежом, мы можем отметить недостаточную разработанность теоретико-методических подходов к организации и методическому обеспечению прогнозирования и планирования. Частое несоответствие планов и итогов, а также их регулярный пересмотр – достаточно распространённые явления. Такое положение дел негативно сказывается на состоянии энергетического рынка и устойчивости

развития региона. Последствия недостатков планирования в энергетике могут быть катастрофичны, но чаще они приводят к экономическим потерям и дисбалансам в развитии. Возникают потери у инвесторов, финансирующих развитие энергетического сектора территорий, где не наблюдается роста энергопотребления. Теряют инвесторы, развивающие энергопотребляющие производства, которые не обеспечиваются необходимыми объёмами энергетических ресурсов. Теряют потребители, не получающие качественных услуг электроснабжения.

Очевидно, что решение вопроса о размещении элементов энергетических систем как объектов инфраструктуры не может решаться в отрыве от общих задач территориального планирования устойчивого развития территорий. Это означает, что планирование развития энергетических систем в системе территориального планирования включает в себя как базовый элемент решение экономических вопросов развития территории в целом и ее энергетического комплекса, в частности. Как показывает практика, в процессах территориального планирования может широко использоваться весь имеющийся арсенал методов экономического прогнозирования. Экономическое прогнозирование и планирование представляет собой сложный многоступенчатый итеративный процесс, который решает обширный круг задач, используя в сочетании самые разнообразные методы. Развитие информатики и средств вычислительной техники создаёт возможность расширения круга и совершенствования используемых методов прогнозирования.

Методы, в большинстве своем основанные на эксплуатации существующих тенденций, не могут учесть возникающих факторов и тенденций, связанных со сложностью и открытостью социально-экономических систем. Практическим подтверждением существования этих проблем является кардинальный пересмотр различного рода долгосрочных прогнозов общегосударственного и регионального уровней, вызванный мировым финансовым кризисом.

В целом постиндустриальный уровень развития цивилизации характеризуется скоростным развитием технологий, основными ресурсами становятся знания, информация, технологические и организационные инновации. Наибольшее значение приобретают такие свойства развития, как неустойчивость, разнопорядочность, нелинейность взаимодействий и т.д. Современное представление о развитии сложных систем (с сохранением в себе предыдущих моделей, но для ограниченных областей применения) предполагает чередование периодов относительно устойчивого развития с критическими состояниями, в результате которых происходят качественные изменения и переход к новым структурам. Случайные колебания могут иметь решающее значение при выборе дальнейшего пути эволюции системы в таких точках. Предсказание того, какая из возможных альтернатив траектории развития системы и в каком виде будет реализована и является одной из основных задач долгосрочного прогноза.

Современные подходы к прогнозированию будущего с учетом указанных особенностей описываются рядом теорий, которые в общем смысле получили название теории самоорганизации. По нашему мнению, эти концепции должны быть включены в теоретическую основу разработки и реализации прогнозов развития региона. В их числе можно назвать синергетику, теорию диссипативных структур, теорию переходных процессов, теорию сложности, теорию самоорганизующихся систем, теорию алгоритмов, теорию клеточных автоматов, интуиционистскую математику, теорию бифуркаций или теорию катастроф и т.д. Синергетика, изучающая процессы и принципы самоорганизации сложных систем, возникновения, поддержания, устойчивости и распада структур самой различной природы, позволяет расширить научные основы прогнозирования и учесть особенности регионального прогнозирования развития энергетического комплекса. Использование синергетического подхода предполагает, что наряду с организационными процесса-

ми в системе крайне важны процессы самоорганизации и саморазвития, для которых характерны спонтанность, неожиданность образований и возникающих структур. Развитие таких систем может порождать устойчивые и эффективные новые структуры. Наличие кризисов рассматривается как неотъемлемая черта развития сложных систем, а неравновесность является необходимым условием появления новой организации, нового порядка, новых систем, то есть – развития.

Для формирования инструментария прогнозирования развития территориально-отраслевых комплексов в рамках социально-экономических систем важное значение имеют следующие принципы.

1. Нелинейность – нарушение принципа суперпозиции в некотором явлении: результат суммы воздействий на систему не равен сумме результатов воздействий. Прогнозы, построенные на принципе линейной экстраполяции, зачастую ожиданий не оправдывают, т.к. развитие сложных открытых систем, безусловно, является нелинейным процессом. Безусловно, линейное прогнозирование следует использовать с учётом определённых ограничений, однако в ситуациях нестабильности, различного рода кризисов характер причинно-следственных связей меняется, может существенно повышаться роль слабых факторов.

2. Незамкнутость (открытость) – невозможность пренебрежения взаимодействием системы со своим окружением. Важно понять, что любую систему можно с заданной точностью считать замкнутой достаточно малое время, тем меньшее, чем больше открыта система. Именно открытость позволяет эволюционировать системам от простого к сложному, реализовывать процессы саморазвития и самоорганизации в виде существования стабильных неравновесных структур или становления, т.е. смены типа неравновесной структуры. Открытость региональных систем, кроме традиционно признаваемых аспектов, связанных с межрегиональными потоками ресурсов, связями крупных (в том числе энергетических) компаний и т.д. включает,

например, такие аспекты информационной открытости, как склонность к обмену технологическими, организационными и иными инновациями, открытость для внешних управляющих воздействий, для проникновения новых идей и знаний.

3. Неустойчивость. В моменты, когда система подходит к точке выбора, на траекторию её развития можно повлиять сколь угодно слабыми воздействиями. Незначительный в период стабильного развития фактор в точках неустойчивости начинает играть значительную роль. Формулирование такого принципа, как неустойчивость (непредсказуемость), привело к пониманию природы сложности нашего мира, и к определению таких понятий, как динамический хаос, аттракторы и фрактальные структуры. Именно свойство неустойчивости в критические моменты развития систем вынуждает более интенсивно использовать для прогнозирования методы анализа экспертного мнения и выявления «слабых» сигналов.

4. Динамическая иерархичность. Это обобщение принципа подчинения на процессы становления – рождение параметров порядка, когда приходится рассматривать взаимодействие более чем двух уровней. Этот принцип описывает возникновение нового качества системы по горизонтали, т.е. на одном уровне, когда медленное изменение управляющих параметров мегауровня приводит к бифуркации, неустойчивости системы на макроуровне и перестройке его структуры.

5. Наблюдаемость. Принцип наблюдаемости подчеркивает ограниченность и относительность представлений о системе отдельных наблюдателей. В синергетике это относительность интерпретаций к масштабу наблюдений и начальному ожидаемому результату. С одной стороны, то, что было хаосом с позиций макроуровня, превращается в структуру при переходе к масштабам микроуровня. Этот принцип подчёркивает, что при прогнозировании целостное описание иерархической системы может сложиться только в результате коммуникаций между наблюдателями разных уровней.

Рассмотренные теоретические положения дополняют методологическую основу прогнозирования и вынуждают разрабатывать методические документы, соответствующие современным требованиям [1]. В целом с учетом сказанного к особенностям долгосрочного прогнозирования территориальных социально-экономических систем можно отнести:

– наличие этапов в развитии, когда периоды стабильности и нарастания противоречий чередуются с кризисными состояниями, этапами самоорганизации и фиксации новых качеств системы;

– признание высокой степени неопределенности развития в длительной перспективе;

– наличие множества субъектов со своими интересами и ресурсами, которые могут существенно повлиять на развитие социально-экономической системы;

– многоаспектность прогноза, необходимость системного видения и учета прямых и косвенных взаимосвязей, а также обратных связей в социально-экономических системах (достаточно большое количество их циклов в пределах прогнозного периода);

– существенное и труднопрогнозируемое влияние внешних факторов;

– необходимость выявления и оценки слабых факторов, которые могут существенно повлиять на траекторию социально-экономического развития в долгосрочной перспективе;

– направленность времени – учет необратимости процессов самоорганизации и саморазвития в системах.

Наличие таких особенностей выдвигает новые требования к методическому инструментарию прогнозирования. Безусловно, требует детализации модельный инструментарий прогнозирования, но при этом необходимо расширение использования современных разработок в области прогнозирования, позволяющих в определенной степени учесть новые требования и повысить надежность прогноза.

Для прогнозирования энергетических систем территорий основу традиционно

должен составлять балансовый метод. Его ценность заключается в возможности увязки будущих потребностей территории в различных видах ресурсов с возможностями производства и поставки этих ресурсов. Балансы эффективно можно применять для выявления диспропорций в текущем периоде, вскрытия неиспользованных резервов и обоснования необходимости расширения ресурсной базы. Балансовый метод успешно применяется при планировании процессов развития энергетической отрасли, в том числе в составе документов территориального планирования. Многие авторы, рассматривая проблемы развития региональных топливно-энергетических комплексов, успешно используют метод топливно-энергетического баланса региона, хотя открытость и связанность региональных энергосистем накладывает определенные ограничения на применение этого метода [2; 5].

В качестве направлений развития методического инструментария досрочного прогнозирования ТЭБ можно обозначить более точный учет неопределенности и стохастичности экзогенных параметров; использование имитационной технологии и учет вероятностных характеристик параметров ТЭБ; более детальное рассмотрение сценариев развития, использование современных методов учета экспертных оценок; учет технологической составляющей как в области энергопотребления, так и в сфере производства ТЭР; возможность возникновения качественно новых форм бизнеса в энергетике, новых энергетических источников, энергоэффективных технологий.

Следует расширить использование методов сбора и обработки экспертных мнений. Именно анализ мнений разных

«наблюдателей» и участников процесса развития социально-экономической системы позволит, с одной стороны, формировать объединенное, сбалансированное мнение о перспективах и приоритетах, с другой стороны, выявлять слабые факторы, которые в долгосрочном периоде будут иметь критическое значение для траектории развития. Безусловно, экспертные оценки уже широко используются при проведении различного рода аналитических исследований на предварительных этапах планирования. Из таких оценок могут быть сделаны выводы о потенциальных возможностях территорий, их частей или отдельных элементов (например, объектов энергетической инфраструктуры). Однако современные формы использования экспертного мнения, такие как дельфи-опросы, экспертные панели, метод открытой дискуссии, используются недостаточно.

Также следует более широко использовать сценарный подход, в рамках которого возможно учитывать резкие изменения траектории развития систем. При этом на основе нормативных сценариев возможно создавать детальные планы поэтапного достижения целей региона в виде цепи событий и необходимых ресурсов. Достоинством этого метода является ориентация на качественную динамику, а не на изучение тенденций изменений количественных показателей. Использование метода должно быть дополнено деятельностью по сканированию и мониторингу изменений во внешней среде, выявлению раннего сигнала, то есть небольших изменений, которые могут существенно изменить траекторию развития в будущем.

Литература

1. Коровин Г.Б., Малышев Е.А. Прогнозирование развития региональных энергетических систем // Экономика региона. – 2011. – № 2 (26). – С. 184-188.
2. Малышев Е.А., Афанасьева А.В. Развитие топливно-энергетического комплекса Забайкальского края как основа обеспечения энергетической безопасности и развития экономики региона // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 3 (60). – С. 3-7.
3. Романова О.В. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы // Экономика региона. – 2011. № 2 (26). – С. 40-49.

4. Теоретико-методологические и информационные аспекты прогнозирования топливно-энергетического баланса региона / О.А. Романова, А.А. Оглоблин, Н.И. Данилов, В.В. Добродей, Г.Б. Коровин и др. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. – 265 с.

5. Мальшев Е.А., Сокол-Номоконов Э.Н., Сокол-Номоконов В.Э. Планирование и прогнозирование развития региональных энергетических систем: формирование вертикально-интегрированных территориально-отраслевых комплексов планирования и управления развитием региональных энергетических систем: монография. – Ч. III. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 133 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Мальшев Е.А., канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
eamalyshev@mail.ru

E. Malishev, Candidate of Technical Sciences, associate professor, prorector on science and innovative work, Zabaikalsky State University

Научные интересы: энергетика, менеджмент, бизнес-планирование, маркетинг, финансовый менеджмент, экономика

Scientific interests: energetics, management, business-planning, marketing, financial management, economics

УДК 338.48

Монич Иван Павлович
Ivan Monich

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

THE MANAGEMENT OF THE INNOVATIVE ACTIVITIES IN TOURISM

Рассматриваются теоретические воззрения управления инновационной деятельностью. Предложен комбинированный (гибрид кибернетического и кластерного) подход к управлению инновационной деятельностью в сфере туризма. Построена схема кибернетической системы управления на основе кластера применительно к туристской отрасли. Разработаны критерии оценки эффективности управления через мультипликативный эффект

Ключевые слова: инновационная деятельность, туристская отрасль, управление, кибернетический подход, туристский кластер

The article deals with the current approaches to management and determines a combined (cybernetic and cluster hybrid) approach to the management of innovative activities in tourism. The article gives the scheme of the cybernetic system of management based on clusters related to tourism industry and offers the assessment system of management efficiency through the multiplier effect

Key words: innovative activities, tourism industry, management, cybernetic approach, tourism cluster

Важным моментом теории инноваций являются применяемые подходы к управлению. Наиболее адаптивный применительно к туристской отрасли региона являются, на наш взгляд, кластерный и кибернетический подходы. Для вычленения объекта управления необходимо уточнить виды деятельности в туристской отрасли, которые можно отнести к инновационным.

Уточнение инноваций, применяемых в туристской отрасли, требует комплексного обзора концепций теории инноваций и выделение характерных для туризма. Основными источниками понятий инновационной деятельности являются:

– труды западных ученых (Й. Шумпетер, П. Друкер, Б. Твисс, Л. Койрс, И.Л. Пинингс, В. Раппопорт, Б. Санта, А. Левинсон);

– руководство Осло (Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям);

– действующее законодательство РФ (ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» с изменениями от

19.07.2011 № 248 ФЗ, 20.07.2011 № 249 ФЗ и 21.07.2011 № 254 ФЗ);

– труды отечественных ученых (Н.Д. Кондратьев, А.А. Дынкин, Н.И. Иванова, П.Н. Завлин, Г.Д. Ковалев, К.А. Кирсанов, Р.А. Фатхутдинов).

Значительным шагом в конкретизации понятий инновации и инновационной деятельности следует считать Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» с изменениями от 19.07.2011 № 248 ФЗ, 20.07.2011 № 249 ФЗ и 21.07.2011 № 254 ФЗ [1].

Согласно действующему законодательству, инновационная деятельность по отношению к инновациям выражается через инновационный проект. Инновационная деятельность – это деятельность, направленная на реализацию комплекса мероприятий по осуществлению инноваций. Данное определение мы находим наиболее подходящим и отражающим реальную действительность.

Под инновацией будем понимать ко-

нечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного товара, услуги или процесса, внедренного на рынке; новый способ организационных и структурных преобразований, повышающий экономическую эффективность предприятия, отрасли, региона в целом.

Исходя из классических понятий теории инноваций согласно Й. Шумпетеру, завоевание и выход на новый рынок есть инновация, совершенствование систем управления рассматривается нами как организационная инновация, что соответствует классическим подходам. Поэтому в данном аспекте наше исследование по управлению инновационной деятельностью в сфере туризма включает выход на новые рынки туристских продуктов и применение инноваций в управлении туристской отраслью с целью повышения ее эффективности. При этом нами используется, как мы считаем, инновационное комплексное применение гибрида кластерного и кибернетического подходов в управлении и оценке мультипликативного эффекта от создания инновационной организационной структуры в виде туристского кластера [2; 3].

Целью данной работы является выработка комбинированного подхода к управлению инновационной деятельности в туристской отрасли региона через гибриды кластерного и кибернетического подходов в управлении. В соответствии с поставленной целью нами определены следующие задачи:

- рассмотреть кибернетический и кластерный подходы в управлении;
- применить кибернетический подход к управлению туристским кластером.

В процессе организации управления необходимо придерживаться определенной методологической установки, которая позволяет выбрать то сочетание элементов среды, которое в наибольшей степени соответствует целям и возможностям управления. Роль такой методологической установки в управлении выполняют подходы.

Подходы представляют собой исследовательские установки, определяющие последовательность и отбор в отображении

свойств и признаков исследуемого объекта, установленные в зависимости от целей и задач исследования. Они не зависят от содержания объекта исследования и предваряют его, определяя последовательность анализа объекта. Методы – это конкретные исследовательские приемы с определенным набором операций, нацеленных на результат.

Выбор методологических подходов диктуется необходимостью сосредоточения на определенных аспектах управленческой деятельности. Это позволяет избежать непроизводительных затрат, сфокусироваться на наиболее значимых сторонах управляемого объекта. Ценой этого выбора становится допустимая степень абстрагирования от отдельных свойств и качеств объекта, не являющихся существенными с точки зрения оказываемого на него управленческого воздействия.

К наиболее часто применяющимся в исследовании систем управления следует отнести системный, ситуационный, нормативный, процессуальный, институциональный, функциональный, кибернетический и кластерный подходы.

Кластерный подход

Согласно М. Портеру, кластеры представляют собой сконцентрированные по географическому признаку группы промышленных компаний и связанных с ними организаций (финансовых, торговых, исследовательских и т.д.), характеризующихся общностью экономических интересов и взаимодополняющих друг друга. Для развитых кластеров характерно наличие и вертикальных (покупатель – продавец), и горизонтальных (общие потребители, технологии производства, каналы распространения товаров) связей. Таким образом, участниками кластера являются компании-производители, компании-поставщики, образовательные учреждения, НИИ, финансовые институты, государственные органы, а также сервисные организации. При кластерном подходе отраслевая цепочка разделяется между участниками, входящими в кластер и сфокусированными на конкретном виде деятельности (туризме), за счет чего происходит повышение их

эффективности. При этом, как это ни парадоксально, не возникает противоречия между экономическим результатом объединения компаний в кластер, который выражается в повышении эффективности их деятельности. Другими словами, в рамках кластера, представляющего собой концентрацию компаний из основной отрасли, а также поддерживающих и связанных отраслей, формируются две взаимообусловленные формы взаимодействия участников кластера — сотрудничество (со-конкуренция) и конкуренция. При этом все участники кластера, как правило, приобретают свойства рыночной конкурентоспособности за счет более высокой производительности, основанной на специализации и взаимодополнении [4].

Туристский кластер представляет собой географическое сосредоточение объектов туристской инфраструктуры, субъектов туристской деятельности, расположенный, как правило, вдоль основных туристских потоков.

Кластер как особая организационная форма экономического развития отличается от иных форм совместного бизнеса на определенной территории: технологических деревень, промышленных зон и промышленных округов. Первые предназначены для создания разнообразных производств мелких, средних и крупных предприятий с особым режимом функционирования и определенной специализацией. В кластерной организации бизнеса специализация не является характерной чертой, наоборот, именно продуктовая диверсификация присуща кластерным структурам. Туризм в данном случае выступает в роли объединяющего звена в диверсификации услуг и производимых продуктов [5; 6].

Кибернетический подход

Управление инновационной деятельностью включает планово-расчетные обоснования формирования целей и задач на определенный период времени и некоторые индикаторы состояния системы в целом. Приведем общую кибернетическую схему системы управления [7].

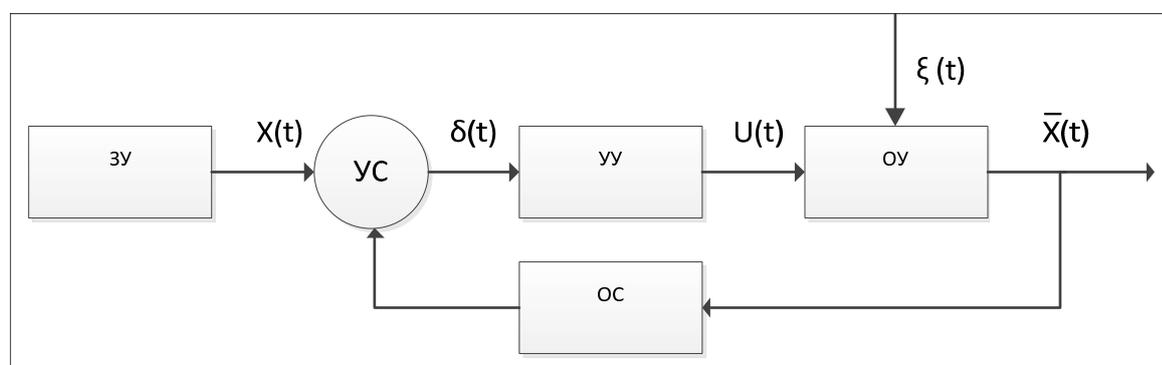

Рис. 1. Общая кибернетическая схема системы управления:

ЗУ — задающее устройство; УС — устройство сравнения; УУ — управляющее устройство; ОУ — объект управления; ОС — устройство обратной связи; $X(t)$ — желаемое состояние системы; $\bar{X}(t)$ — текущее состояние системы; $\delta(t)$ — величина рассогласования; $U(t)$ — функция управляющего воздействия; $\xi(t)$ — воздействие внешних факторов

Согласно кибернетическому подходу, в контексте туризма управляющим устройством или субъектами управления выступают Органы государственной власти субъекта РФ (законодательные и исполнительные). Объектом управления является туристская отрасль. При гибриде кластерного и кибернетического подходов

объектом управления являются субъекты туристской деятельности в рамках существующего кластера: туроператорские компании, турагенты, страховые компании, предприятия сферы питания, гостиничные комплексы и аналогичные средства размещения, транспортные компании и пр.

Данную схему можно представить бо-

лее кратко в виде универсального программного кода:

```

While (X !=  $\overline{XX}$ )
{
УУ.  $U_t$  (ref ОУ);
ВС.  $\xi_t$  (ref ОУ);
// Прочие возможные действия в рамках итерации
},

```

где X и \overline{XX} массивы индикаторов состояния системы; ВС – внешняя среда; ref – показатель передачи ОУ в режиме «по ссылке», означает применение воздействий на ОУ, а не обработку его параметров.

Построим схему гибридного подхода к управлению туристской отраслью региона. На рис. 2 приведена схема синтеза двух подходов.

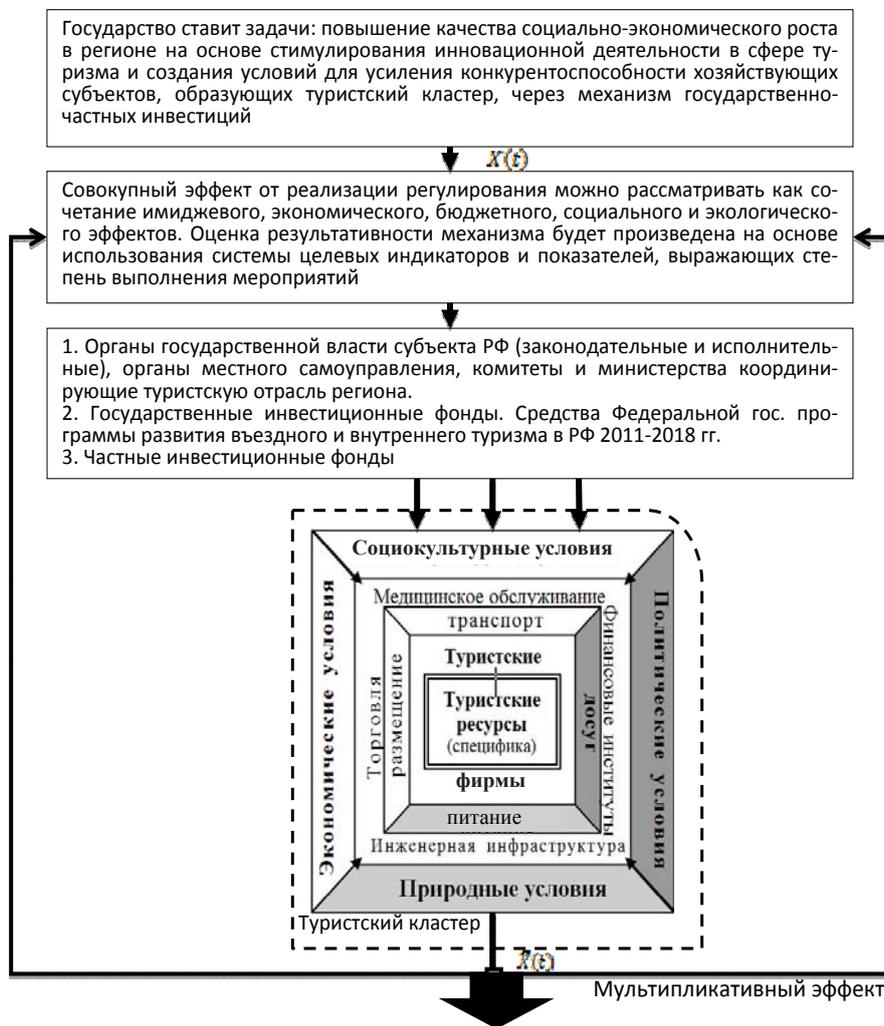

Рис. 2. Кибернетическая схема системы управления туристской отрасли на базе кластера

Государство выступает в роли инициатора создания кластера на территории, отвечающей требованиям кластеризации.

Оценка достижения цели осуществляется посредством определения степени и полноты решения поставленных задач, а также

соответствия значениям целевых индикаторов и показателей $X_i(t)$. Предлагаемый подход предполагает государственно-частное партнерство. Государство через государственный инвестиционный фонд или согласно Федеральной целевой программе «Развития внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 г.)»,

выступая в качестве инициатора создания кластера, с учетом критериев возможности кластеризации территории, финансирует в объекты инфраструктуры, при этом в качестве желаемых значений состояния системы выбран массив индикаторов $X_i(t)$. Описание индикаторов приведено в таблице [8].

Целевые индикаторы* и показатели эффективности реализации управления туристской отраслью через внедрение инноваций, млн руб.

Целевой индикатор	Обозначение	Желаемое значение
Доля ООПТ в ВРП (туристская отрасль)	X1	15 %**
Поступление в бюджет всех уровней (совокупный от туристской отрасли с учетом мультипликативного эффекта)	X2	430,69
Создание дополнительных рабочих мест	X3	2954
Объем инвестиций в туристскую отрасль	X4	3573,40
– бюджетных инвестиций		893,35
– частных инвестиций		2680,05

*целевые индикаторы рассчитаны для сегмента кластера – ООПТ Арахлей

** рассчитан как доля ООПТ Арахлея в ВРП Забайкальского края в тур. отрасли

Целевые индикаторы рассчитаны на основе одного из сегментов туристского кластера ООПТ на оз. Арахлей, суммарные показатели по всему кластеру составляют в 3...5 раз больший объем. Индикаторы взяты с ФЦП развития внутреннего и въездного туризма в РФ 2011-2018 гг. Поступления в бюджет всех уровней и количество новых рабочих мест рассчитаны для 2018 г. на основе методики, предложенной в Концепции развития туризма в Тункинском районе Республики Бурятия (авт. В.И. Самаруха, В.Ю. Буров, Н.Д. Петухов), и расчета мультипликативного эффекта от туризма, предложенной В.В. Громовым [9; 10].

Согласно Г.Д. Боуш, инновационность кластерной формы организации хозяйственной деятельности кроется в её сетевой природе, которая обеспечивает повышенную адаптивность кластеров и их участников к изменениям во внешней среде. В них естественным образом происходит трансформация структуры, связей между предприятиями, организациями и учреждениями, реализуемых процессов; возникновение новых структурных элементов, связей, процессов и свойств; изменение

конфигурации, системы целей и прочее. Во многих случаях все эти изменения способствуют прогрессивному развитию кластера предприятий и внедрению инноваций. Д.А. Харт в своих работах также выделяет инновационную составляющую кластера.

Соединение кибернетического и кластерного подходов в управлении является, на наш взгляд, эффективным приемом по отношению к системе управления туристской отраслью региона, где под объектом управления в кибернетической схеме системы управления выделяется инновационная структура – туристский кластер. На территории, отвечающей требованиям кластеризации, через механизм государственно-частного партнерства по инвестированию в объекты туристской отрасли создается новый туристский продукт. Эффективность управления оценивается через блок обратной связи кибернетического подхода в управлении, и применительно к сфере туризма рассматривается нами как мультипликативный эффект, инвестиционная эффективность и уровень достижения целевых индикаторов (величина рассогласования $\delta\delta(t)$).

Литература

1. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» с изм. от 19.07.2011 № 248 ФЗ, 20.07.2011 № 249ФЗ и 21.07.2011 № 254 ФЗ.
2. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям: 3-е изд. [Электронный ресурс]. — mon.gov.ru/files/materials/7766/ruk.oslo.pdf.
3. Новиков В.С. Инновации в туризме. — М.: ИЦ «Академия», 2007. — 208 с.
4. Портер М. Международная конкуренция: пер с англ. / Под ред. В.Д. Щетинина. — М.: Международные отношения, 1993.
5. Дранев Я.Н. Кластерный подход к экономическому развитию территорий // Практика экономического развития территорий: опыт ЕС и России. — М.: Сканрус, 2001.
6. Колошин А., Разгуляев К., Тимофеева Ю., Русинов В. Анализ зарубежного опыта повышения отраслевой, региональной и национальной конкурентоспособности на основе развития кластеров: сб. научных трудов Института региональных инновационных систем. — СПб., 2009.
7. Ованесян С.С. Математическое моделирование в бухгалтерском учете, анализе и налогообложении. — Иркутск: БГУЭП, 2001. — 120 с.
8. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» (2011-2018 гг.).
9. Управление развитием туризма в регионе. Опыт реализации Стратегии Республики Карелии // Институт экономики КарНЦ РАН, Под общей ред. Ю.В. Савельева, О.В. Толстогузова. — Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 2008. — 141 с.
10. Концепция развития туризма в муниципальном образовании «Тункинский район» (на период до 2020 г.) / В.И. Самаруха, В.Ю. Буров, Н.Д. Петухов. — Иркутск: БГУЭП, 2009. — 42 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Монич И.П., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
I_v_a_n@mail.ru

I. Monich, postgraduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: экономика, туризм, инновации

Scientific interests: economics, tourism, innovations

УДК 336.15

Ткачева Татьяна Юрьевна
Tatiana Tkatcheva

ФОРМИРОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ ПОЛНОМОЧИЙ РЕГИОНОВ – ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЗВЕНО В РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

FORMATION OF TAX AUTHORITY REGIONS – THE CENTRAL LINK IN THE RUSSIAN MODEL OF FISCAL FEDERALISM

Дан анализ налоговых полномочий органов власти в области региональных и местных налогов в РФ, распределения налоговых доходов по уровням бюджетной системы. Сформулированы предложения по укреплению налогового потенциала на региональном уровне

Ключевые слова: налоговые доходы, нормативы отчислений от федеральных налогов, механизм бюджетно-налогового регулирования, налоговый потенциал, регулирующие налоги, налоговое регулирование

The article provides an analysis of the fiscal powers of authorities in the field of regional and local taxes in the Russian Federation, the distribution of tax revenue level of the budget system. Proposals to strengthen tax capacity at the regional level

Key words: income tax regulations from federal taxes, fiscal management, fiscal capacity regulating taxes, tax regulation

Реализация стратегических и среднесрочных задач развития России неизбежно будет сопровождаться значительным усилением роли налоговых доходов, которым в ближайшей перспективе придется не только стать основным источником доходов консолидированных региональных бюджетов всех субъектов Федерации, но и во многом определять темпы социально-экономического роста в регионах. В этих условиях любое решение, которое принимается в области регулирования налоговых отношений на федеральном либо более низком уровне власти, должно быть эффективным. В особенности это касается решений, принимаемых по поводу установления самих налогов, к которым, в частности, можно отнести выбор перечня взимаемых налогов и сборов; определение существенных элементов налога, в особенности, это касается налоговой базы и налоговой ставки; выбор нижнего уровня власти, который может коррек-

тировать существенные элементы налога, приводя их в наиболее полное соответствие с экономическими и социальными особенностями различных территорий; определение эффективного объема указанных корректировок, который, по сути, будет представлять компромисс между сохранением единого налогового пространства на всей территории Российской Федерации и полной адаптацией системы налогов и сборов к социально-экономическим особенностям регионов.

В рыночных условиях хозяйствования налоговые методы мобилизации государственных и муниципальных финансовых ресурсов имеют первостепенное значение по сравнению с неналоговыми, проблемы сочетания или, другими словами, гармонизации налоговых интересов всех уровней власти приобретают первостепенное значение. При этом мы исходим из того, что в сфере налоговых интересов попадает

разграничение не только налоговых полномочий и ответственности, но и налоговых доходов между публично-правовыми образованиями. Это обусловлено тем, что исключительной характеристикой федеративного государства является так называемая финансовая горизонталь – система перераспределения финансовых ресурсов между равностатусными территориальными коллективами, а в условиях унитаризма можно говорить только о финансовой вертикали, то есть о взаимоотношениях между центральным и местным уровнями публичной власти. Субъекты Федерации взаимодействуют между собой в сфере налоговых отношений в процессе перераспределения налоговой базы.

В финансово-правовом отношении федерация может предстать как унитарное государство, если в данном государстве разграничение полномочий в области установления и изменения налогов между федеральным центром и субъектами федерации направлено на централизацию публичных функций [3; С. 28].

Для современной России, несмотря на наличие трехуровневой налоговой системы, характерна централизация налоговых полномочий. В результате решение проблемы увеличения налоговых доходов региональных и местных бюджетов осложняется тем, что из-за недостаточно широких налоговых полномочий региональных и местных властей сужается их налоговая база.

Начиная с 1998-1999 гг., с введением Налогового кодекса РФ сформирована налоговая система, при которой все основные по объемам поступающих доходов налоговые базы были закреплены за федеральной составляющей бюджетной системы,

а налоговые доходы практически от всех федеральных налогов подлежали распределению между федеральным и субфедеральными бюджетами [2; С. 48-49].

В табл. 1 отражена динамика нормативов распределения регулирующих налогов между бюджетами различных уровней РФ за 2002-2011 гг.

Анализ перераспределения налогов между бюджетными уровнями демонстрирует нестабильность устанавливаемых нормативов отчислений. До 1992 г. в РФ все налоги поступали в федеральный бюджет, а потом они распределялись по регионам по нормативам от поступлений. В результате местное самоуправление оказывалось без собственных средств.

Реализация механизма расщепления налогов и изменение пропорции их распределения до 2005 г. выполнялись федеральными органами власти в одностороннем порядке на основе установления норм на очередной финансовый год применительно и к федеральным, и к региональным налогам. С 2005 г. осуществилось закрепление нормативов отчислений от федеральных налогов в бюджеты субъектов РФ на постоянной основе.

Это наиболее правильный вариант закрепления налогов, поступающих напрямую в бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты, так как это стимулирует администрацию прикладывать усилия для увеличения объема налоговых поступлений, необходимых для обеспечения покрытия расходов бюджетов. Именно налоги, формируя финансовую базу деятельности государства, создают предпосылки для успешного осуществления бюджетного регулирования.

Таблица 1

Нормативы отчислений от федеральных налогов за 1999-2011 г., %

Налог	Год	Бюджеты		
		Федеральный	Субъектов РФ	Местные
Налог на прибыль организаций	2002	7,5	14,5	2
	2003	6	16	2
	2004	5	17	2
	2005-2006	6,5	17,5	-
	2010-2011	2	18	-
Налог на добавленную стоимость	1999	85	15	-
	2000-2011	100	-	-
Налог на доходы физических лиц	2000	16	45	39
	2004	-	50	50
	2006	-	60	40
	2009-2011	-	70	30
Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения	2004	30	45	15
	2006-2011	-	90	-
Единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности	2004	30	45	15
	2006-2011	-	-	90
Единый сельскохозяйственный налог	2010-2011	-	30	70
Налог на добычу полезных ископаемых, в том числе – в виде углеводородного сырья (газ горючий природный); – полезные ископаемые за исключением углеводородного сырья, природных алмазов и общераспространенных полезных ископаемых; – общераспространенных полезных ископаемых; – в виде природных алмазов	2004	100	-	-
	2007			
	2011			
	2004	40	60	-
	2007			
	2011			
2011	-	100	-	
2011	-	100	-	

Проанализируем распределение налоговых полномочий в области региональных и местных налогов в Российской Федерации. В табл. 2 соответствующими буквами обозначен уровень, на который возложены

полномочия по установлению и изменению элементов налогообложения региональных и местных налогов: федеральный (Ф), региональный (Р) и местный (М).

Таблица 2

**Распределение налоговых полномочий в области региональных
и местных налогов в Российской Федерации**

Элементы налога	Налог на имущество организаций	Налог на игорный бизнес	Транспортный налог	Земельный налог	Налог на имущество физических лиц
Объект налогообложения	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф
Налоговая база	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф
Налоговый период	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф
Отчетный период	Ф	Ф	Ф	М	–
Налоговая ставка	Ф, Р	Ф	Ф, Р	Ф, М	М
Порядок исчисления налога	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф
Порядок уплаты налога	Р	Ф	Ф	М	Ф
Сроки уплаты налога	Р	Ф	Ф	М	Ф
Налоговые льготы	Ф, Р	–	Ф, Р	Ф, М	Ф, М

Анализ данных, представленных в табл. 2, показывает, что сохраняется высокая (даже по меркам унитарных государств) централизация налоговых полномочий. На федеральном уровне устанавливаются порядок определения налоговой базы, порядок исчисления региональных и местных налогов. Размеры налоговых ставок могут определяться на региональном и местном уровнях, однако их предельные размеры ограничены федеральной властью. Виды налоговых льгот устанавливаются федеральным законодательством (право на установление дополнительных налоговых льгот предоставлено органам местного самоуправления только по налогу на имущество физических лиц). Нижестоящие уров-

ни управления могут также устанавливать особенности применения специальных налоговых режимов (в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности (ЕНВД), единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН)). Однако они не могут повлиять на элементы федеральных налогов и сборов, за исключением региональной ставки налога на прибыль организаций. В результате основные регулирующие возможности налогов (через налоговые ставки, налоговые льготы) не используются в полной мере.

В табл. 3 приведены данные, характеризующие степень централизации финансовых ресурсов в бюджетной системе страны.

Таблица 3

Распределение доходов консолидированного бюджета РФ в 2007-2009 гг., млрд руб.

Наименование доходов	Федеральный бюджет			Консолидированные бюджеты субъектов РФ		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Налог на прибыль организаций	641,3	761,1	195,4	1530,7	1752,0	1069,2
Налог на доходы физических лиц	–	–	–	1266,6	1666,3	1665,8
Единый социальный налог	405	506,8	509,8	0,1	0,2	0,2
НДС	2261,5	2132	2050	0,2	0,3	0,3
Акцизы	135	160,5	101,5	179,3	189,4	245,7

Окончание табл. 3

Наименование доходов	Федеральный бюджет			Консолидированные бюджеты субъектов РФ		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Налоги на совокупный доход	–	–	–	123,7	161,3	151,6
Налоги на имущество	–	–	–	411,2	493,4	569,7
Доходы от внешнеэкономической деятельности	2408,3	2584,9	2683,3	–	–	–
Безвозмездные поступления	231,1	1,3	6,2	645	1204,7	1618,8
Всего	7781,1	9274,1	7336,8	4828,5	6199,1	5927,2

Источник: [5], расчеты автора

Данные табл. 3 демонстрируют сложившуюся в России систему распределения доходов, поступающих в консолидированный бюджет РФ, по уровням бюджетной системы страны.

Анализ данных, представленных в табл. 3, показывает, что большая часть доходов, поступающих в консолидированный бюджет РФ, концентрируется в федераль-

ном бюджете РФ: в 2007 г. – 58,2 %, в 2008 г. – 59,9 %, в 2009 г. – 55,3 %.

Таким образом, большая часть бюджетных доходов поступает в федеральный бюджет РФ. Однако анализ распределения налоговых доходов по уровням бюджетной системы страны демонстрирует иную картину (табл. 4).

Таблица 4

Распределение налогов, администрируемых ФНС России, по уровням бюджетной системы в 2008-2010 гг. [5]

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.
В федеральный бюджет	4078,7	3012,4	3174,3
В консолидированные бюджеты субъектов РФ	4377,0	3785,7	4488,6
Всего поступило налоговых платежей	8455,7	6798,1	7662,9
Налог на прибыль организаций в том числе:	2513,0	1264,4	1774,3
в федеральный бюджет	761,1	195,4	255,0
в консолидированные бюджеты субъектов РФ	1751,9	1069,0	1519,3
Налог на доходы физических лиц	1038,7	1207,2	1789,6
Единый социальный налог	506,8	509,8	-
Налог на добавленную стоимость	1038,7	1207,2	1328,7
Акцизы в том числе:	314,7	327,4	441,3
в федеральный бюджет	125,2	81,7	113,8
в консолидированные бюджеты субъектов РФ	189,4	245,7	327,5
Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами в том числе:	1742,6	1080,9	1526,3
в федеральный бюджет	1637,5	1006,3	1406,0
в консолидированные бюджеты субъектов РФ	105,1	74,7	120,3

Анализ данных, представленных в табл. 4, показывает, что более половины всех налогов поступает в консолидированные бюджеты субъектов РФ. В разрезе отдельных налогов картина следующая: налог на прибыль организаций большей частью поступает в доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, причем доля консолидированных бюджетов субъектов РФ увеличилась за 2008-2009 гг. с 69,7 до 84,6 %. Налог на доходы физических лиц полностью поступает в доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, а НДС полностью зачисляется в федеральный бюджет. Акцизы большей частью поступают в консолидированные бюджеты субъектов РФ (доля субъектов РФ возросла за данный период с 60,2 до 74,2 %). Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами практически полностью поступают в доходы федерального бюджета.

Таким образом, более 50 % всех доходов, поступающих в бюджетную систему России, централизуется в федеральном бюджете; более 50 % налоговых поступлений зачисляется в бюджеты субъектов РФ. Данную ситуацию можно было бы прокомментировать как положительную тенденцию. Но при детальном анализе структуры налоговых доходов бюджетов субъектов РФ становится очевидным, что большая часть всех доходов формируется именно за счет отчислений от регулирующих федеральных налогов.

Анализ действующей практики межбюджетных отношений позволяет сделать вывод о том, что в механизме бюджетно-налогового регулирования в РФ действуют две тенденции: централизация доходов бюджетной системы страны с одновременной децентрализацией налоговых доходов этой системы.

По нашему мнению, для укрепления налогового потенциала на региональном уровне, обеспечения долгосрочных стимулов к конкуренции между региональными властями в развитии экономической активности и привлечении инвестиций должны быть осуществлены следующие мероприятия:

1) налог на прибыль организаций должен полностью поступать в региональные и местные бюджеты. В целях сохранения единства налогового пространства полномочия по управлению элементами налога на прибыль организаций должны сохраниться за федеральным законодательством. Закрепление налога на прибыль организаций на постоянной основе за региональными и местными бюджетами путем разделения ставок или нормативов отчислений будет способствовать усилению заинтересованности органов местного самоуправления в собираемости налогов, наращивании собственных доходов, повышению самостоятельности бюджетов и ответственности этих органов за бюджетную обеспеченность;

2) в современных условиях в рамках налогового регулирования целесообразно проводить мониторинг эффективности налоговых льгот.

В рамках реализации Бюджетного послания Президента РФ о бюджетной политике в 2010-2012 гг. для расширения налоговой автономии региональных и местных властей в 2012-2014 гг. будет продолжена работа по оптимизации установленных на федеральном уровне льгот по региональным и местным налогам. На наш взгляд, такая политика является не средством изъятия дополнительных финансовых ресурсов у налогоплательщиков, а в большей степени служит задачам бюджетного федерализма, предоставляя региональным и муниципальным властям более высокую степень налоговой автономии.

Регулярное проведение анализа как востребованности, так и практики администрирования установленных механизмов налогового стимулирования и налоговых льгот является одним из важнейших элементов налогового регулирования, поскольку увеличение количества предоставляемых льгот в отсутствие сведений об их результативности не только приводит к выпадающим доходам бюджетной системы, но и дискредитирует саму идею предоставления налоговых льгот.

Проведение мониторинга востребо-

ванности налоговых стимулирующих механизмов возможно на основе отчетности Федеральной налоговой службы РФ, формируемой на базе информации, содержащейся в налоговых декларациях, предоставляемых налогоплательщиками в налоговые органы.

При этом выпадающие доходы от применения целого ряда существенных налоговых преимуществ невозможно оценить на основании данных налоговой отчетности (например, выпадающие доходы от применения специальных налоговых режимов).

По итогам предварительного анализа за 2009 г. общее количество рассматриваемых налоговых стимулирующих механизмов составляет 191 пункт, из них 60 – по налогу на прибыль организаций, 80 – по налогу на добавленную стоимость, 20 – по налогу на имущество, 16 – по земельному налогу, 12 – по налогу на добычу полезных ископаемых и 3 – по сборам за пользование объектами животного мира и водных биологических ресурсов [4].

Более 90 % выпадающих доходов составляют потери, связанные с применением налоговых освобождений, обусловленных структурой налогов и использованием общих принципов налогообложения отдельных операций. Другими словами, указанные суммы не могут быть признаны налоговыми расходами бюджетов, направленными на достижение тех или иных целей.

Принятие решений по вопросам сохранения тех или иных льгот необходимо осуществлять по результатам анализа практики их применения и администрирования.

Так, ведение новых льгот следует проводить на временной основе с тем, чтобы по истечении определенного срока решение о пролонгации действия льготы принималось также по результатам проведенного анализа результативности;

3) в условиях финансового кризиса произошло снижение поступления налога на доходы физических лиц за счет сокращения среднесписочной численности занятого населения и снижения темпа роста фонда заработной платы, а также наличия просроченной задолженности по заработной

плате. В то же время, недобросовестные налоговые агенты выплачивают доходы своим работникам, исчисляют и удерживают налог на доходы физических лиц, но в бюджет не перечисляют, то есть используют данные средства для своих нужд. Налоговые агенты нередко избегают штрафных санкций, так как уже в ходе проверки перечисляют суммы задолженности в бюджет и потому не могут быть привлечены к ответственности в виде штрафных санкций в соответствии со ст. 123 НК РФ. За несвоевременное перечисление удержанного налога в таких случаях начисляются лишь пени в размере 1/300 ставки рефинансирования Центрального Банка Российской Федерации [1]. В результате недобросовестные налоговые агенты имеют возможность подолгу не исполнять своих обязательств перед бюджетом по перечислению налога на доходы физических лиц и фактически кредитуются у бюджета по льготной ставке, что значительно выгоднее получения кредита по рыночной ставке.

Для решения данного вопроса, на наш взгляд, необходимо внести изменения в ст. 216 и 230 Налогового кодекса, устанавливающие отчетные периоды (первый квартал, полугодие и девять месяцев календарного года) по налогу на доходы физических лиц, а также обязанность для налоговых агентов по истечении отчетного периода представлять в налоговый орган по месту своего учета налоговый расчет, отражающий сведения об исчисленных, удержанных и перечисленных в бюджет суммах налога в целом по налоговому агенту без детализации по конкретным налогоплательщикам, а по итогам года предоставлять налоговую декларацию. Для этого предлагается внести изменения и в подпункт 4 п. 3 ст. 24, ст. 80, 81 Налогового кодекса РФ, направленные на установление обязанности для налогового агента по предоставлению по итогам налогового периода налоговой декларации, а также в ст. 119 Налогового кодекса РФ, предусматривающую ответственность за непредставление такой декларации.

Названные меры не способны в полной мере решить все проблемы горизонтально-

го и вертикального выравнивания доходов бюджетов субъектов РФ, но позволят в значительной степени улучшить состояние бюджетов субъектов РФ. Оптимизация налоговых потоков является не самоцелью, а

одним из основных рычагов построения эффективно функционирующей модели бюджетного федерализма, служащей основой существования федеративного государства на современном этапе.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. I, II. – М.: Проспект, 2011. – 690 с.
2. Лыкова Л.Н. Современное состояние отечественной налоговой системы: некоторые проблемы (научный доклад). – М.: Институт экономики РАН, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ineson.ru/tmp/Lykova_doklad.pdf.
3. Любимцев Ю.И. Приоритеты совершенствования межбюджетных отношений // Экономист. – 2000. – № 6. – С. 25-28.
4. Основные направления налоговой политики РФ на 2012 год и плановый период 2013 и 2014 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru>.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nalog.ru.

Коротко об авторе

Ткачева Т.Ю., канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой налогообложения и антикризисного управления, ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет»
tat-tkacheva@yandex.ru

Научные интересы: финансы, денежное обращение и кредит

Briefly about the author

T. Tkacheva, Candidate of Economical Sciences, associate professor, the head of the taxation and crisis management department

Scientific interests: finance, money circulation and credit

Философские науки

УДК327.009

Борисенко Ольга Андреевна
Olga Borisenko

ОТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР К МЕЖДУНАРОДНОМУ ДИАЛОГУ КУЛЬТУР

FROM DIALOGUE OF CULTURES TO THE INTERNATIONAL DIALOGUE OF CULTURES

Рассматривается вопрос о межцивилизационном порядке в мире, где яркое проявление международного диалога культур представлено в деятельности общественных объединений по всему миру, региональных и международных структур

Ключевые слова: диалог, культура, цивилизация

The question about the order between civilizations in the world is observed, the world where a manifestation of the international dialogue of cultures is represented in the activities around the world, regional and international structures

Key words: dialogue, culture, civilization

Говоря о взаимодействии цивилизаций и культур, мы имеем в виду современный глобализирующийся мир. Существуют три фактора, определяющих современную глобализацию: мировой рынок, конфигурация политических или даже военно-политических сил и трансляция западных культурных традиций на остальной мир. По мнению академика В.С. Степина, глобализация — это процесс, который завершил эпоху модернизации. Он отмечает, что в индустриальную и постиндустриальную эпохи западные культурные ценности, прежде всего технологии и связанные с ними знания, трансплантировались в традиционалистские общества и переворачивали, перепаживали их почву [1].

Данная позиция объясняет тот факт, что столкновение между культурами может привести к большим проблемам не только на национальном, но и на международном уровне. Современная философия культуры в данной ситуации отводит значимое место диалогу культур: на Всемирном форуме по межкультурному диалогу в апреле 2011 г. в Баку директором Института философии

РАН А.А. Гусейновым на одном из круглых столов отмечено, что альтернативы диалогу у мира в ближайшее время нет. Следовательно, здесь мы видим удивительное перерождение «двуликого Януса» — без диалога нет культуры, без культуры не может быть и диалога. Поэтому обращение к взглядам В. Библера, что диалог культур — это ситуация столкновения принципиально несводимых друг к другу «культур мышления, различных форм разумения» [2] подтверждает сказанное.

В проекте Д.С. Лихачева «Декларация прав культуры» [3] говорится, что «культурные различия народов и неспособность к культурному взаимопониманию и взаимообогащающему диалогу культур стали одной из причин межэтнических войн и международных конфликтов XX столетия» [4]. Современная ситуация показывает возрастание межнациональных конфликтов в мире. В связи с тем, что конфликты на национальной почве формируются в течение длительного времени, причины их возникновения разные, при этом все они могут быть между собой взаимосвязаны. Хотя эта

связь условна, но благодаря превалированию тех или иных интересов и причин, их можно подразделить на политические, экономические, географические, социальные, культурные. 2008 год был объявлен годом межкультурного диалога как год разрешения существующих конфликтов в пространстве Европейского Союза, а 2012 – годом диалога КНР и Европейского Союза. Данный факт говорит о том, что на арену общественной жизни выходит международный диалог культур, который «усиливает взаимопонимание между народами, дает возможность лучшего познания собственного национального облика» [5].

Данный вид диалога культур определяет, что значимым становится культурный аспект внешней политики, а диалогическое развитие становится частью международного диалога культур, который способствует взаимопониманию, дает возможность раскрытию собственного облика культур народов, вступающих в международный диалог. Мировая общественность проводит встречи, симпозиумы и конференции по сохранению культурного наследия и благодаря неформальному общению укрепляются взаимоотношения.

7 мая 2008 г. на 118-й сессии Комитета министров Совета Европы (СЕ), проходившей на уровне министров иностранных дел стран – членов СЕ, в окончательном варианте принята Белая книга Совета Европы по межкультурному диалогу. В преамбуле отмечается: «Межкультурный диалог нельзя предписать с помощью закона. Он должен сохранять характер добровольного приглашения к реализации основополагающих принципов, изложенных в этом документе, к гибкому использованию различных рекомендаций, представленных здесь, а также к участию в продолжающейся дискуссии о будущей организации общества» [6].

Если международный диалог рассматривать в рамках правовой культуры, то ярким тому примером может служить вступление России в Европейский Союз. Чтобы это произошло, России необходимо подписать пункт № 6 Европейской конвенции «о правах человека», – о неприменении смер-

тной казни. Хотя мы и поднялись до уровня стран ЕС, однако оказались не готовы к «решительным мерам» – согласно статистическим данным, 70 % населения России проголосовало «за» применение смертной казни. – Правительство подписало соглашение о том, что смертная казнь на территории РФ будет заменяться пожизненным заключением.

Яркое проявление международного диалога культур представлено в деятельности общественных объединений по всему миру, часть из которых занимаются вопросами межрелигиозного содержания. Это Центр Всемирного Диалога, Международное общество универсального диалога, Институт глобального диалога, Организация межрелигиозного диалога. Центр Всемирного Диалога – это международная неправительственная организация, которая существует для углубления понимания между народами мира. Центр создан в 1995 г. и основан на убеждении, что все люди имеют право на участие в свободном и открытом обсуждении идей. Центр занимается организацией конференций и дискуссий по вопросам глобального характера. Расположение центра на Кипре – исторический мост между Европой и Ближним Востоком – идеально подходит для общения культур Востока и Запада [7].

Международное общество универсального диалога основано в 1989 г. в Варшаве. В Конституции Общества говорится о стремлении «реализовать самые высокие и богатые человеческие ценности в науке, политике, образовании и общественной жизни». Цель Общества – вызвать интерес к глобальному диалогу, так как все Народы мира принадлежат к единому виду [8].

Институт глобального диалога основан в 1978 г. и занимается вопросами межрелигиозного диалога. Он занимается организацией конференций по проблемам межрелигиозного, межкультурного и идеологического диалога по всему миру. К их числу относятся семинары по «Еврейско-христианскому диалогу» в немецких университетах (Восток и Запад) и на всей территории Соединенных Штатов; «Хрис-

тианско-марксистский Диалог» в США и Европе, в бывшем Советском Союзе и Китае, а также «Международный Буддийский – христианский диалог» в Японии [9].

Организация межрелигиозного диалога создана в 2002 г. как некоммерческая, она занимается вопросами дружеских турецко-американских отношений: организует конференции и симпозиумы, посвященные изучению мировых религий и конфессий [10].

Институт глобального диалога основан в 1995 г. и является независимой южноафриканской организацией, которая занимается анализом внешней политики Южной Африки, научными исследованиями. Одна из ее стратегических целей – создание и укрепление взаимовыгодного стратегического партнерства в африканском регионе и глобальном уровне [11].

Данные примеры показывают – диалог культур вышел за границы теоретико-практического осмысления. Через реализацию политики и деятельности данных структур (организаций) диалог культур приобретает институциональное звучание, понятие значение которого еще предстоит. Однако главное, пожалуй, состоит в том, что эти объединения берут на себя достаточно сложную миссию – не только разрешение конфликтов этнических и религиозных направлений, но и формирование межцивилизационного культурного пространства.

В последние годы понятие «цивилизация» в отечественной литературе получило большое распространение, что можно объяснить не только отказом от формационного подхода к изучению истории, но и тем, что многие исследователи как отечественные, так и зарубежные обращаются к данному понятию для обозначения основных границ современного человечества. Поэтому в истории философии культуры и культурологии сформировались два подхода: первый ориентировался на гибель цивилизаций, второй – на диалог. В 2002 г. под эгидой ООН выходит монументальный труд «Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями» [12]. В. Межуев отмечает, что для 18 ученых из разных стран «диалог

– это надежный инструмент для построения новой парадигмы глобальных отношений. Диалог – это самый первый шаг, который дает нам чувство сопричастности, ибо, общаясь с другими и слушая других, мы делаем первый шаг на пути к нашей общности» [13]. Вводя понятие «универсальная цивилизация», В.М. Межуев замечает, что она «если когда-нибудь и состоится», то «отношения людей внутри такой цивилизации – это всегда отношения равенства, партнерства между разными культурами».

Стремление к диалогу между цивилизациями, культурами и народами лежит в основе мандата ЮНЕСКО и закреплено в ее Уставе. Развитие диалога во имя мира, укрепление идеи мира «в умах людей» – краеугольный камень миссии ЮНЕСКО.

Преследуя основные цели сохранения и защиты духовных и культурных ценностей человечества, в 2003 г. создан Мировой общественный форум (МОФ) «Диалог цивилизаций». Это международная неправительственная организация, которая объединяет в единое сетевое сообщество ученых, интеллектуалов, политиков, бизнесменов, деятелей искусства и культуры, представляющих многообразие традиций, культур и верований из различных стран мира, работает с государственными, общественными и религиозными институтами на основах осуществления и развития принципов сотрудничества, взаимопонимания и диалога между цивилизациями. В настоящее время в деятельности сетевого сообщества «Диалог цивилизаций» участвуют представители ведущих международных неправительственных организаций, мировых средств массовой информации, крупнейших научно-исследовательских центров Северной и Южной Америк, Европы и Азии [14].

Таким образом, в условиях глобализации на передний план выходит вопрос о межцивилизационном порядке в мире. В материалах Министерства иностранных дел России о межцивилизационном диалоге говорится, что современные ученые формируют два сценария развития межцивилизационных отношений в мире. Первый связан с дальнейшей всесторонней интерна-

ционализацией при сохранении специфических культур, а второй предусматривает конвергенцию, при которой цивилизационные ценности различных культур как составные части вольются в глобальную цивилизацию. Можно сказать, глобализация начинает формировать новый императив сосуществования человечества — межцивилизационное согласие, которое должно обеспечить сосуществование культур и ре-

лигиозных традиций, признание множественности моделей развития с различными системами ценностей, что нашло свое подтверждение в словах Министра иностранных дел РФ, члена Совета безопасности РФ, Чрезвычайного и Полномочного Посла С.В. Лаврова: «Глобализация диктует выбор в пользу толерантности и цивилизационной совместимости, деидеологизации межгосударственных отношений» [15].

Литература

1. Степин В.С. Круглый стол «Диалог культур и партнерство цивилизаций» // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения, 14-15 мая 2009 г. — СПб.: СПбГУП, 2009. — С. 212.
 2. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры. — М., 1998. — С. 21.
 3. Проект передан в Правительство Санкт-Петербурга для дальнейшего представления в ЮНЕСКО от имени России.
 4. Лихачев Д.С. «Декларация прав культуры» [Электронный вариант]. — Режим доступа: <http://www.romance.ru/cgi-bin/index.cgi?page=d-6-3&item=1>.
 5. Зиновьев И.В. «Проблемы русской философии диалога (историко-философский анализ)»: автореф. канд. дис. ... по филос. — Екатеринбург, 2008. — С. 17.
 6. Белая книга Совета Европы по межкультурному диалогу [Электронный вариант]. — Режим доступа: <http://www.mpa-sf.ru/mpa-biblioteka/167-2010-04-25-18-56-00.html>.
 7. Centre for World Dialogue (в переводе с англ. яз. Центр всемирного диалога) Официальный сайт организации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.worlddialogue.org/>
 8. The International Society for Universal Dialogue (в переводе с англ.яз. Международное общество универсального диалога) Официальный сайт организации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.isud.org/>
 9. The Dialogue Institute (в переводе с англ. яз. Институт глобального диалога) Официальный сайт организации [Электронный ресурс]. — <http://institute.jesdialogue.org/>
 10. The Institute of Interfaith Dialog (в переводе с англ. яз. Организация межрелигиозного диалога) Официальный сайт организации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.interfaithdialog.org/>
 11. The Institute for Global Dialogue (в переводе с англ. яз. Институт глобального диалога) Официальный сайт организации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.igd.org.za/>
 12. Ариспе Л., Ашрави Х., Абулмагд А. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями: пер. с англ. / Под ред. С. П. Капицы. — М., 2002. — 192 с.
 13. Межуев В.М. На пути к универсальной цивилизации / Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачевские научные чтения, 13-14 мая 2010 г. — СПб.: СПбГУП, 2010. — С. 119-121.
 14. Официальный сайт МОФ «Диалог цивилизаций» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wpfdc.org/>
 15. Лавров С.В. Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры // «Международный диалог культур». Дипломатическая программа чтений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/Dip_Programma/012_SV_Lavrov_lek.pdf.
-

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Борисенко О.А., аспирантка, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
olenka_rabota@mail.ru

O. Borisenko, postgraduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: природа диалога, диалог культур

Scientific interests: nature of dialogue, dialogue of cultures

УДК 21.009:322

Шевченко Михаил Сергеевич
Michael Shevchenko

ОБРАЗЫ ИЕГОВИЗМА И ИЕГОВИСТСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ НАЧАЛА XXI В.

IMAGE OF IEGOVISM AND IEGOVIST IMAGERY IN THE CONTEXT OF COURT PROCEEDINGS IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Рассматривается проблема взаимоотношения государства и религиозных организаций, расположенных на территории России (на примере РО «Свидетели Иеговы»). Одни из участников доказывают, что иеговисты – опасная секта, имеющая деструктивную направленность. Другая сторона убеждена, что «Свидетели Иеговы» являются аполитичными, социально пассивными, лояльными, законопослушными гражданами и не представляют угрозы для государства и населения страны

Ключевые слова: Свидетели Иеговы, Российская Федерация, судебные процессы, адвокат

This article focuses on one of the most acute problem facing Russia today – the problem of relations between state and religious organizations located in its territory (for example, the RO «Jehovah’s Witnesses»). Some of the participants argue that the Jehovah’s Witnesses – a dangerous sect, which has destructive to the other party, believes that «Jehovah’s Witnesses» are non-political, social, passive, loyal, law-abiding citizens and do not represent a threat to layout-state and the country’s population

Key words: Jehovah’s Witnesses, Russian Federation, lawsuits, lawyer

Современное развитие конфессиональной сферы российского государства характеризуется неизменным ростом интереса к религиям, что объясняется усилением их влияния на политику, экономику, межнациональные отношения. Законодательство в области религии в нашей стране можно охарактеризовать как либеральное. Однако и его нормы на протяжении последних лет регулярно нарушаются, о чем свидетельствует целый ряд судебных процессов, в которых российское государство либо его социальные институты выступают против тех или иных субъектов религиозного действия. С одной стороны, рост количества судебных дел позволяет многим считать, что в России началась «религиозная война» против российского народа и его культуры. С другой, адвокаты многих из обвиняемых религиозных организаций, с завидным постоянством выигрывающих судебные процессы, ставят вопрос о необходимости

сохранения религиозных свобод. Это показывает, что вопрос о причинах распространения влияния религиозных образований в обществах, где они встречают сопротивление буквально на всех структурных уровнях, остается нерешенным.

В России отношения с целым рядом религиозных организаций, начиная с 90-х гг. XX в., напоминают военные действия, которые противные стороны ведут с разной степенью успеха. При этом успешность какой-либо из сторон здесь не представляется чем-то самоочевидным. Материал для размышлений в этом направлении дает современная история организации «Свидетели Иеговы» в России, которая известна тем, что, пользуясь негативным отношением со стороны других религиозных организаций и социальных институтов, неуклонно сохраняет высокую степень привлекательности для неофитов и адептов.

На территории всей Российской Федерации в течение последних лет к «Свидетелям Иеговы» фиксируется повышенное внимание со стороны властей и активистов «антикультулистского» движения. На страницах общественных, научных изданий и в залах судебных заседаний разворачивается дискуссия, посвященная выяснению вопросов о социальной сущности и последствиях деятельности «Свидетелей Иеговы» [11; 7]. Одни из ее участников доказывают, что иеговисты — опасная секта, имеющая деструктивную направленность [6; С. 85]. Их активность привела к тому, что в 2004 г. судебным решением запрещена деятельность «Свидетелей Иеговы» в Москве [18]. В 2011 г. судебное дело возбуждено против членов читинской религиозной организации «Свидетелей Иеговы». По официальному сообщению, поводом стало распространение литературы экстремистского содержания [22].

Другая сторона, апеллирующая к мнению известных религиоведов Н.С. Гордиенко и С.И. Иваненко [4; С. 25], убеждена, что «Свидетели Иеговы» являются аполитичными, социально пассивными, лояльными, законопослушными гражданами и не представляют угрозы для государства и населения страны. Эта точка зрения получила поддержку в 2010 г., когда Европейский суд по правам человека признал незаконным роспуск общины «Свидетелей Иеговы» в Москве [8]. Данное судебное решение поставило под сомнение суждение об опасности «Свидетелей Иеговы», однако показало, что и к религиозным организациям, не представляющим реальную угрозу в обществе, всё же может формироваться негативное отношение. В качестве причин религиоведы называют религиозный фундаментализм [4; С. 186], прозелитические успехи и, как следствие, негативную реакцию у общественных институтов и иных религиозных объединений [10; С. 25]. Однако и это мнение может быть оспорено.

Так, среди протестантских объединений Забайкальского края иеговизм известен среди населения как «нетрадиционная организация», которая ведет активную миссионерскую и прозелитическую деятельность

[13; 15]. Однако, согласно данным статистики, уже в течение десяти лет не отмечается рост приверженцев этой религиозной организации [1]. Появившись в Забайкалье уже более пятидесяти лет назад, к 2010 г. иеговисты имели две зарегистрированные организации, службы которых посещало не более 400 человек [5]. Успехи иеговистского прозелитизма настолько ничтожны, что не могут быть причиной негативного отношения со стороны общественности.

Следующим фактором, который, по мнению исследователей, может служить причиной противоречий между религиозным объединением и обществом, является религиозный фундаментализм. Иеговисты, как и многие другие объединения, имеющие истоки в протестантизме, основывают свое учение на Библейском тексте [12; 7]. Однако, как показывает А.В. Жуков [9; С. 122], фундаментализм иеговистов, испытывающих трудности во взаимоотношениях с обществом, становится осязаемым только по мере погружения в иеговистскую доктрину. Поэтому можно заключить, что в практике сравниваемых религиозных объединений фундаментализм не является причиной возникновения негативного отношения в обществе, и решение вопроса о причинах возникновения негативного отношения к религиозным объединениям необходимо рассматривать не в сущности вероучения или деятельности. Оно видится в анализе содержания образов и мифологем, которые иеговисты распространяют среди масс населения.

Одним из важных аспектов социальной мифологии религиозного объединения является создание образа общества, с которым оно собирается взаимодействовать. Образ создается в вероучительных текстах, а также в заявлениях лидеров и в деятельности, которую проводят активисты. Создаваемый иеговизмом образ — это миф о религиозной организации, которая полностью отделена от мира обычных людей. Социальную идеологию этой организации выразил в 1923 г. Дж. Рутерфорд, который выступил с речью на тему «Овцы и козлы». Им было показано, что «овцы» — «это стремящиеся к праведности люди, которые

унаследуют земную сферу Божьего Царства», царства Иеговы [15; С. 134]. «Козлы» — это те, кто не любят ни его, ни его братьев». Это земная организация Сатаны, куда входят религиозные лидеры, которые «выступали против учеников Иисуса и преследовали их» [16; 23].

В современных условиях эта мифология актуализируется до чёткого указания на существование «своих» и «врагов». «Врагами» являются «религиозные противники», представленные христианскими объединениями. «Своими» — те, кто входит в состав организации «Свидетели Иеговы» [14; С. 38]. Мифологизм восприятия современной действительности у иеговистов проявляется в том, что, проповедуя в наши дни, они верят, будто уподобляются «примеру ревностных возвещателей Царства первого века». Сегодня, как утверждают книги «Сторожевой башни», иеговисты возобновляют выполнение поручения Иисуса, которое он дал апостолам: «Во всех народах подготавливайте учеников». Одновременно в данной мифологии описывается и обратная сторона — это окружающий иеговистов современный мир, который обладает признаками «царства сатаны».

Описание современного мира в изданиях иеговистов включает мифологию о борьбе царей «севера» и «юга», в которых главную роль играют такие страны, как Соединенные Штаты Америки и Россия. Эти государства называются «алчными торговцами», принадлежащими к той «земной организации, которой Бог и Христос вынесли смертный приговор». Считается, что главным врагом Иеговы стали такие орудия Сатаны, как «национальное чувство и патриотизм» [15; С. 191]. Патриотическое служение означает поклонение дракону, от которого зверь получил власть.

Указывая на проблему современного противостояния иеговизму в России, иеговисты, с одной стороны, демонстрируют свою лояльность правительству, говоря о необходимости отдавать «кесарево кесарю», но с другой, полагают российское государство представителем «царя северного», который руководится «ложной религией» — православием. Иеговизм не сомневает-

ся, что «во исполнение пророчества разъяренный царь северный выступит в поход против народа Бога». Напав на народ Иеговы, — пишут идеологи иеговизма, — «царь северный» придет к «своему концу» [3; С. 273]. Проповедуя скорую гибель российского государства во «времена конца мира», иеговисты способствуют привлечению сторонников, увлечённых эсхатологическими призывами.

Проблемой, которую предстоит решать представителям общественности и государственной власти в этом случае, является необходимость осмысления социальной мифологии иеговистов, которые, с одной стороны, утверждают свою лояльность, но в то же время призывают своих последователей не признавать авторитет правительств, на территории которых они осуществляют свою проповедь [16; С. 27] под предлогом того, что «правление Царства во главе с Иисусом — не что-то ожидаемое в будущем, а нынешняя реальность». Кроме этого, социальная мифология иеговизма именует противниками Бога различные народы, например, евреев. К этому же лагерю отнесены «различные языковые группы», которые «расселились по земле» и разнесли с собой вавилонскую религию [15; 20]. Все национальные религии мира объявляются «дочерьми» «матери блудниц» — «Вавилонна Великого». Главной из них называется христианство, которое учит ложным доктринам [2; 18], утверждает иеговизм.

Учитывая то огромное влияние, которое оказывает иеговистская организация в жизни ее членов, необходимо раскрыть ее отношение к социальным институтам светского общества, от которых зависит уровень социальной приемлемости, таких как семья, образование, культура, наука. Наиболее противоречивым является отношение иеговистов к такому институту, как семья. С одной стороны, перед верующими иеговистами конструируется образ семейной жизни, который требует сохранения семьи и моногамности. Говорится, что «Библия поощряет замужних женщин «любить мужей, любить детей, быть здоровыми, чистыми, покорными своим мужьям» [21; С. 135]. С другой стороны,

семья, о которой говорят иеговисты, должна выполнять требования, которые выдвигает Иегова, то есть эта организация [20; 7]. От членов организации могут потребовать развода с семьей, которая не устраивает руководство [23; 17]. Иегова требует не участвовать в традиционных народных ритуалах и семейных праздниках, считая их сатанинскими [21; С. 205]. Иеговисты не отмечают дни рождений, не соблюдают поминальные обычаи [23; 3]. Сатанинскими объявляются традиции, связанные с почитанием умерших [7; 13]. Это ведёт к отрицанию традиций населения тех стран, в которых иеговисты ведут проповедь.

Столь же противоречивым является отношение иеговистов к такому институту общества, как светское образование. С одной стороны, Свидетелям Иеговы небезразлично будущее своих детей и они придают большое значение светскому обучению. С другой, они не скрывают, что их дети всегда воспитаны в согласии с убеждениями родителей и обращают внимание педагогов на то, что юные Свидетели могут принимать решения, не соответствующие каким-то конкретным видам школьной деятельности. Говорят, что «такое поведение обусловлено их религиозными и нравственными убеждениями» [19; 4], что должно стать причиной уступок школы по отношению к таким ученикам.

Ещё одним светским институтом, отрицательный образ которого создается в иеговистской мифологии, является наука [17; С. 30]. Наука – это «глубины мудрости сатаны, которые должен избегать верующий в Иегову» [15; С. 52]. Отрицание значения и роли действующей науки приводит иеговизм к ряду требований, которые в жизни человека могут привести к трагическим последствиям. Такие требования касаются запретов использования достижений медицины. Наиболее значимый запрет действует в отношении крови [3; С. 37].

С теми, кто следует учениям, не соответствующим тому, что говорят «Свидетели Иеговы», Господь Иисус «сражается... мечом уст своих». «Он просеивает свой народ, чтобы сохранить единство» [17; С. 207]. Старейшины следят за тем, не появились

ли в собрании нетеократические настроения, не склоняется ли кто ко греху [23; 3]. Рядовые иеговисты находятся под полным контролем со стороны регионального руководства организацией. Возможность тотального контроля над жизнью верующего обосновывается верой в то, что Иегова не прощает отступничества.

Итак, проведённый анализ иеговистской литературы показал, что иеговисты, как и многие религиозные образования, в качестве инструмента взаимодействия с общественностью используют мифотворчество. В своих мифах они обосновывают истинность своего учения и утверждают собственное религиозное превосходство над другими религиями. Иеговизм намеренно противопоставляет себя тому обществу, в котором он стремится распространить влияние. Мифотворчество иеговистов нацелено на дискредитацию общественных институтов и объявляет, что целью данной организации является разрушение основ любого неиеговистского социума. Поэтому среди людей, не намеревающихся стать иеговистами, религиозные мифологемы «Свидетелей» могут вызывать только отторжение и неприязнь. Общественное противостояние в данном случае неизбежно, и объяснять его только горячностью неопитов недостаточно. Не смогут прояснить ситуацию и попытки оправдания иеговистов, в которых будет доказываться, что на самом деле они не делали и не собирались делать ничего из того, о чём проповедуют. Общественная неприязнь для иеговистов в данном контексте является прогнозируемым и ожидаемым явлением, без которого, как показывает практика, невозможным становится сам факт существования иеговизма.

Анализ религиозной мифологии иеговизма приводит к выводу о том, что содержание данной мифологии является продуманным шагом, провоцирующим общественную неприязнь и возможные судебные процессы, к которым иеговисты всегда подготовлены намного лучше, чем их светские оппоненты. Религиозно-мифологической провокацией являются образ Иеговы, противостоящий Троице, и сконструированный на использовании текстов

иеговистской Библии, Иисус, являющийся противоположностью образу Христа, создаваемому другими направлениями христианства, образы мирового христианства, изображаемого в качестве сатанинской религии. Неизменно привлекает внимание общественности образ религиозной организации «Свидетелей Иеговы», которая в самих иеговистских текстах раскрывается как объединение верующих, основанное на жесткой религиозной дисциплине и тоталитарном контроле за жизнью рядовых участников. Широко доступные брошюры и книги иеговистов указывают на то, что в данной организации существует идеологически обоснованная возможность осуществления манипуляций сознанием верующих и психологического давления на них.

Таким образом, содержание социальной мифологии, распространяемой о себе иеговизмом, приводит к отторжению его последователей из социальной жизни страны. Вместе с этим, длительный исторический опыт выживания иеговизма показывает, что наибольший успех эта религия имеет в условиях гонений. Как показывает опыт проведения судебных процессов против иеговистов, Свидетели Иеговы во многом сами провоцировали те судебные иски, которые выдвигались против них. Великолепно подготовленные юридически, они всегда вели свои судебные дела так, чтобы одновременно проповедовать ценности своей религии [15; С. 40].

Социальное мифотворчество иеговистов сознательно противопоставляет данную религиозную организацию государствам и государственным, патриотическим идеям и идеологиям. Они рассматривают как своих врагов народы и народные культуры, национальные идеологии, традиционные и мировые религии. Практически они противостоят существующему порядку, на который опирается каждое из государств, и не скрывают этого. Перед своими последователями они ставят существенные ограничения в использовании достижений образования, культуры, науки и, в частности, медицины, к участию в политической жизни страны.

Вместе с тем, рассматриваемые тексты могут оказывать воздействие, в том числе негативное, на сознание, волю и поведение человека. В литературе и документах Свидетелей Иеговы содержатся признаки принуждения к разрушению семьи, посягательства на личность, права и свободы граждан. Издаваемые ими тексты содержат элементы религиозного и национального экстремизма, утверждающие тоталитарные порядки в организации с возможностью деструктивного влияния на личность и обосновывающие возможность межконфессиональной розни и антисоциальных выступлений. Нестандартная идеология и вероучение, явное противопоставление себя окружающему социуму и намеренная демонстрация возможности деструктивных последствий своего влияния на людей, присоединяющихся к данной организации, вызывают реальные опасения со стороны иных религиозных организаций, социальных институтов, административных и государственных органов, которые мобилизуют все возможные ресурсы для борьбы со «Свидетелями Иеговы».

Однако на деле перечисленное является еще и частью пропагандистской мифотворческой компании, целью которой является максимально возможное привлечение внимания аудитории в условиях современного коммуникационного пространства. Таким образом, противостояние иеговизма и российской правоохранительной системы есть дело рук самих иеговистов, результат их многолетней целенаправленной политики, позволяющей использовать трибуну залов заседаний для религиозной проповеди и одновременно привлекать значительные финансовые ресурсы, объясняя это необходимостью борьбы за религиозные свободы. Многочисленные примеры активной пропагандистской кампании с использованием судебных процессов, которую ведут «Свидетели Иеговы» в мире и в нашей стране, показывают, что они достигают своей основной цели. Они — одна из самых многочисленных неправославных религиозных организаций в Российской Федерации.

Литература

1. Баринов И.А. Во что верят забайкальцы (интервью с начальником отдела забайкальского Минюста А. Джупина) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.g12chita.ru/church/news.-php?id_article=72. – Загл с экрана.
2. В чем смысл жизни? Как же его найти. – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1993. – С. 18.
3. Внимайте пророчеству Даниила. – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1999. – С. 273.
4. Гордиенко Н.С. Российские Свидетели Иеговы: история и современность. – СПб., 2000. – С. 57.
5. Государственный реестр зарегистрированных религиозных организаций по Забайкальскому краю / Подготовлен отделом по делам некоммерческих организаций Забайкальского края министерства юстиции РФ. – Чита, 2010.
6. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. – Нижний Новгород, 2000. – С. 85.
7. Духи мертвых. Могут ли они помочь или навредить тебе? На самом ли деле они существуют? – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2001. – С. 13.
8. Европейский суд по правам человека признал незаконным роспуск общины Свидетелей Иеговы в Москве [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Москва, 2010. – Режим доступа: <http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=78223>. – Загл. с экрана.
9. Жуков А.В. Теология, христология и антропология современного иеговизма как социальный феномен // Вестник Читинского государственного университета, 2010. – № 1 (58) – С. 122-130.
10. Иваненко С.И. Религия и политика в современной России // Диалог. – 1993. – № 8-9. – С. 25.
11. Иваненко С.И. Эволюция идеологии и деятельности религиозной организации Свидетелей Иеговы в России (историко-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – М., 2002. – С. 7.
12. Книга для всех. – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1997. – С. 7.
13. Кондакова Н.С. Протестантизм на конфессиональном поле Забайкальского края: философский и религиоведческий аспекты: автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.14. – Чита: ЧитГУ, 2010. – С. 15.
14. Основательно свидетельствуем о Царстве Бога. – Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, 2009. – С. 38.
15. Откровение его грандиозный апогей близок! – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2007. – С. 191.
16. Правительство, которое принесет Рай. – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1993. – С. 23.
17. Приближайся к Иегове. – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2002. – С. 207.
18. Решение Головинского районного суда Северного АО г. Москвы от 26 марта 2004 г. по религиозному объединению «Свидетели Иеговы» [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.sekta-info.ru/docs3.htm>. – Загл. с экрана.
19. Свидетели Иеговы и образование. – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2007. – С. 4.
20. Уберегите своих детей. Пробудитесь! – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2007. – С. 7.
21. «Чему на самом деле учит Библия?» Watchtower Bible and Tract Society of Pennsylvania. – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 2002. – С. 135.

22. Чиров К. Статья для «Сторожевой башни». На читинских свидетелей Иеговы возбудили уголовное дело [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Чита, 2011. – Режим доступа: <http://zabmedia.ru/?-page=articles&text=2155>. – Загл. с экрана.

23. Что от нас требует Бог? – N.Y., Brooklyn: Watchtower Bible Students Association, 1996. – С. 17.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Шевченко М.С., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
m.s.shevchenko@mail.ru

M. Shevchenko, postgraduate student, Philosophy, Theory and Cultural History department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: религиоведение, этнология, краеведение

Scientific interests: religion, ethnology, regional history

Юридические науки

УДК 343.8

Тарайко Валерий Иосифович
Valery Taraiiko

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНО-
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ МЕР
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**THE MAIN DIRECTIONS OF PERFECTION
OF SPECIAL CRIMINOLOGICAL MEASURES
OF ECOLOGICAL CRIMES PREVENTION**

Рассматриваются проблемы предупреждения экологических преступлений, раскрываются уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные меры противодействия экологической преступности

Ключевые слова: экологическая преступность, экологические преступления, предупреждение преступлений

The article gives consideration to the problems of prevention of environmental crimes, reveal criminal, criminal procedure and search measures against environmental crime

Key words: environmental crime, environmental crime, crime prevention

Эффективное противодействие экологической преступности невозможно без масштабного комплекса взаимодополняющих общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения экологических преступлений. Основные задачи в этой проблеме лежат на криминологических исследованиях. Ученые-криминалисты особое внимание стали уделять вопросам предупреждения преступности в рамках криминологической методики расследования преступлений [1]. Однако, несмотря на имеющиеся исследования, проблема профилактики конкретных разновидностей преступлений должного отражения в частных криминологических методиках пока не нашла [2]. Эта работа должна быть активизирована в области оперативно-розыскного предупреждения преступлений, работа по совершенствованию деятельнос-

ти суда, прокуратуры, органов предварительного расследования в указанной области отношений.

В целом основной мерой предупреждения экологических преступлений на специально-криминологическом уровне являются мероприятия по совершенствованию уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, которые и будут рассмотрены в рамках настоящей работы.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, что касается правового аспекта снижения экологических правонарушений, то здесь возможны два известных юридической науке и практике способа: повышение эффективности норм предупреждения правонарушений и норм юридической ответственности за их совершение. Эффективность этих норм во многом

зависит от того, насколько их применение учитывает особенности правонарушений в сфере природопользования [3]. Таким образом то, что уголовный закон должен предупреждать преступность, не вызывает сомнения. Уголовное право как важнейшая составляющая уголовной политики традиционно рассматривается в качестве инструмента охранительного и регулятивного воздействия. Вместе с тем, применительно к экологической преступности можно заключить, что современное уголовное право не признает преступным сорок случаев нарушения правил природопользования и охраны окружающей среды. Следовательно, уголовный закон, по мнению потенциальных нарушителей, допускает возможность совершения противоправных действий в сфере экологии. При этом в качестве ответственности грозят в основном только материальные потери, но велика вероятность и безнаказанности, учитывая официальную статистику правоохранительных органов. Такое положение, исходя из складывающейся экологической ситуации в нашей стране, является недопустимым. Поэтому выход видится в максимально полной криминализации деяний против экологической безопасности и экологического порядка. Необходима эта мера и для того, чтобы переориентировать общественное сознание на то, что нельзя посягать на окружающую среду, равно как и на жизнь человека, ибо посягательство на природу, в конечном счете, и есть посягательство на здоровье и жизнь человека. Такая криминализация деяний в сфере экологии должна будет носить общепреventивный характер. По логике, учитывая общественную опасность деяний, посягающих на экологическую безопасность и экологический порядок, следует исключить составы административных правонарушений в экологической сфере, перенеся их в уголовную сферу, либо ввести уголовную ответственность за повторное аналогичное административное правонарушение. Таким образом, не исключая административной ответственности за экологические правонарушения, возможно ввести уголовную ответственность для лиц, пов-

торно их совершивших [4].

Кроме того, необходимо ужесточение санкций за экологические преступления, в том числе увеличение фиксированных размеров взысканий за причинение вреда. Как справедливо указывает М.И. Васильева, недопустима либерализация уголовной ответственности за экологические преступления ни в части законодательного установления квалифицирующих признаков преступлений, ни в части назначения наказаний судами. Необходим отказ от существующей практики экономии предусмотренных законом мер уголовной репрессии (отказ от возбуждения уголовных дел, назначение судами излишне мягких наказаний) и выборочного (по усмотрению контрольных и правоохранительных органов) применения мер административного взыскания к правонарушителям. Необходима активизация исковой работы органов государственного экологического контроля и прокурорского надзора, а также повышение исполнимости постановлений о наложении штрафов и судебных решений по экологическим делам [5].

При этом ужесточение санкций за экологические преступления необходимо не только в целях общего превентивного воздействия, но и, прежде всего, в целях обеспечения действенности потенциала органов, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности. Так, согласно ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях [6]. Проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Однако многие составы эколо-

гических преступлений, согласно ст. 15 и гл. 26 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), относятся к категории преступлений небольшой тяжести, что не допускает проведения указанных оперативно-розыскных мероприятий, затрудняя работу оперативных подразделений по их выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию [7]. В целом же, на наш взгляд, для повышения эффективности оперативно-розыскного противодействия совершению экологических преступлений в законодательстве и правоприменительной в том числе судебной практике должна найти отражение возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий (включая те, которые проводятся по судебному решению) по любой категории экологических преступлений.

Одной из предупредительных мер в отношении совершения экологических преступления также будет выступать введение уголовной ответственности юридических лиц. Институт ответственности юридического лица, в том числе и за экологические преступления, давно известен зарубежному уголовному праву. В 1978 г. Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских государств встать на путь признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. Ответственность юридических лиц за экологические преступления предусмотрена законодательством зарубежных стран (Китай, Германия, Дания, ряд штатов США и др.). Статья 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) гласит, что каждое государство – участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа. При условии соблюдения правовых принципов государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной. Каждое государ-

ство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные [8].

В российском УК РФ (ст. 19) четко установлено, что субъектом преступления может быть лишь физическое лицо. Хотя при обсуждении его проекта было мнение за введение ответственности юридических лиц. Особенно актуален вопрос об установлении уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления.

В отечественной юридической науке уже давно назрел вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, и ведутся споры. Некоторые авторы предлагают рассматривать юридических лиц специфическим орудием преступления в тех случаях, когда юридическое лицо специально создается для совершения преступления [9]. По мнению Э.Н. Жевлакова, необходимость установления уголовной ответственности юридических лиц диктуется не только тяжелой экологической ситуацией, но и перспективами дальнейшего негативного влияния на природную среду различных отраслей хозяйствования [10]. Имеет место точка зрения о том, что материальные возможности физических лиц по возмещению ущерба весьма ограничены, в то время как юридическое лицо может быть подвергнуто штрафу в большем размере [11].

Современная теория права признает субъектом ответственности как физическое, так и юридическое лицо. Однако, несмотря на введение института административной ответственности юридического лица с принятием кодекса об административных правонарушениях, законодатель не торопится ввести и институт уголовной ответственности юридического лица. Такой подход, на наш взгляд, должен быть пересмотрен в пользу введения уголовной ответственности юридического лица (с внесением соответствующих дополнений в ст. 19 УК РФ), особенно за совершение экологических преступлений. В настоящее время, учитывая сложившуюся кримино-

генную обстановку в экологической сфере, введение данного института поможет разрешить обозначенную проблему и будет направлено на предупреждение экологической преступности. Вполне возможно здесь перенять опыт Китая, где в Уголовном кодексе увеличены число и размер наказания, а также использован принцип «двойного наказания»: если экологическое преступление совершено организацией, то помимо штрафа, налагаемого на организацию, к уголовной ответственности привлекается лицо, непосредственно ответственное за данное деяние, либо первое лицо организации. Данная мера в Китае положительно сказалась на пресечении действий, наносящих ущерб окружающей среде со стороны организаций и физических лиц, стремящихся к получению экономической выгоды [12]. При этом, учитывая особенности мировоззрения и правосознания российского населения, предлагаем при совершении экологического преступления привлекать к уголовной ответственности как юридическое лицо (имущественные экологическое восстановительные санкции), так и лицо, непосредственно ответственное за данное деяние, а также первое лицо организации, без которого, как правило, не может быть принято решение о нарушении закона.

Среди предупредительных мер в экологической сфере следует отметить и необходимость хорошо скоординированной и целенаправленной работы правоохранительных органов, в том числе деятельности их специализированных подразделений. В деле противодействия, в частности, предупреждения, экологической преступности наибольшую роль должны играть органы внутренних дел. И в действующем законе о полиции [13] это направление деятельности недостаточно отражено и освещено, а также подкреплено в законодательстве и нормативной базе, регламентирующей административную, уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную деятельность полиции. В частности, в Кодексе об административных правонарушениях (КоАП) следует расширить административно-процессуальные полномочия полиции и предо-

ставить ей права не только на составление протоколов (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП), но и на рассмотрение дел об административных экологических правонарушениях с вынесением соответствующих постановлений, определений по более широкому кругу составов, нежели это закреплено сейчас (ст. 23.3). Специализированные подразделения полиции экологической направленности должны быть наделены полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность и дознание по экологическим преступлениям.

Наиболее активные регионы Российской Федерации пытаются самостоятельно решить данную проблему и, надо отметить, что они добиваются значительных результатов в деле противодействия экологической преступности. В настоящее время в трех регионах Российской Федерации проводится эксперимент, согласно которому в Москве, Московской области и Республике Татарстан созданы и функционируют специализированные подразделения МВД, призванные вести борьбу с экологическими преступлениями. Сибирские регионы, учитывая их особенность, идут дальше. В настоящее время в Алтайском и Красноярском краях, Читинской области, Республике Бурятия созданы специализированные подразделения по предупреждению и выявлению преступлений в лесной отрасли (лесная полиция). Одним из первых такой отдел появился в Иркутской области и, несмотря на многочисленные трудности в организации его работы, успешно противодействует криминалу в регионе. Помимо борьбы с нелегальным оборотом древесины «лесные полицейские» заняты и профилактикой лесных пожаров [14].

Результаты проводимого эксперимента показали целесообразность создания в системе МВД России подразделений экологической полиции на постоянной основе, обладающих необходимыми полномочиями, силами и средствами для выполнения задач по поддержанию правопорядка в экологической сфере и обеспечению экологической безопасности. Несмотря на неоднократно проведенные и продолжающиеся сегодня

мероприятия по реорганизации полиции, за период своего существования именно в органах внутренних дел сформировано профессиональное ядро и значительный потенциал для осуществления оперативно-розыскной деятельности, а также имеется достаточная материально-техническая база.

Решение рассматриваемой проблемы заложено и на международном уровне. 62-я Генеральная Ассамблея Интерпола в резолюции, принятой еще в 1993 г., рекомендовала государствам – членам этой организации создавать в своих странах специальные полицейские подразделения, которые во взаимодействии с другими правоохранительными органами занимались бы противодействием преступности в экологической сфере. IX Конгресс ООН по предупреждению преступности даже рекомендовал участникам форума изучить возможность создания специальных экологических судов или коллегий судей, формирования списка присяжных по делам, связанным с охраной природной среды [15]. Подобная практика применяется рядом зарубежных государств, где борьба с нарушениями природоохранного законодательства возлагается на специализированные подразделения, имеющие самые широкие полномочия. В Германии, Франции, США, Испании, Бельгии, Австрии, Норвегии, Канаде, Чили и ряде других стран для этого активно привлекаются подразделения полиции, жандармерии и иные структуры [16]. В Италии существует лесная и сельскохозяйственная полиция. Функции этого подразделения состоят в защите лесов, сельскохозяйственных угодий и горных участков. Полиция по охране лесов есть и в Китае, она создана в районах, располагающих лесными массивами. Подразделения лесной полиции охраняют леса от незаконной вырубki, пожаров, обеспечивают порядок и безопасность в зоне ответственности, в том числе и на объектах лесного хозяйства [17].

Этот опыт пытаются перенять и сибирские регионы. Вместе с тем, он далек

от совершенства. Мы уже указывали, что для полноценной работы специализированных подразделений требуется совершенствование нормативной базы, включая регламентацию оперативно-розыскной деятельности. В настоящее время в России создаются специальные подразделения полиции по противодействию преступлениям в лесной сфере. Эти структуры, входя в систему полиции общественной безопасности, обладают ограниченными возможностями при предотвращении, раскрытии и расследовании преступлений. Новые подразделения зачастую не имеют реальных рычагов воздействия на сложную ситуацию в сфере оборота леса. На фоне слабой правовой регламентации деятельности таких структур они наделяются минимумом возможностей полиции общественной безопасности, основной обязанностью которой является профилактика и предотвращение преступлений. При том, что специфика совершения преступлений экологической направленности (основная масса которых совершается в условиях неочевидности) и высокий уровень латентности подобных деяний требуют применения для противодействия их совершению значительно эффективных средств. В частности, без проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе негласного характера, сбор данных, составляющих предмет доказывания, становится весьма сложной задачей. Поэтому для надлежащего обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений, посягающих на экологическую безопасность и экологический правопорядок, требуется создание специализированных подразделений органов внутренних дел, наделенных полномочиями на осуществление оперативно-розыскной деятельности и отдельными функциями дознания. И эта ситуация должна найти скорейшее организационно-правовое разрешение, в том числе с вступлением в силу закона о полиции в этом году и совершенствованием практики деятельности органов полиции.

Литература

1. Возгрин И.А. Структура частных криминалистических методик расследования преступлений / Криминалистика: учебник // Под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Быстрыкина. – М., 2001. – С. 571-576; Шаламов М.П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений / Криминалистика: учебник. – М., 1963. – С. 392; Яблоков Н.П. Общие положения криминалистической методики расследования преступлений / Криминалистика: учебник. – М., 2001. – С. 491, 495.
 2. Куркова Н.А. Проблемы расследования преступлений, связанных с контрафакцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2003. – С. 15.
 3. Жариков Ю.Г. Особенности предупреждения экологических правонарушений // Экологическое право. – 2003. – № 6. – С. 25-26.
 4. Клетнева Е.Г. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие причины, условия и предупреждения: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – С. 163-187.
 5. Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. – 2007. – № 2.
 6. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
 7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
 8. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М., 2001.
 9. Курицына Е. Юридические лица как орудия преступления // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – С. 42-43.
 10. Жевлаков Э.Н. К вопросу об ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 10-13.
 11. Фаткуллин С.Т. Уголовно-правовая охрана земли от порчи: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 78-79.
 12. Лю Хунянь. Юридическая ответственность за экологические правонарушения в России и Китае // Гражданин и право. – 2007. – № 1.
 13. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 08 февраля.
 14. Бородуля Е.В. Проблема незаконного оборота леса на территории Байкальской природной территории и пути ее решения // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – М., 2006. – № 4.
 15. Криминология: учебник для вузов // Под общ. ред. А.И. Долговой. – 2-е изд. – М., 2001. – С. 589.
 16. Лапина М.А. Обеспечение экологической безопасности правоохранительными органами: зарубежный опыт: монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2001. – С. 110.
 17. Князев В.В., Сазонова Н.И., Жмыхов А.А., Заморина Т.Ю. Полицейские системы зарубежных государств: учеб. пособие. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – С. 100.
-

Коротко об авторе

Briefly about the author

Тарайко В.И., канд. юрид. наук, доцент, зам. директора института права и предпринимательства, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет (С(А)ФУ)

Служ. тел.: (818-2) 41-28-02

V. Taraiiko, Candidate of Law Sciences, associate professor, deputy director of the Institute for Law and Entrepreneurship Northern (Arctic) Federal University (NArFU)

Научные интересы: уголовное право, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность

Scientific interests: criminal law, criminal procedure, investigation and search operations

Педагогические науки

УДК 378

Венславский Владимир Борисович
Vladimir Venslavsky

КОНЦЕПЦИЯ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ К ОБУЧЕНИЮ ЭЛЕКТРОНИКЕ В ШКОЛЕ НА ПРОФИЛЬНОМ УРОВНЕ

THE CONCEPT OF TEACHERS' TRAINING TO INSTRUCTION ELECTRONICS IN SCHOOL ON THE PROFILE LEVEL

Рассматривается концепция системы подготовки будущих учителей технологии к обучению электронике в школе на профильном уровне в условиях уровневой системы высшего профессионального образования

Ключевые слова: профессионально направленная подготовка, моделирование систем, метод опрокинутой характеристики, интегративная дисциплина, учебно-методический комплекс

The concept of a system of training future technology teachers to instructing electronics at school on a profile level in a tiered system of higher education is observed

Key words: vocational training areas, simulation systems, method of characteristics overturned, integrative discipline, training set

В настоящее время осуществляется переход к многоуровневой системе образования, что позволяет с 2001 г. проектировать и реализовать обучение электронике в общеобразовательной школе на профильном уровне [1; 2]. В статье обсуждается концепция системы подготовки будущих учителей технологии к обучению электронике в общеобразовательной школе на профильном уровне в условиях уровневой системы высшего образования.

Установлено, что проблемы с пониманием электроники начинаются с освоения моделирования двухполосных резистивных пассивных и активных электронных элементов и построения из них моделей систем. Первой проблемой является привязка к компонентным линейным моделям Ома для резистивных пассивных элементов цепи и источников электрической энергии в режиме генерации без обсуждения технологии выбора этих моделей на основе

ВАХ. Вторая проблема — недостаточное внимание к переходу от компонентного уровня моделирования к системному с помощью топологических законов Кирхгофа. Третья проблема связана с недостаточной разработанностью теории и методики моделирования электронных систем «источник-приёмник» в графической форме, с заблуждениями в определении понятия «внешняя характеристика» и многозначностью термина [6].

С решением этих проблем связана разработка теории и частной методики обучения студентов моделированию электронных элементов и систем [2; 3]. В разработанной методике учтены авторские дополнения теории моделирования электронных элементов и систем в графической форме [5; 6] и теории развития креативного мышления в процессе эвристического обучения, принципы которого ориентируют на конструирование знания на основе реального объекта исследу-

дования [7]. Эти принципы адаптированы нами к условиям эвристического обучения будущих учителей технологии учебному моделированию электронных устройств и педагогическому проектированию элементов учебно-методических комплексов (УМК) курсов по электронике. На первом этапе студенту предлагается создать собственный продукт, на втором – найти аналоги и сравнить, на третьем этапе выполняется переосмысление собственного продукта и его корректировка, что приводит к приращению знания об объекте исследования. В качестве собственного продукта педагогического проектирования студенту предлагается разработка элементов УМК курсов по электронике: программ курсов по выбору и «индивидуальных проектов», тематических текстов, контролирующих материалов, терминологических статей, информационных и контролирующих систем, программных (обучающих, моделирующих, имитационных) и технических средств учебного назначения, дистанционных курсов по кейсовой и сетевой технологии.

Концепция профессионально направленной методической системы подготовки будущих учителей технологии к обучению электронике в общеобразовательной школе на профильном уровне, которая включает *основание* (цели и факторы), *теоретический блок* (теоретико-методологическое основание, основополагающие принципы, ведущие идеи, основные положения), *модель* профессионально направленной методической системы, *прикладной блок* (Примерные УМК дисциплин электроники), разработана нами с учётом уровневой структуры высшего образования.

Основанием концепции системы подготовки будущих учителей технологии к обучению электронике в школе на профильном уровне является ориентация на конечную цель – достижение профессиональной компетентности на основе деятельностного формирования профессиональных компетенций в условиях уровневой структуры высшего профессионального образования.

К *теоретико-методологическому основанию концепции* нами отнесены сис-

темный, деятельностный, контекстный, герменевтический и компетентностный подходы.

К *основополагающим принципам* отнесены дидактические принципы научности, межпредметной интеграции, дифференциации, единства фундаментальности и профессиональной направленности; частно-методические принципы наглядности, доступности, последовательности (ступенчатый и спирально-циклический).

Ведущими идеями при создании концепции были сквозная структура профессионально направленной подготовки в бакалавриате и магистратуре на основе интегративных дисциплин электроники и методики обучения электронике (вариативная часть «Профессиональных циклов» и цикла «Практикумы и НИР» ООП); создание системы дидактических модулей в структуре дисциплин профессионально направленной подготовки студентов по электронике, выделение вариативных составляющих, ориентированных на развитие мотивации к обучению электронике в школе на профильном уровне; обучение на уровне младшей ступени бакалавриата дополненной теории и методике учебного моделирования электронных элементов и целостных систем «источник-приёмник»; использование современных технологий, программных и технических средств обучения; разработка и использование УМК и Примерных УМК дидактических модулей дисциплин; освоение на уровне магистратуры технологии педагогического проектирования элементов УМК профильных дисциплин электроники; использование элементов Примерных УМК дисциплин электроники в качестве прототипов продукта педагогического проектирования.

Разработанная нами концепция системы подготовки будущих учителей технологии базируется на следующих *положениях*.

1) подготовка студентов к обучению электронике в общеобразовательной школе на профильном уровне – обязательный элемент профессиональной подготовки будущих учителей технологии;

2) профессионально направленная под-

готовка студентов по электронике в условиях уровневой структуры высшего педагогического образования должна осуществляться по сквозному принципу обучения в рамках вариативных частей «Профессиональных циклов» ООП на основе интегративных дисциплин («Введение в электронику» и «Основы электроники») в бакалавриате и («Учебное проектирование электронных устройств» и «Профильное обучение электронике») в магистратуре и цикла «Практикумы и НИР»;

3) структура интегративных дисциплин подготовки по электронике и методике обучения электронике должна представлять систему дидактических модулей, каждый из которых включает вариативную и инвариантные части, что позволяет сместить акцент с предметной подготовки на целевое освоение профессиональных компетенций;

4) ведущими дидактическими принципами конструирования дисциплин («Введение в электронику» и «Основы электроники») и принципами обучения в бакалавриате являются принципы научности, дифференциации, межпредметной интеграции, единства фундаментальности и профессиональной направленности, которые в процессе подготовки способствуют формированию профессиональных компетенций;

5) критерием отбора содержания интегративных дисциплин в бакалавриате должно выступать соответствие современным достижениям теории и практики моделирования электронных элементов и систем, включение материала, рассмотрение которого способствует развитию мотивации к обучению электронике в школе и формированию технологического, креативного, критического, нелинейного мышления;

6) ведущими принципами конструирования дисциплин («Учебное проектирование электронных устройств» и «Профильное обучение электронике») и принципами обучения в магистратуре являются принципы научности, межпредметной интеграции, дифференциации и дидактической эвристики, единства фундаментальности и профессиональной направленности, ко-

торые способствуют формированию профессиональных компетенций в области педагогической, научно-исследовательской, методической и проектной деятельности;

7) в качестве дидактических средств подготовки к обучению электронике в школе на профильном уровне и прототипов «образовательного продукта» педагогического проектирования должны использоваться Примерные УМК дидактических модулей по электронике.

Особенностями методики обучения будущих учителей технологии, обеспечивающими фундаментальную общетехническую подготовку к обучению электронике в школе на профильном уровне, являются:

1) использование разработанной методики обучения моделированию электронных элементов и систем «источник-приёмник» в графической форме на основе развития и дополнения теоретических основ методов опрокинутой характеристики и эквивалентного генератора [3; 5];

2) применение дополненной методики обучения моделированию цифровых устройств комбинационного последовательного типа [4];

3) использование адаптированной методики эвристического обучения студентов педагогическому проектированию элементов УМК дидактических модулей по электронике [3; 7];

4) освоение педагогических технологий, обеспечивающих организацию эффективной аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы, приёмов и методов, содействующих развитию целостного, критического, креативного мышления и мотивации качественной подготовки к преподаванию электроники в школе на профильном уровне [2; 3];

5) организация педагогических условий, позволяющих эффективно реализовать систему подготовки будущих учителей технологии к обучению электронике в общеобразовательной школе на профильном уровне.

Модель профессионально направленной методической системы подготовки будущих учителей технологии в условиях

уровневой структуры высшего профессионального образования к обучению электронике в общеобразовательной школе на профильном уровне включает мотивационно-целевой, содержательный, деятельностный, коммуникативный и рефлексивный компоненты, отражает целевые установки на освоение компетенций в бакалавриате и магистратуре и достижение требуемого уровня профессиональной компетентности.

Содержательный компонент системы подготовки реализован сквозной системой интегративных дисциплин электроники и методики обучения электронике, сконструированных по модульному принципу на основе выделенных подходов и дидактических принципов, реализуемых с использованием ИКТ [5; 6].

Коммуникативный компонент подготовки по электронике реализован на основе герменевтического и культурно-исторического подходов, создания глоссария в инвариантной составляющей содержания дидактических модулей на основе осмысления статей стандарта ГОСТ Р 52002-2003 [6].

Мотивационно-целевой компонент системы подготовки учитывает теорию диссонанса и развития мотивации за счёт выделения вариативной составляющей в содержании дидактических модулей дисциплин электроники.

Рефлексивный компонент системы подготовки реализован за счёт введения контрольно-коррекционно-оценочных блоков в содержании дидактических модулей дисциплин электроники и сопровождения проектной деятельности и НИРС.

Модель подготовки будущих учителей технологии реализована в виде методичес-

кой системы, характерными особенностями которой является:

1) ступенчатая структура освоения профессиональных компетенций в процессе изучения основ моделирования электронных элементов и систем, практического освоения процесса педагогического проектирования образовательной среды на основе деятельности по созданию элементов УМК дидактических модулей профильных дисциплин по электронике;

2) использование частично поисковых и исследовательских методов;

3) включение в вариативные части циклов учебного плана подготовки в бакалавриате интегративных дисциплин («Введение в электронику» и «Основы электроники»), сконструированных на основе выделенных дидактических и различных частно-методических принципов;

4) использование современных технических и программных средств учебного назначения и их учебное проектирование;

5) включение в вариативные части циклов учебного плана подготовки в магистратуре интегративные дисциплины «Учебное проектирование электронных устройств» и «Профильное обучение электронике», сконструированные на основе выделенных дидактических и различных частно-методических принципов.

В *модели* методической системы подготовки будущих учителей технологии к обучению электронике в школе на профильном уровне учитывается специфика (цели этапов подготовки и дисциплин, методы, формы, средства и содержание) профессионально направленной подготовки по электронике в бакалавриате и магистратуре (см. схему).

Бакалавриат		Магистратура		
Цели	Формирование профессиональных компетенций на основе профессионально направленной подготовки по электронике	Формирование профессиональных компетенций в области педагогической, научно-исследовательской, проектной и методической деятельности		
Структура	<pre> graph TD A[«Введение в электронику»] --> B[«Основы электроники»] </pre>	<pre> graph TD C[«Учебное проектирование электронных устройств»] D[«Элективные курсы по электронике»] </pre>		
Содержание	<p>1. Содержание дисциплины «Введение в электронику» (вариативная часть цикла Б.3 ООП) <i>Факторы:</i> 1) цель – освоение технологии моделирования электронных элементов и систем; 2) недостаточный опыт учебного моделирования электронных элементов и систем; 3) мотивация – недостаточная для профессионально направленного освоения электроники <i>Дидактические принципы:</i> научности, межпредметной интеграции, дифференциации, единства фундаментальности и профессиональной направленности <i>Частно-методические принципы:</i> единства теории и практики, доступности, наглядности, ступенчатости, спиральной циклическости</p> <p>2. Содержание интегративной дисциплины «Основы электроники» (вариативная часть цикла Б.3 ООП) <i>Факторы:</i> 1) цель – освоение технологии учебного моделирования электронных устройств; 2) накопление опыта; 3) положительная мотивация к освоению электроники <i>Дидактические принципы:</i> дифференциации, научности, единства фундаментальности и профессиональной направленности, межпредметной интеграции <i>Частно-методические принципы:</i> линейный, ступенчатый, спирально-циклический</p>	<p>1. Содержание дисциплины «Учебное проектирование электронных устройств» (вариативная часть цикла М.2 и цикл М.3 ООП) <i>Факторы:</i> 1) цель – подготовка к педагогическому проектированию обучения электронике в школе; 2) деятельностное накопление опыта; 3) развитие положительной мотивации педагогического проектирования обучения электронике в школе <i>Дидактические принципы:</i> научности, межпредметной интеграции, дидактической эвристики, профессиональной направленности <i>Частно-методические принципы:</i> ступенчатый, спирально-циклический</p> <p>2. Содержание интегративной дисциплины «Профильное обучение электронике» (вариативная часть цикла М.2 и цикл М.3 ООП) <i>Факторы:</i> 1) цель – подготовка будущего учителя технологии к работе в условиях профильного обучения электронике; 2) накопление опыта; 3) положительная мотивация к обучению электронике в школе на профильном уровне <i>Дидактические принципы:</i> научности, дидактической эвристики, межпредметной интеграции, единства фундаментальности и профессиональной направленности. <i>Частно-методические принципы:</i> ступенчатый, спирально-циклический</p>		
Методы	Объяснительно-иллюстративный, поисковый, репродуктивный, метод ошибок, эвристический	Объяснительно-иллюстративный, частично поисковый, эвристический, исследовательский		
Формы	1) лекции; 2) лабораторные занятия; 3) руководство образовательным маршрутом, проектной деятельностью в СКБ, научной работой; 4) сквозное руководство работой над ВКР	1) лабораторные занятия; 2) коллоквиумы, защита творческих заданий; 3) дистанционное руководство образовательным маршрутом; 4) руководство научной работой и работой над магистерской диссертацией		
Средства	Элементы УМК и Примерные УМК дисциплин: 1) информационная система (нормативные документы, учебные планы и программы, Примерные учебные программы); 2) образовательный ресурс (толковые словари, учебные пособия, практикумы, задачки); 3) программные средства учебного назначения (информационные, моделирующие, имитационные, обучающие, контролируемые); 4) технические средства учебного назначения (демонстрационные, лабораторные, «домашняя лаборатория»)			

Модель системы подготовки будущих учителей технологии к обучению электронике в общеобразовательной школе

Прикладной блок концепции подготовки будущих учителей технологии к обу-

чению электронике в школе на профильном уровне включает УМК и Примерные УМК дисциплин электроники. Ядром разработанных нами Примерных УМК дисциплин «Введение в электронику» и «Цифровая электроника» являются изданные учебные

пособия [3; 4], авторские программные и технические средства.

Предложенная концепция системы подготовки будущих учителей технологии к обучению электронике в школе на про-

фильном уровне позволяет организовать обучение на основе использования современных подходов и технологий в условиях уровневой системы высшего профессионального образования.

Литература

1. Сборник нормативных документов: физика / сост. Э.Д. Днепров, А.Г. Аркадьев. – М.: Дрофа, 2007. – 107 с.
2. ФГОС общего образования. Среднее (полное) образование. (Проект. 15 апреля 2011 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.edu.ru/pro/fgos/150411.pdf> (дата обращения: 25.08.2011).
3. Венславский В.Б. Введение в учебное проектирование электронных устройств: учеб. пособие для студентов педагогических университетов. – Чита: Экспресс-изд-во; ЗабГГПУ, 2008. – 132 с.
4. Венславский В.Б. Учебное проектирование цифровых устройств: учеб. пособие для студентов педагогических университетов. – Чита: ЗабГГПУ, 2010. – 136 с.
5. Венславский В.Б. Физические основы метода опрокинутой характеристики. – Чита: ЗабГГПУ, 2011. – 14 с. Деп. в ВИНТИ 25.03.2011 № 145-B2011.
6. Венславский В.Б. Объем понятия внешняя характеристика и проблемы стандартизации. – Чита: ЗабГГПУ, 2011. – 14 с. Деп. в ВИНТИ 25.03.2011 № 144-B2011.
7. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика: Теория и технология креативного обучения. – М.: МГУ, 2003. – 416 с.

Коротко об авторе

Венславский В.Б., канд. физ.-мат. наук, доцент, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
venslav@mail.ru

Briefly about the author

V. Venslavsky, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, associate professor, Zabaikalsky State University

Научные интересы: физика, электронные устройства

Scientific interests: physics, electrical devices

УДК 37.03

Ермолаев Денис Евгеньевич
Denis Ermolaev

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ПРИ РАБОТЕ С РАЗЛИЧНЫМИ ВОЗРАСТНЫМИ ГРУППАМИ НАСЕЛЕНИЯ

PROBLEM OF PATRIOTIC EDUCATION AT WORK WITH VARIOUS AGE GROUPES

Рассматривается вопрос организации патриотического воспитания детей в дошкольных образовательных учреждениях, предлагаются обобщенные методы проведения работы в данном направлении

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, воспитательная работа, родной край, формирование, навыки, знания

The article considers the question of patriotic education organization of children in pre-school educational institutions, and proposes generalized methods of work in this direction

Key words: patriotism, citizenship, educational work, native land, formation, skills, and knowledge

Гражданско-патриотическая работа в России является тем фундаментом, на котором можно построить все звенья цепи возрождения духовности, нравственности, социальной активности подрастающего поколения. 12 октября 2010 г. постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795 принята государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» [1]. Государство констатирует недостаточный уровень патриотизма и гражданственности населения. Термин «население» включает все слои общества всех возрастов. Сюда включена та часть населения, которая завершила обучение в образовательных учреждениях, а также социальные группы, которые занимаются профессиональной подготовкой весь период трудовой деятельности (военнослужащие, полицейские, сотрудники МЧС, УФСИН и т.д.). Патриотизм имеет важное социально-культурное значение, особенно в процессе социализации детей и молодёжи. Уважение к истории страны, родного края, своей семьи – базис воспитания патриотизма. Патриотизм (от греч. *patriotes*-соотечественник; *patris*-отечество) – любовь к Родине; идеология, де-

кларирующая поддержку родной стране и деятельность на благо отечества в представлении индивида, нравственный, основополагающий принцип.

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» подразумевает механизм работы с учащимися, т.е. в основном ученики общеобразовательных школ с 1-го по 11 й класс, а также учащихся средне-специальных учебных заведений и студентов высших учебных заведений. Известно, что педагогическая наука рекомендует начинать обучение и воспитание ребенка (будущего гражданина и патриота) с самого рождения. Азы навыков и умений социального общения ребенок, как правило, получает в дошкольных учреждениях, которые ориентированы на подготовку детей к обучению в начальной школе. В современных условиях все выпускники детского сада умеют читать, считать и писать, хотя учебная программа первого класса начальной школы рассчитана на обучение именно названному. Фактически происходит динамика закрепления знаний и умений, полученных первоклассником в подготовительной группе детского сада.

Вопрос патриотического воспитания наряду с чтением и письмом в детском саду может заключаться в получении элементарных знаний о государственной символике, географии и топографии родного края и страны, подвигах героев войн. Особенно это становится актуальным при опоре на педагогическое положение о том, что личность формируется в первые пять-шесть лет жизни человека. Чтобы утверждать о необходимости начала патриотического воспитания еще в дошкольном возрасте (в детском саду, так как 70 % детей посещают дошкольные образовательные учреждения), следует обосновать понятие «патриотическое воспитание».

Итак, патриотическое воспитание – это систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, соответствующих социальных и государственных институтов (прежде всего, семьи и образовательной сферы), общественных организаций и объединений по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины, а также это сложная система социально-педагогической деятельности, связанная с передачей жизненного опыта от поколения к поколению, с целенаправленной подготовкой человека к созидательному труду на благо Отечества, с его социализацией, формированием и развитием духовно-нравственной личности, способной любить свою Отчизну, постоянно ощущать связь с ней, защищать ее интересы, сохранять и преумножать лучшие традиции своего народа, его культурные ценности, постоянно стремиться к обеспечению безопасности личности, общества и государства [2].

Гражданско-патриотическое воспитание представляет собой сложную управляемую систему, включающую многообразие взаимосвязанных между собой элементов, внутренних устойчивых связей и отношений объективного и субъективного характера, а также подсистемы содержательного, организационного и методического

плана. Внутри системы патриотического воспитания проявляются и функционируют закономерности различного уровня и порядка, учет которых позволяет эффективно и качественно управлять данной системой [3; 7].

Приоритет патриотического воспитания – возрождение в российском обществе гражданственности и патриотизма как важнейших духовно-нравственных и социальных ценностей, формирование и развитие подрастающего поколения, обладающего важнейшими активными социально значимыми качествами, способного проявить их в созидательном процессе в интересах нашего общества, в укреплении и совершенствовании его основ, в том числе и в тех видах деятельности, которые связаны с обеспечением его стабильности и безопасности [3].

Изучение федеральных нормативных документов, определяющих содержание государственных компонентов результативности общего образования в РФ в аспекте их воспитательной значимости, позволяет сделать вывод о том, современная государственная система оценки и контроля результатов общего образования устанавливает в качестве обязательных требования в виде компонентов госстандартов и в виде показателей и критериев аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений различных типов и видов [4]. Исключение составляют лишь общие показатели и методические подходы к госконтролю за воспитательной деятельностью, рекомендованные Минобразованием России [4], содержание аттестации и государственной аккредитации нескольких десятков учреждений федерального подчинения, реализующих общеобразовательные программы, содержание аттестации и государственной аккредитации учреждений общего образования, реализуемое в нескольких субъектах РФ на основе их инициативы (Владимирская, Калужская, Пензенская, Астраханская области, Республика Калмыкия, Ханты-Мансийский автономный округ и др.) с помощью технологии «КАС ДОУ – Аттестация (Новая Версия)», признанной

соответствующей федеральным требованиям [5].

Таким образом, в результате анализа документов по патриотическому воспитанию, можно сказать, что несмотря на возможность и необходимость организации воспитания будущих патриотов на первом этапе обучения и социальной адаптации юных граждан в дошкольных учреждениях данная возможность не используется в полной мере.

Опыт проведения конкретных исследований работы по патриотическому воспитанию показывает, что основное содержание и последовательность этой методики не требуют временных и финансовых затрат и включают составление краткого плана патриотического воспитания и его результатов, разработку методических материалов и документов для его проведения. Здесь определяются цель и задачи анализа, перечень важнейших направлений деятельности наиболее значительных мероприятий и проблем, методы анализа и инструментарий его осуществления, рабочие гипотезы и ожидаемые результаты; порядок проведения анализа и представления его итогов и т.д.

Следующей задачей может стать сбор данных (информации) о состоянии патриотического воспитания и его результатах, об эффективности проводимых мероприятий, об участии в них как организаторов, так и различных категорий граждан и т.д. Источниками данных могут быть личные наблюдения, результаты бесед, опросов, анкетирования, результаты и выводы по результатам различных проверок, итоговых мероприятий, отчеты муниципальных органов.

В подведении итогов данного процесса будут проанализированы результаты деятельности с выделением признаков положительного и отрицательного характера, анализ проделанной текущей работы или значительных мероприятий, требующих длительной подготовки, анализ эффективности работы непосредственных организаторов патриотического воспитания, выполнения ими отдельных задач, конкретных

функциональных обязанностей, а также анализ и оценка действенности воспитательной работы с различными возрастными группами детей. Количественные (число мероприятий, степень охвата обучаемых, классификация мероприятий по видам) и качественные показатели (эффективность мероприятий, изменение ситуации после их проведения, мероприятия, оказывающие наибольшее формирующее, информационное и другое воздействие) и определение выводов станут основанием для деятельности по становлению патриотического воспитания, формирования конкретных задач и мер по их дальнейшему улучшению.

Механизм создания базы по гражданско-патриотическому воспитанию на современном этапе развития общества будет основываться на оценке состояния патриотического воспитания и полученных результатах, их сравнении с предыдущим периодом, степени соответствия проводимой работы предъявляемым требованиям, решаемым задачам, имеющимся возможностям, неиспользованные возможности, средства, упущения, недостатки, на которых необходимо сосредоточить основные усилия.

Информационный массив о ходе исследования и его результатах должен стать публичным достоянием, опубликованным на разных этапах процесса его развития, быть доступным к дискуссии всем социальным, научным, гражданским организациям, непосредственным участникам процесса патриотического воспитания.

Что же касается непосредственно детей младшего возраста, то информация и методика организации работы по формированию патриотизма должна быть адаптирована соответственно их возрастным особенностям и умственным способностям. Для этого требуются специалисты-педагоги, психологи, квалифицировано владеющие педагогическим мастерством и имеющие специальную подготовку.

При осуществлении данной работы необходимо учитывать, что, в отличие от западноевропейских моноэтнических государств, Россия является исконно мульт-

тикультурным и многонациональным государством. В соответствии с этим система образования в национальных субъектах Российской Федерации должна быть направлена на разработку собственных программ патриотического воспитания детей, посещающих дошкольные учреждения, основываясь на фундаменте многовековой истории мирного сосуществования разных этносов и конфессий на одной административной территории.

Таким образом, реализация предложенных мероприятий по совершенствованию гражданско-патриотического воспитания детей в дошкольном возрасте

положительно скажется на общем уровне патриотизма граждан и будет одной из фундаментальных составляющих всего учебно-воспитательного процесса гражданско-патриотической работы с молодежью. В связи с чем в Российской Федерации можно организовать патриотическое воспитание детей старших возрастов (5...6 лет) в муниципальных дошкольных учреждениях, для чего требуется специальная подготовка педагогов, способных квалифицированно участвовать в данном процессе. Это предположение позволит успешно решать проблему патриотического воспитания на основе единой государственной политики.

Литература

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122.
2. Быков А.К. Проблемы патриотического воспитания // Педагогика. — 2006. — № 2. — С. 37-42.
3. Возрождение и будущее Отечества — в патриотизме молодежи. — М.: МПА, 2000. — 208 с.
4. Кузнецова А.В., Кублицкая Е.А. Гражданский патриотизм — основа формирования новой российской идентичности. — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005. — С. 42.
5. Малинкин А.Н. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. — 2001. — № 4.
5. Методические рекомендации по аттестационной и аккредитационной оценке воспитательной деятельности образовательных учреждений, реализующих общеобразовательные программы — письмо Минобразования России от 15.10.2003 № 24-51-212/13, подготовленное на основании приказа Минобразования России от 25.01.2002 № 193.
6. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Под ред. Е.С. Полат. — М.: Издательский центр «Академия», 2002.
7. Реформирование образования в документах и комментариях: Мероприятия первого этапа: общее среднее образование / Под общ. ред. В.Ж. Куклина. — М.: Эксперт, 2001. — 128 с.
8. Рогачев П.М. Патриотизм и общественный прогресс. — М.: ИПЛ, 2003. — 280 с.
9. Приказ Минобразования России от 28.02.2001 № 686.
10. Tajfel Я., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / Ed. By W.G. Austin, S. Worchel. Monterey (Cal.), 1979. — P. 33-47.

Коротко об авторе

Ермолаев Д.Е., канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Чебоксарского филиала Нижегородской академии МВД России
ermolaevdeni@yandex.ru

Briefly about the author

D. Ermolaev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Humanities department, Cheboksary branch of the Russian Interior Ministry Academy of Nizhni Novgorod

Научные интересы: патриотическое воспитание, педагогика, гражданско-патриотическая работа

Scientific interests: patriotic education, pedagogics, grazhdansko-patriotic work

УДК 378.016:811.111

*Матвеевко
Ирина Алексеевна
Irina Matveenko*

*Надеина
Луиза Васильевна
Luiza Nadeina*

*Коротченко
Татьяна Валериевна
Tatiana Korotchenko*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

USE OF COMPUTER TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING PROCESS

Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы применения компьютерных технологий на занятиях по профессиональному иностранному языку. Применение IT-технологий позволяет оптимизировать обучение иностранному языку, повысить мотивацию студентов технических специальностей, увеличить эффективность организации самостоятельной работы студентов, разнообразить формы и виды деятельности на практических занятиях

***Ключевые слова:** информационные технологии, профессиональный иностранный язык, самостоятельная работа студентов, мотивация, источники информации, инновационные методы преподавания иностранного языка*

The article deals with the problem of computer technology application at the ESP classes. Its application allows for optimization of foreign language teaching, increase in motivation of engineering students, efficiency of students' autonomous work, diversification in forms and types of activities at practical classes

***Key words:** information technologies, English for specific purposes, students' autonomous activity, motivation, sources of information, innovation methods in teaching foreign language*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры России" на 2009-2013 гг. (тема: "Проведение научных лингво-педагогических исследований применения инновационных технологий в области языкового образования высшей технической школы" ; ГК № 14.740.11.1399)

В современном глобальном мире изучение и знание иностранных языков обретает новый статус. После вступления России в Болонский процесс роль иностранного языка в нашей стране изменилась: из учебной дисциплины он превратился в базовый элемент современной системы образования. В практике вузовского преподавания иностранных языков большое внимание уделяется обучению языку специальности.

Студенты и магистранты института природных ресурсов Томского политехнического университета понимают, что в практической деятельности к выпускникам будут предъявлены современные требования — качественно владеть иностранными языками, чтобы адекватно выполнять производственные обязанности и успешно продвигаться по карьерной лестнице. Это осознание приходит из того, что, ещё обучаясь в вузе, многие сотрудничают с крупными нефтяными компаниями, участвуют в международных конференциях, публикуются в зарубежных журналах, общаются с коллегами из других стран, а также читают литературу по специальности в оригинале, работая над своими дипломными проектами.

Использование новых информационных технологий в преподавании является одним из важнейших аспектов совершенствования и оптимизации учебного процесса, обогащения арсенала методических средств и приемов, позволяющих разнообразить формы работы и сделать занятие интересным и запоминающимся для студентов (магистрантов). В современных источниках информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ), под которыми понимается совокупность средств и методов преобразования данных для получения информации нового качества, представляют собой широкий спектр цифровых технологий — это компьютерное оборудование, программное обеспечение, телефонные линии, сотовая связь, электронная почта, сотовые и спутниковые технологии, сети беспроводной и кабельной связи, мультимедийные средства, а также Интернет.

Современная образовательная парадигма, строящаяся на компьютерных средствах обучения, берет за основу не передачу студентам готовых знаний, умений и навыков, а привитие обучающимся умений самообразования. При этом работа студентов (магистрантов) на занятии носит характер общения с преподавателем, опосредованного с помощью интерактивных компьютерных программ и аудиовизуальных средств. Любой метод обучения обога-

щается за счет интеграции в него информационных технологий, но, если, например, в процессе обучения информатике средства ИКТ выступают и как объект изучения, и как средство обучения, то в процессе преподавания иностранного языка они являются только средством обучения.

К наиболее часто используемым в учебном процессе средствам ИКТ можно отнести электронные учебники и пособия, которые демонстрируются с помощью компьютера и мультимедийного проектора, обращая особое внимание на то, что они, «в отличие от традиционных учебных материалов, обладают значительно большими дидактическими и методическими возможностями: более динамичны, виртуальны, сложноконструируемы, имеют больше возможностей по организации индивидуального обучения, организации обратной связи» [1; С. 60]. Использование мультимедиа-технологии при создании учебного пособия позволяет в полном объеме реализовать дидактические возможности электронных учебников, оказывая опосредованное информационное и эмоциональное воздействие на тех, кто получает знания.

К средствам ИКТ также относятся электронные энциклопедии и справочники, тренажеры и программы тестирования, образовательные ресурсы Интернета, DVD- и CD-диски с картинками и иллюстрациями, видео- и аудиотехника, научно-исследовательские работы и проекты. Таким образом, все средства ИКТ, применяемые в системе образования, можно условно разделить на *аппаратные* (компьютер, принтер, сканер, фотоаппарат, видеокамера, аудио- и видеоманитофон и др.) и *программные* (электронные учебники, тренажеры, тестовые среды, информационные сайты, поисковые системы Интернета и т.д.).

Прорыв в области ИКТ заставляет пересматривать вопросы организации информационного обеспечения познавательной деятельности. Программные средства ИКТ позволяют рассмотреть возможности использования информационных технологий в образовательной деятельности для поиска литературы, Internet с приме-

нением браузеров типа Internet Explorer, Mozilla Firefox и др., различных поисковых систем (Yandex.ru, Rambler.ru, Mail.ru, Google.ru, Yahoo.com и т.д.) и работы с ними (реферирование, конспектирование, аннотирование, цитирование и т.д.); для работы с текстами, используя пакет основных прикладных программ Microsoft Office (*Microsoft Word* позволяет создавать и редактировать тексты с графическим оформлением; *Microsoft PowerPoint* – создавать слайды-презентации для более красочной демонстрации материала; *Microsoft Excel* – выполнять вычисления, анализировать и визуализировать данные и работать со списками в таблицах и на веб-страницах; *Microsoft Office Publisher* – создавать и изменять буклеты, брошюры и т.д.); для автоматического перевода текстов с помощью программ-переводчиков (PROMTXXT) и электронных словарей (AbbyLingvo 7.0); для хранения и накопления информации (CD-, DVD-диски, Flash-диски); для общения (Internet, e-mail, ICQ, Skype, MailAgent и т.д.); для обработки и воспроизведения графики и звука проигрыватели Microsoft MediaPlayer, WinAmp, WinDVD, zplayer, программы для просмотра изображений ACDSee, PhotoShop, CorelDraw, программы для создания схем, чертежей и графиков Visio) и др.

Перечисленные средства ИКТ создают благоприятные возможности на занятиях английского языка для существенного пополнения списка тех материалов, которые преподаватель и студент (магистрант) будут использовать для самостоятельной работы. Также посредством сети выстраивается и непосредственное взаимодействие между участниками процесса, что является основополагающим фактором организации обучения, соответствует среде общения как особому уровню компьютерной среды дидактической системы. Обучающиеся могут использовать компьютерные технологии как для изучения отдельных тем, так и для самоконтроля полученных знаний. Причём компьютер является самым терпеливым педагогом, способным повторять любые задания, добиваясь правильного ответа и, в

конечном счёте, автоматизировать обрабатываемый навык.

Более подробно остановимся на активно используемых в процессе обучения иностранному языку и переведенных в разряд средств обучения и воспитания технологиях, существующих на данный момент в киберпространстве. Речь идет о средствах синхронной коммуникации (synchronous communication tools), под которыми понимаются Интернет-средства, позволяющие общаться в режиме реального времени (чат, видеочат и аудиочат), и средствах асинхронной коммуникации (asynchronous communication tools), дающие возможность обмениваться информацией с задержкой во времени (форумы, электронная и аудио почта, сайты, блоги, вики...).

Примерами средств, предоставляющих возможность синхронного общения посредством чата и голосовой связи, являются *Skype* и *Yahoo Messenger*: <http://messenger.yahoo.com/> <http://skype.com/>

Пользователи *Yahoo messenger with voice* и *Skype* имеют возможность установить мгновенную голосовую связь с абонентом, находящимся в любой точке земного шара при наличии у него данных программ (либо позвонить на обычный стационарный телефон) или общаться посредством письменного чата. Существует также возможность подключения и использования вебкамеры.

Можно создать свой список друзей и приглашать их в чат один-на-один или организовать конференцию, так называемый групповой чат. А можно, задав параметры искомого собеседника (возраст, пол, место жительства, родной язык, интересы и др.), найти друзей для общения в киберпространстве.

Данные чат платформы, используемые в педагогических целях, открывают новые возможности в преподавании иностранного языка. Таким образом, используя чат и голосовую связь, можно проводить уроки-проекты со студентами (магистрантами) из других стран; обсуждать темы с гостем-представителем другой страны, являющимся компетентным в той или иной области

научного знания; предлагать кардинально новые, нестандартные задания (например, для установки первого языкового контакта обучаемого и носителя языка, задав параметры искомого собеседника, предложить, используя программу, найти собеседника в такой-то (определяется в зависимости от изучаемого языка и целей преподавателя) стране, узнать его имя, интересы, расскажите о себе и т.д.).

Функция архивации текста чата позволит по окончании общения проанализировать чатлог (Chatlog) с точки зрения грамматики, лексики, пунктуации, стилистики, речевых ошибок и т.п. и на этой основе выстроить новые виды заданий.

В мировой практике преподавания английского языка уже накоплен определенный опыт использования чатов в учебном процессе, поэтому уместно напомнить об основных видах педагогического чата: чат на свободную тему (*free topic chat*), основная задача которого — практика говорения, аудирования и письма на изучаемом языке; чат, направленный на решение определенной учебной задачи (*collaborative task-oriented chat*); чат-семинар или чат-презентация (*academic seminar or presentation chat*); чат, направленный на отработку какого-то определенного материала или действия (*practice chat*), например, чат-интервью; оценочный чат (*evaluation chat*), направленный на контроль и оценку степени усвоения того или иного материала.

Интеграция *Skype* и *Yahoo Messenger* в учебный процесс позволяет более эффективно решать целый ряд дидактических задач на занятии: во-первых, формировать и совершенствовать навыки чтения, письма, говорения и аудирования; во-вторых, формировать и совершенствовать умения диалогического высказывания; в-третьих, пополнять словарный запас, как активный, так и пассивный, лексикой современного иностранного языка; в-четвертых, знакомить студентов (магистрантов) с социокультурными реалиями изучаемого языка (речевой этикет, особенности речевого поведения, особенности культуры, традиций страны изучаемого языка); в-пятых, фор-

мировать у обучающихся устойчивую мотивацию иноязычной деятельности.

Из средств асинхронной коммуникации рассмотрим блог, то есть страничку сайта, представленную в виде журнала-дневника, или календаря, в котором информация располагается в хронологической последовательности. Блог может обновляться ежедневно/ еженедельно/ ежемесячно. Правом размещения информации и редактирования блога обладает его создатель, посетители блога могут оставлять свои комментарии к статьям. В блоге можно также размещать фотографии, аудио-, видеоссылки на другие сайты, Интернет-статьи и т.п.

В преподавании языковых дисциплин к наиболее используемым блогам можно отнести *the tutor blog*, который поддерживается преподавателем, например, <http://juliayats.blogspot.com/>; *the class blog*, поддерживаемый совместными усилиями преподавателя и студентов и *the learner blog* поддерживается студентом индивидуально.

Поскольку Институт природных ресурсов Томского политехнического университета сотрудничает с крупными нефтяными компаниями, некоторые студенты и магистранты — это либо уже работающие (чаще вахтовым методом), либо имеющие опыт такой работы. Это значит, что они практически ежедневно сталкиваются с необходимостью общаться на производстве, вести деловую переписку, составлять отчет. Можно констатировать, что информационно-коммуникационные технологии играют важную роль в дистанционном обучении, под которым понимается «комплекс образовательных услуг, предоставляемых широким слоям населения в стране и за рубежом с помощью специализированной информационно-образовательной среды на любом расстоянии от образовательного учреждения» [2]. Чем же может помочь Интернет при организации обучения на основе дистанционных технологий? Возможности информационно-коммуникационных технологий велики: для публикации и обмена информацией в данный процесс включены Веб- и файловый доступы, блоги, Вики, со-

циальные фото- и видеосервисы. А электронная почта, аудио- и видеоконференции, чаты, форумы, обсуждения используются как средства общения и источник получения информации.

Важным аспектом использования ИКТ на занятиях по иностранному языку является проектная деятельность. Мультимедийные презентации активно вошли в процесс обучения. Студенты (магистранты) как очной формы обучения, так и обучающиеся дистанционно, используют Интернет для сбора материала для проектов. Одной из возможностей использования мультимедийных технологий на занятиях является подготовка и проведение интегрированных уроков. Можно провести занятие иностранного языка в компьютерном классе, подготовив для этого мультимедийную презентацию с ярким видеорядом (иллюстрациями, видеоклипами, звуком). Такую презентацию преподаватель может подготовить сам или поручить создание презентации студентам. Традиционно изучение темы или раздела заканчивается повторением, закреплением и обобщением. Все эти элементы можно объединить, предложив студентам на завершающем каждую тему этапе создать мультимедийный проект, вместо традиционного реферата. Создавая презентацию, студентам (магистрантам) предоставляется возможность систематизации приобретенных знаний и навыков, их практического применения и реализации

интеллектуального потенциала и способностей. Студентам важно почувствовать интерес к самостоятельной творческой работе, ощутить значимость результатов своей работы, а также собственную успешность.

Интеграция информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс неизбежно приводит к пересмотру места и роли педагога в данном процессе, основной задачей которого становится не передача знаний и формирование навыков и умений, а стимулирование интереса, мотивации к усвоению языка. Отношения со студентами (магистрантами) строятся теперь на принципах сотрудничества, совместного поиска и творчества.

Наиболее мощным фактором обучения профессиональному иностранному языку становятся ресурсы и средства общения, предоставляемые Интернетом, поскольку высокий темп развития практически всех отраслей науки, техники и культуры обуславливает увеличение и обновление информации за достаточно короткие сроки.

Таким образом, качество обучения иностранным языкам напрямую зависит от того, насколько часто преподаватели используют вспомогательный материал, в роли которого выступает Интернет и мультимедиа технологии. Их применение сделает учебный процесс более эффективным и познавательным.

Литература

1. Виштак О.В. Некоторые аспекты конструктивных критериев учебных материалов // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 20. Педагогическое образование. – 2006. – № 2. – С. 55-62.
2. Концепция создания и развития единой системы образования в России [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://de/unicor.ru/science/groundwork/concept.html>.
3. Смольяникова И.А. Ресурсы ИКТ как технологическая составляющая учебной среды для формирования иноязычной компетенции // Материалы конференции Информационные технологии в образовании ИТО-2003 [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://ito.edu.ru/2003/II/2/II-2-2196.html>.
4. Соловов А.В. Проектирование компьютерных систем учебного назначения: учеб. пособие. – Самара, 1994.
5. Хортон У., Хортон К. Электронное обучение: инструменты и технологии. – М.: КУДИЦ-ОБРАЗ, 2005. – 640 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Матвеевко И.А., канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков в области природных ресурсов, Институт природных ресурсов, Национальный исследовательский Томский политехнический университет
mia2046@yandex.ru

I. Matveenko, Candidate of Philological Sciences, associate professor, Foreign Language department (Specialization – Natural Resources), Institute of Natural Resources, National Research Tomsk Polytechnic University

Научные интересы: методика преподавания иностранного языка в высшей школе, компьютерные технологии, инновационные методы обучения

Scientific interests: ESP teaching, computer technologies, innovation methods in teaching foreign language

Надеина Л.В., канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков в области природных ресурсов, Институт природных ресурсов, Национальный исследовательский Томский политехнический университет
naluiza@yandex.ru

L. Nadeina, Candidate of Philological Sciences, associate professor, Foreign Language Department (Specialization – Natural Resources), Institute of Natural Resources, National Research Tomsk Polytechnic University

Научные интересы: методика преподавания иностранного языка в высшей школе, компьютерные технологии, инновационные методы обучения

Scientific interests: ESP teaching, computer technologies, innovation methods in teaching foreign language

Коротченко Т.В., канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков в области природных ресурсов, Институт природных ресурсов, Национальный исследовательский Томский политехнический университет
tatyana1003@mail.ru

T. Korotchenko, Candidate of Philological Sciences, associate professor, Foreign Language Department (Specialization – Natural Resources), Institute of Natural Resources, National Research Tomsk Polytechnic University

Научные интересы: методика преподавания иностранного языка в высшей школе, компьютерные технологии, инновационные методы обучения

Scientific interests: ESP teaching, computer technologies, innovation methods in teaching foreign language

Психологические науки

УДК 159.9.01

*Кузьмин
Михаил Юрьевич
Mihail Kuzmin*

*Гусев
Алексей Николаевич
Alexsey Gusev*

*Кононак
Игорь Александрович
Igor Kononak*

СВЯЗЬ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У СТУДЕНТОК, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗЕ

RELATION OF GENDER IDENTITY AND VITALITY OF HIGH SCHOOL GIRL STUDENTS

Статья посвящена проблеме связи гендерной идентичности и жизнестойкости у студенток различного возраста. Рассматриваются возможные причины, ведущие к кризисным изменениям гендерной идентичности. На выборке студенток вуза (168 чел.) при помощи Теста жизнестойкости (Д. А. Леонтьев и Е. И. Рассказова), методики М. Куна «Кто я» и шкалы тревожности Дж. Тейлора рассматривается связь жизнестойкости и гендерной идентичности в зависимости от отношения к ней. Показано, что связь между жизнестойкостью и гендерной идентичностью не является однозначной и зависит в значительной мере от семейного статуса студенток. Материнство является фактором, детерминирующим существенные изменения в гендерной идентичности. В результате позитивное восприятие себя как женщины у студенток, имеющих детей, оказывается связанным с аттитюдом Контроля, а у остальных – с аттитюдами Включенности и Принятия риска

Ключевые слова: *гендерная идентичность, жизнестойкость, кризис идентичности, материнство*

This article is devoted to the problem of the relation of gender identity and hardiness of the girl students of different age. The causes leading to the crisis and changes in gender identity are examined. The author studies this relation of hardiness and attitudes towards gender identity using the sample of 168 girls students of a higher school with the help of Test of hardiness (Leontiev D.A. Rasskazova E.I.), M.Kun's technique "Who am I" and J. Teylor's schedule of anxiety. The author comes to the conclusion that this relation is not a simple one and depends greatly on the family status of the girls. Motherhood is the factor determining important changes in gender identity, increasing the role of its family component. As a result mother's positive perception of herself as a female turns out to be connected with the Attitude of control when other girls and women's perception is connected with attitudes of commitment and challenge

Key words: *gender identity, hardiness, crisis of identity*

Современность предъявляет особые требования к изучению проблемы кризиса социальной идентичности. По определению, предложенному Г.М. Андреевой, кризис социальной идентичности — это особая ситуация сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность [3]. Реакцией на потерю социальных ориентиров может стать деструктивное поведение личности. В связи с этим, на наш взгляд, важно изучить предпосылки к конструктивному переживанию кризиса социальной идентичности.

Одним из компонентов социальной идентичности личности является гендерная идентичность, кризис которой понимается неоднозначно в различных подходах. Так, связывается с изменениями самокатегоризации себя под влиянием внешних причин [3] или с переструктурированием всех личностных смыслов [5].

Отдельно изучают факторы и способы конструктивного преодоления кризиса гендерной идентичности. Среди них Л.Н. Ожигова выделяет как внешние, так и внутренние механизмы. Среди последних она рассматривает значение смысловых механизмов реализации гендерной идентичности как одних из важнейших внутренних факторов [5].

По нашему мнению, среди факторов, способствующих конструктивному разрешению кризиса гендерной идентичности, можно выделить жизнестойкость личности, предложенную С. Мадди [8]. Согласно его гипотезе, жизнестойкость состоит из трех аттитюдов: вовлеченности, контроля и вызова. Вовлеченность, или включенность определяется как уверенность человека в том, что его включенность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное. Аттитюд контроля представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет влиять на результаты происходящего, пусть и без гарантии. Наконец, аттитюд вызова, или принятия риска представляет собой убежденность человека в том,

что любые изменения вокруг способствуют его развитию [8].

В исследованиях связи жизнестойкости с различными явлениями психической жизни установлено, что она оказывается фактором, предотвращающим развитие аддикций и способствующим социальной адаптации в трудных жизненных ситуациях [8; 4]. В связи с этим мы рассмотрим жизнестойкость как фактор преодоления кризиса гендерной идентичности студенток различного возраста и установим характер ее связи с гендерной идентичностью.

Методика

В исследовании приняли участие 168 студенток очного и заочного отделений различных факультетов ИГУ в возрасте 17...43 лет. Выбор группы для исследования обусловлен тем, что на этот период приходится основной этап развития кризиса, связанный с началом трудовой деятельности.

На основании анализа подходов к проблеме кризиса социальной идентичности нами выделены следующие критерии, позволяющие утверждать наличие кризиса:

- приписывание личностью себе негативных черт или низкая оценка актуального развития имеющихся черт (Г. Тэджфел, Дж. Тернер);

- категоризация себя исключительно в групповых терминах («мать», «девушка») без их оценки (Э. Эриксон, Дж. Марсиа);

- высокий уровень тревожности (Э. Эриксон) [по 2].

Для исследования кризиса гендерной идентичности использовалась методика М. Куна «Кто я» в обработке Т.В. Румянцевой [7]. Мы учитывали многогранный характер категории «гендерная идентичность» и поэтому выделяли собственно гендерную идентичность (указание студентками качеств личности, традиционно поощряемых у женщин и семейный ее компонент (указание на свою роль в семье) [2].

Для исследования жизнестойкости и образующих ее аттитюдов использовался «Тест жизнестойкости» Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой [4]. В методике представлены четыре показателя — Вовлеченность,

Контроль, Принятие риска и Жизнестойкость, выделенные С. Мадди [4; С. 5].

Для оценки уровня тревожности, являющегося еще одним показателем переживаемого кризиса идентичности, использовалась шкала тревожности Дж. Тейлора в адаптации Г.А. Немчина [1].

Учитывая характер распределения данных испытуемых, для межгруппового сравнения мы использовали U-критерий Манна-Уитни, для оценки степени связи — ранговой корреляции Спирмена.

Результаты

1. Выраженность кризиса гендерной идентичности у студенток различного возраста.

На первом этапе исследования мы устанавливали наличие или отсутствие кризисных явлений в гендерной идентичности студенток 17...18 лет. Для этого мы разделили всю выборку на две возрастные группы, используя в качестве основания деления медиану. Медиана оказалась равной 18. В одну группу вошли студентки 17...18 лет (средний возраст — 17,6) количеством 104 человека, в другую — 19...40 лет (средний возраст — 21,2) количеством 64 человека.

Используя U-критерий Манна-Уитни, мы установили, что между выделенными группами существуют значимые различия в выраженности тревожности по шкале Тейлора ($U=1410$, $p<0,01$). Студентки младших курсов демонстрируют сравнительно более высокий уровень тревожности. Кроме того, у них позитивное отношение к своей гендерной идентичности оказывается выше, чем у испытуемых более старшего возраста ($U=1365$, $p<0,01$). Одновременно более выраженным оказывается и негативное отношение к своей гендерной идентичности ($U=1670$, $p<0,05$). Таким образом, среди студенток 17...18 лет сравнительно больше как испытуемых, принимающих свою гендерную идентичность, так и отвергающих ее. Исходя из этого, мы сделали вывод, что гендерная идентичность испытуемых 17...18 лет оказывается неоднозначной и неустойчивой, зачастую оцениваемой или крайне позитивно, или,

наоборот, негативно. Учитывая выделенные нами критерии кризиса идентичности, мы сделали вывод, что кризисные явления в гендерной идентичности среди испытуемых младших курсов выражены больше, чем среди испытуемых старших курсов и заочного отделения.

2. Изучение связи гендерной идентичности и жизнестойкости у студенток различного возраста.

В ходе корреляционного анализа в группе девушек 17...18 лет выявлена положительная связь между позитивной оценкой своей гендерной идентичности и такими шкалами Теста жизнестойкости, как Жизнестойкость ($\rho=0,41$; $p<0,001$) и Включенность ($\rho=0,38$; $p<0,001$). Таким образом, для испытуемых 17...18 лет с положительной оценкой своей гендерной идентичности характерно стремление быть максимально включенной в происходящие вокруг нее процессы, равно как и высокий уровень жизнестойкости. Вместе с тем, у студенток более старшего возраста никаких статистически значимых корреляций между гендерной идентичностью и аттитюдами жизнестойкости выявлено не было. Таким образом, оказалось, что у испытуемых, у которых отсутствуют признаки кризиса гендерной идентичности, последняя не связана ни с жизнестойкостью, ни с ее аттитюдами.

Мы предположили, что определенная связь между жизнестойкостью и гендерной идентичностью существует тогда, когда она претерпевает изменения. Таким образом, у студенток, не переживающих кризиса гендерной идентичности, связь между ней и жизнестойкостью должна отсутствовать. С другой стороны, с возрастом у студенток должна была бы возрастать актуальность такого важного компонента, как семейная идентичность, зачастую сливающаяся с гендерной идентичностью [по 5]. Тем не менее, мы не обнаружили какой-либо связи между семейной идентичностью и жизнестойкостью ни у студенток 17...18 лет, ни у студенток более старшего возраста. Дополнительный анализ показал, что нельзя сделать однозначный вывод о преобладании

студенток 17...18 лет или студенток более старшего возраста среди тех, кто выражает крайне позитивное или, наоборот, негативное отношение к своей гендерной или семейной идентичности. В целом мы сделали вывод об отсутствии определенной связи между возрастом и характером отношения к своей гендерной идентичности, включая как собственно гендерный, так и семейный ее компоненты.

3. Связь гендерной идентичности и жизнестойкости у студенток, имеющих и не имеющих детей.

На наш взгляд, полученные результаты можно объяснить следующими соображениями. Помимо нормативных кризисов на развитие гендерной идентичности влияют и события, прямо не связанные с возрастом [2], [5]. К ним относятся момент образования семьи, рождения ребенка и т. д. [5]. Без учета семейного статуса мы выделили достаточно неоднородную группу студенток старше 18 лет, которые, возможно, наполняют понятие гендерной идентичности различным содержанием. Это, вероятно, и не позволило выявить какие-то однозначные связи гендерной идентичности с аттитюдами жизнестойкости. В связи с этим мы ввели новый критерий для разделения выборки – наличие детей. В соответствии с ним в одну из групп вошли студентки различного возраста, имеющие детей (48 человек), а в другую – студентки, не имеющие детей (120 человек).

Используя U-критерий Манна-Уитни, мы выявили целый ряд значимых различий. Так, было обнаружено, что группа испытуемых, не имеющих детей, отличается большей выраженностью гендерной идентичности, а также таких аттитюдов жизнестойкости, как Включенность и Принятие риска ($U=544$, $U=917$, $U=656$, $p=0,001$ соответственно). Наоборот, группа женщин, имеющая детей, отличается большей выраженностью семейной идентичности и такого аттитюда жизнестойкости, как Контроль ($U=754$; $U=751$; $p=0,001$).

Согласно результатам корреляционного анализа, в группе студенток, имеющих детей, обнаружена отрицательная корреляция

между позитивным отношением к своей семейной идентичности и аттитюдом Принятия риска ($\rho=-0,39$; $p<0,05$) и положительная корреляция между положительным отношением к семейной идентичности и аттитюдом Контроля ($\rho=0,48$; $p<0,01$). В группе студенток, не имеющих детей, обнаружена положительная корреляция между позитивным отношением к гендерной идентичности и такими аттитюдами жизнестойкости, как Включенность и Принятие риска ($\rho=0,28$; $\rho=0,31$; $p<0,01$).

Таким образом, рождение ребенка является определяющим фактором изменения отношения женщины к своей гендерной идентичности. Это влияет и на характер связи жизнестойкости и гендерной идентичности: женщина после рождения ребенка оценивает себя как хорошую мать, если ей удастся сохранять контроль над окружающей ее саму и ребенка ситуацией. Наоборот, девушки, не имеющие детей, поддерживают позитивное отношение к себе за счет аттитюдов Включенности и Принятия риска: оценивается, насколько женщина способна обращать себе на пользу проблемные ситуации (быть «настоящей стервой», как указала одна из испытуемых, не имеющая детей) и насколько эффективно она развивает свои социальные связи и отношения.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) связь между жизнестойкостью и гендерной идентичностью у студенток вуза не является однозначной и зависит в значительной мере от их семейного статуса;

2) материнство является фактором, детерминирующим возрастание роли семейного компонента гендерной идентичности. В результате позитивное восприятие себя как женщины у матерей оказывается связанным с аттитюдом Контроля, со способностью управлять ситуацией вокруг себя и ребенка, а у остальных девушек и женщин – с аттитюдами Включенности и Принятия риска, подразумевающими активное расширение социальных связей и готовностью к риску.

Литература

1. Дерманова И.Б. (ред) Диагностика эмоционально-нравственного развития. — СПб., 2002. — С. 126-128.
2. Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности: дис. д-ра психол. наук. — Ярославль, 2003. — 399 с.
3. Клецина И.С. Гендерная социализация: учеб. пособие. — СПб.: СПбГУ, 1998. — 228 с.
4. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. — М.: Смысл, 2006. — 63 с.
5. Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис. канд. психол. наук. — Краснодар, 2006. — 47 с.
6. Радина Н.К. К проблеме использования гендерного анализа в психологических исследованиях // Вопр. психологии. — 1999. — № 2. — С. 22-28.
7. Румянцева Т.В. Трансформация идентичности студентов медицинского вуза в меняющихся социальных условиях: автореф. дис. канд. психол. наук. — Ярославль, 2005. — 28 с.
8. Khoshaba, D., & Maddi, S. (1999) Early Antecedents of Hardiness. Consulting Psychology Journal, Spring 1999. Vol. 51, (n2); 106-117.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Кузьмин М.Ю., преподаватель кафедры социальной психологии ИГУ
89149451552

M. Kuzmin, teacher, Social Psychology department, Irkutsk State University

Научные интересы: социальная идентичность, жизнестойкость

Scientific interests: social identity, vitality

Гусев А.Н., д-р психол. наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова
89149451552

A. Gusev, Doctor of Philosophical Sciences, professor of Psychology faculty, Moscow State University

Научные интересы: психодиагностика

Scientific interests: psycho diagnosis

Конюрак И.А., канд. филос. наук, доцент кафедры общей психологии ИГУ
89149451552

I. Konopak, Candidate of Philosophical Sciences, associate professor, General Psychology department, Irkutsk State University

Научные интересы: общая психология, психология личности, история психологии

Scientific interests: general psychology, psychology of personality, history of psychology

Политология

УДК 342.24

Анучина Наталья Александровна
Natalia Anuchina

УКРУПНЕНИЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЭТАПЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

INTEGRATION OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE STAGE OF REFORMING OF THE RUSSIAN FEDERALISM

Рассматривается процесс реформирования федеративных отношений в России в сторону укрупнения субъектов. Выделяются причины асимметрии государственного устройства РФ и необходимость объединения регионов

Ключевые слова: федерализм, федерация, федеративные отношения, субъект, регион, асимметрия, укрупнение

Process of reforming of federal relations in Russia towards integration of its subjects is considered. The reasons of asymmetry of the Russian Federation state system and necessity of association of regions are pointed out

Key words: federalism, federation, federal relations, the subject, region, asymmetry, integration

Проблема российского федерализма является одним из наиболее актуальных вопросов в отечественных политологических исследованиях. В последнее время современный федерализм превратился в совершенно определенную политическую философию существования и эволюции общества, его государственной оболочки, в основе которых лежит сложная совокупность экономических, политических, правовых, культурных, этических, национальных и другого рода общественных взаимоотношений. Федерализм характеризуется как чрезвычайно емкий, сложный, многомерный и неоднозначный феномен. Ему присущи чрезвычайный динамизм и быстрое расширение сферы своего влияния.

Существуют самые разнообразные трактовки и интерпретации современного федерализма в отечественной и зарубежной литературе. Однако при всем

несомненном уважении к авторам и их определениям понятия «федерализм», пока не удастся выделить единого, достаточно емкого и краткого терминологического определения рассматриваемого явления. В сложившейся ситуации, по нашему мнению, в наиболее общем, агрегированном виде под федерализмом следует понимать сложную, многогранную совокупность отношений, которая возникает и развивается на основе и в рамках политически согласованных и четко юридически закрепленных федеративных (или другого рода союзных) государственных и международных структур, норм и правил.

Исследование периодизации эволюции российского федерализма основывается на историческом анализе наличия структурных систем и элементов института федерализма в законодательстве и реализации признаков федерализма, раскрывающих

его качественное состояние, что дает возможность увидеть проблемы институционального строительства федерализма в изучаемый исторический период.

К концу 90-х гг. XX в. в России сложилась необходимость реформирования федеративных отношений. Как мы знаем, Российская Федерация – это сложносоставное федеративное государство, имеющее в своем составе, согласно ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 65 Конституции РФ, шесть разновидностей субъектов федерации: края, области, города федерального значения, республики, автономные округа и автономные области. Основной Закон отразил максимально возможный уровень притязаний национальных и региональных элит в условиях слабости центральной власти, зафиксировав крайне неоднородный субъектный состав, в котором особое место занимает феномен «сложносоставных» субъектов. «Сложносоставные» субъекты, или «матрешечные» регионы – это административно-территориальные образования (области, края), имеющие в своем составе юридически самостоятельные субъекты – автономные округа, образованные по национальному принципу.

Некоторые исследователи считают, что вопрос о существовании асимметричной федерации является историческим наследием советского государственного устройства, что явилось причиной образования национально-территориальных образований [2]. Рассматривая конституционно-правовые вопросы построения Российской Федерации, нельзя не оставить без внимания, что Конституция РФ не содержит раздела о национально-государственном устройстве. Это можно рассматривать не только как гарантию равноправия субъектов Российской Федерации, независимо от национального состава проживающего в них населения, но и признания, что Россию населяет многонациональный народ, объединяемый общей судьбой, а следовательно, все государственные органы должны исходить из необходимости сохранения исторически сложившегося государственного единства [1].

Многочисленность субъектов, их фактическое неравноправие между собой, экономическая несостоятельность многих из них обуславливают необходимость изменений в субъектном составе России. Одним из приоритетных направлений федеративной реформы является оптимизация субъектного состава Российской Федерации через объединение ее регионов. Правящая элита сущность объединения видит не ради самого объединения, а ради оптимизации управления, более эффективной социально-экономической политики, а в конечном счете, ради благосостояния людей [1].

Первыми кандидатами на процесс укрупнения стали автономные округа, входящие в состав «сложносоставных» субъектов. Политика укрупнения субъектов, образование нового субъекта в результате слияния двух субъектов и более инициированы федеральным Центром и имеет несколько объективных факторов: национально-территориальный, социально-экономический, социально-политический. Например, многовековые традиции совместного проживания и жизнедеятельности населения на территории Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, наличие тесных исторических, культурных, социально-экономических связей, общность инфраструктуры в сферах энергетики, связи, дорожной сети, промышленности, единые природные ресурсы Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа определяют объективный характер объединительного процесса. Образование Забайкальского края предполагает концентрацию природных, материальных, интеллектуальных ресурсов на единой территории и формирование общей системы управления, что создаст благоприятные условия для выработки и реализации единой региональной политики по комплексному решению проблем развития сельского хозяйства и промышленности, освоения минерально-сырьевой базы, совершенствования инфраструктуры и т.д. В научной литературе и публицистике предлагались различные варианты укрупнения субъектов через их «республиканизацию» или «гу-

бернизацию», некоторые видят прообразы укрупненных субъектов в Ассоциациях экономического взаимодействия регионов, другие – в федеральных округах [3]. Объединительные процессы в Российской Федерации нельзя рассматривать как чисто административные реформы, т.к. любые изменения границ регионов и административного деления страны затрагивают сложившуюся систему федеративных отношений. Конституционные нормы не препятствуют образованию новых субъектов Федерации, а равно как и сокращению их количества.

Исследователь этнополитических проблем и региональной политики И.Г. Косиков под укрупнением понимает «процесс объединения (слияния) нескольких соседних, территориально смежных регионов (субъектов федерации) и образование в результате этого новых, более крупных субъектов, что сопровождается утратой прежними регионами их самостоятельного юридического статуса [4]. Таким образом, в результате укрупнения регионов сокращается общее количество субъектов федерации, уменьшается количество юридически самостоятельных регионов.

Начиная с 2003 г., укрупнение регионов как направление преобразований в государственно-территориальном устройстве Российской Федерации перешло от дискуссий на тему о его целесообразности к практическому воплощению. В 2005-2008 гг. объединительный процесс охватил 11 субъектов Российской Федерации, было осуществлено 5 объединительных проектов, в результате число субъектов РФ сократилось с 89 до 83. Таким образом, процесс объединения регионов, в частности, «матрешечных» субъектов состоялся, на карте Российской Федерации появились новые объединенные субъекты.

1. В марте 2004 г. принят Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» [5].

2. В октябре 2005 г. принят Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» [6].

3. В июле 2006 г. принят Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» [7].

4. В декабре 2006 г. принят Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» [8].

5. В июле 2007 г. Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» [9].

В действующей конституции институт федерализма закреплён в следующих принципах: государственная целостность (ст. 4), равноправие субъектов РФ (ст. 5), многоуровневость государственной власти (ст. 11), разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации (ст. 11 ч. 3, ст. 71, 72, 73), равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации. Конституция РФ как Основной Закон государства должна содержать общие принципы федеративного устройства, а их конкретизация предполагается в текущем законодательстве и научных исследованиях.

Изменения в государственной стратегии по модификации федерализма в России в 1990-е гг. способствовали возникновению асимметричной модели российского федерализма в связи с конституционным закреплением правового статуса субъектов

РФ, т.е. в связи с активизацией таких организационных и функциональных признаков, как образование и определение статуса уровней власти и их функционирование. Причиной асимметрии послужило неравноправие субъектов в политико-правовом статусе — это и сложносоставные территориальные образования (автономный национальный округ или область в составе другого субъекта Российской Федерации, наделение отдельными полномочиями национальные республики, в частности, возможность государственного национального языка в республике Татарстан). Асимметричная модель включает также и признаки бюджетной асимметрии, регионы Российской Федерации качественно разнятся по экономической самодостаточности: регионы-«доноры» и депрессивные регионы, причиной тому также служит низкая бюджетная обеспеченность.

Каждое государство сознательно использует определенную модель территориально-государственного строительства, основные характеристики которой становятся частью государственной идеологии. Эта идеология включает отношение к процессам регионализации и региональной политической эмансипации, которое может рассматриваться по шкале «жесткое подавление — либеральное отношение — сознательная поддержка региональной самостоятельности».

Нередко в государстве, в правящей национальной элите существует давно сложившееся традиционное отношение к этим процессам. Возможна несимметричная ситуация, связанная, например, с жестким подавлением самостоятельности одних (например, иноэтнических регионов с тенденцией к сепаратизму) и лояльным отношением к автономии других. Также возможна идеологическая борьба между сторонниками различных концепций территориально — государственного строительства на общенациональном уровне. Смена власти в пользу сторонников иной концепции приводит к изменению государственной идеологии в интересах централизации или регионализма.

В случае Российской Федерации Центр сосредоточивает основную власть в своих руках, появляется вариант отхода от национального признака российского федерализма с тенденцией к сепаратизму, пример чему — укрупнение сложносоставных субъектов и образование федеральных округов. Роль субъекта во взаимоотношениях «Центр — регионы» в данном случае минимизируется. Нам видится целесообразность укрупнения регионов до таких размеров, чтобы они были полностью экономически самодостаточными.

Объединительный процесс в регионах столкнулся с проблемой «особого статуса» бывших автономных округов в составе новых субъектов Российской Федерации. Этот политико-правовой вопрос до сих пор не решен. Бывшие автономные округа пытались отстаивать право на «особый статус», мотивируя это тем, что жители автономных округов шли на референдумы и голосовали за объединение только потому, что округ, перестав быть автономным, сохранит «особый статус» в будущем укрупненном регионе. Опубликованные и утвержденные после референдумов федеральные конституционные законы содержат статьи об особом статусе округов. В Забайкалье представители бурятского этноса фактически полностью пытаются юридически реставрировать бывшую автономию Агинского округа.

Развитие федеративных отношений в России показало, что идея и процедура образования новых субъектов путем укрупнения существующих фактически полностью находится в ведении федерации, подтверждая тезис о фактической унитаризации России. Федеральный Центр в своем стремлении укрупнить регионы в каждом отдельном случае стал применять индивидуальный подход, тем более, что автономные округа явно не желали расставаться с высоким статусом субъекта Российской Федерации.

Интеграция субъектов — это серьезная задача на современном этапе развития российской государственности. Однако в стратегической перспективе ясно, что конструкция «матрешечных» субъектов

Российской Федерации обречена и возможно рассмотрение вопроса о национально-территориальной автономии как об одном из вариантов реализации этнических прав.

В основе реформирования российского федерализма лежит усиление роли федерального центра, как одна из главных задач его ослабления в предшествующий период.

Литература

1. Бессонова В.В. Конституционно-правовые основы образования Забайкальского края. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 138 с.
2. Глигич – Золотарёва М.В. Конституция России о федеративном устройстве: былое и думы // Федерализм. – 2003. – № 2. – С. 36-66.
3. Дамдинов Б.Д. Конституционно-правовой статус автономных округов Российской Федерации: история, современность, перспективы (на материалах Агинского Бурятского и Усть-Ордынского Бурятского автономных округов). – Иркутск, 2005. – С. 128.
4. Косиков И.Г. Реформируемая федерация: укрупнение российских регионов. – М.: ЛКИ, 2008. – 224 с.
5. Саликов М. Конституционный федерализм России: опыт десятилетнего развития // Федерализм. – 2003. – № 3. – С. 5-18.
6. Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 13. – Ст. 1110.
7. Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 42. – Ст. 4212.
8. Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 29. – Ст. 3119.
9. Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1 (1 ч.). – Ст. 1.
10. Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 30. – Ст. 3745.

Коротко об авторе

Анучина Н.А., ст. преподаватель кафедры философии, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
anuchinana@mail.ru

Briefly about the author

N. Anuchina, senior teacher, philosophy department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: политология, политическая регионалистика, философия

Scientific interests: political science, philosophy, political regionalistics

УДК 327

Арсентьева Ирина Ильинична
Irina Arsentjeva

**ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ С
ПРИГРАНИЧНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ
КНР КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ**

**RECOMMENDATIONS FOR ORGANIZATION
OF COOPERATION OF ZABAYKALSKY KRAI
WITH PRC'S BORDER TERRITORIES**

Обоснован тезис о том, что одним из ключевых факторов обеспечения безопасности Забайкальского края выступает сотрудничество с приграничными территориями КНР. Даны рекомендации по организации данного сотрудничества в экологической и социокультурной сферах (1-ю часть статьи см. в Вестнике ЧитГУ. – 10 (76). – 2011. – С. 70-76).

Ключевые слова: Забайкальский край, Северо-Восточный регион КНР, приграничное сотрудничество, экологическая сфера, социокультурная сфера

In the article the author proves the idea that cooperation with PRC's border territories is one of the key factors in ensuring security of Zabaykalsky krai. In this regard the author makes recommendations for organization of this cooperation in ecological and socio-cultural spheres (See Part I of the article in "Vestnik" (ChitGU). – 10 (76). – 2011. – P. 70-76).

Key words: Zabaykalsky Krai, PRC's North-East Region, border cooperation, ecological sphere, sociocultural sphere

В Забайкальском крае сложилась неблагоприятная с экологической точки зрения обстановка, под угрозой оказались практически все компоненты природной среды. При этом некоторые экологические проблемы носят выраженный трансграничный характер. Для повышения эффективности их решения представляется целесообразным предпринять следующие шаги.

1. *Усовершенствовать природоохранное законодательство.* В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что на состояние национальной безопасности в экологической сфере негативное воздействие оказывает истощение мировых запасов минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов [11]. В этой связи обостряется интерес ряда стран к ресурсам восточной части России: «наша страна остается держателем последней в мире "нераспечатанной"»

кладовой природных ресурсов – Восточной Сибири и Дальнего Востока, значение которой в условиях обозначившейся в последние годы «в полный рост» ресурсной недостаточности стремительно возрастает» [4].

Стремительное экономическое развитие КНР требует природно-сырьевых ресурсов, недостаток которых внутри страны восполняется, в частности, за счет российских территорий. Забайкальский край как приграничный субъект Российской Федерации испытывает возрастающее влияние Северо-Восточного региона КНР, что обостряет и без того сложную социально-экологическую обстановку.

Серьезной проблемой, например, является незаконная заготовка и экспорт круглого леса в КНР. Отсутствие эффективного контроля с российской стороны и повышенный спрос с китайской стороны создают почву для широкомасштабных зло-

употреблений. Согласно Докладу министра природных ресурсов РФ Ю.П. Трутнева, в 2007 г. нелегальные рубки в Дальневосточном регионе составили 7 млн м³, как минимум треть от общероссийского объема незаконной заготовки леса [3]. Одной из причин подобной ситуации является высокая коррумпированность российских контролирующих органов.

Остро стоит вопрос о загрязненности трансграничных рек, в том числе протекающей по территории Забайкальского края р. Аргунь. Длина реки составляет 1620 км, на протяжении 311 км она протекает по китайской территории, где называется Хайлар (Хайлархэ). Пойма Аргуни является источником водных ресурсов юго-восточной части Забайкалья. В последние десятилетия Аргунь – одна из самых грязных рек Амурского бассейна, что в немалой степени обусловлено активной экономической деятельностью китайской стороны.

Еще одна проблема – водохозяйственный кризис, который может возникнуть на реке в случае реализации китайской стороной решения о переброске стока реки в оз. Далайнор. По разным данным, речь идет о переброске 1,5 до 2 куб. км воды в год, что составляет существенную часть стока Аргуни. Реализация проекта может привести к уничтожению ценнейшей пойменной экосистемы реки. Кроме того, необходимо учитывать, что воды Аргуни используются для водоснабжения поселка Забайкальск, являющегося крупным транспортным узлом, поэтому уменьшение стока повлечет проблемы в обеспечении водой населения поселка.

Для предотвращения подобных ситуаций необходимы жесткие правовые рамки российско-китайского сотрудничества в сфере рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. Среди документов, регулирующих данное сотрудничество, следует особо выделить Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (июль 2001 г.) и Межправительственное соглашение о рациональном

использовании и охране трансграничных вод (январь 2008 г.).

В сентябре 2009 г. руководителями двух стран подписана Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009 – 2018 гг. Одним из приоритетных направлений обозначено сотрудничество в сфере охраны окружающей среды, что включает: развитие сотрудничества в области охраны трансграничных вод; обмен технологиями в области охраны окружающей среды в рамках законодательств Сторон; осуществление обмена в области технических методов мониторинга окружающей среды; обмен информацией в области развития системы экологического просвещения населения; проведение ежегодных совместных конференций по вопросам охраны окружающей среды; осуществление охраны биологического многообразия приграничных территорий, обменов по вопросам создания приграничных особо охраняемых природных территорий [10].

Однако существующих соглашений между РФ и КНР в области охраны окружающей среды недостаточно для решения всего комплекса трансграничных экологических проблем, поэтому законодательная база нуждается в усовершенствовании.

2. Расширить научное сотрудничество Забайкальского края и приграничных китайских территорий для выработки системной теоретико-методологической основы решения экологических проблем. Совершенствование законодательной базы должно сопровождаться расширением взаимодействия научных организаций и ученых Забайкальского края и приграничных территорий КНР. Это необходимо для выработки эффективной стратегии обеспечения экологической безопасности в трансграничном пространстве и более точного прогнозирования возможных чрезвычайных ситуаций. Не случайно в Чите ежегодно проводится международная научно-практическая конференция «Приграничное сотрудничество: Россия, Китай,

Монголия», где одним из приоритетных вопросов выступает рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды.

3. Использовать при решении экологических проблем региональный подход, что подразумевает объединение усилий Забайкальского края, Иркутской области и Республики Бурятия. Такая необходимость в первую очередь обусловлена тем, что данные субъекты Федерации образуют так называемую «Байкальскую природную территорию» (БПТ). Озеро Байкал расположено на территории Иркутской области и Бурятии, а в Забайкальском крае формируется часть его водосбора (здесь берут начало Хилок и Чикой – притоки р. Селенга).

В настоящее время разрабатывается федеральная целевая программа «Охрана оз. Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории». В проекте программы, рассчитанной на 2011 – 2020 гг., отмечается, что БПТ размещена на территориях трех субъектов Федерации: Республики Бурятия (220,44 тыс. кв. км, 57,1 % площади БПТ, 62,7 % площади республики), Иркутской области (110,12 тыс. кв. км, 28,5 % площади БПТ, 13,8 % площади области) и Забайкальского края (55,6 тыс. кв. км, 14,4 % площади БПТ, 12,9 % площади края) [6]. В этой связи перед восточносибирскими субъектами Федерации стоит непростая задача – увязать интенсивное экономическое развитие с сохранением природной среды.

Необходимо учитывать, что перспективы развития восточносибирских субъектов РФ во многом связаны именно с Байкалом. Благодаря огромной глубине (до 1637 м), озеро обладает колоссальным объемом пресных вод – 23 тыс. куб. км. Рыночная стоимость питьевой воды удваивается каждые пять лет. К 2015 г. почти половина населения мира (более 3 млрд человек) будет испытывать недостаток воды. Реализация проектов по крупнотоннажному отбору байкальской воды в объемах, исключаящих ущерб экосистеме, может приносить выручку до 500 млрд руб. в год. Проекты по расфасовке и реализации воды в рознич-

ных сетях могут утроить эту сумму.

Динамично возрастает роль Байкала как зоны развития индустрии туризма. Озеро уникально по своим геологическим, биологическим, ландшафтным и климатическим качествам, это одно из семи чудес России, один из десяти объектов, рекомендуемых мировыми туроператорами для первоочередного посещения. Помимо этого, Россия несет международные обязательства по сохранению Байкала и прилегающей к нему территории, поскольку в 1996 г. озеро включено в Список объектов всемирного наследия. Сохранение озера должно стать не только национальной, но и международной миссией восточносибирских субъектов РФ.

Не следует сводить экологические проблемы Забайкальского края к воздействию «китайского фактора». Основные проблемы носят внутрirosсийский характер: недостаточное государственное финансирование природоохранных мероприятий; несовершенство экологического законодательства; низкий уровень экологической культуры населения; коррумпированность контролирующих органов; неравномерность распределения финансирования по субъектам Федерации и т.д. Однако недоучет трансграничных факторов делает невозможным обеспечение комплексной экологической безопасности. В этой связи актуальной научно-теоретической и практической проблемой является создание эффективной системы экологической безопасности Забайкальского края, которая, с одной стороны, учитывала бы внутрорегиональные и общероссийские особенности, с другой – специфику приграничной территории и формирующегося трансграничного пространства в территориальном ареале «Забайкальский край – Северо-Восточный регион КНР».

Одним из факторов высокого потенциала развития трансграничных регионов является то, что в них скрещиваются культурно-цивилизационные коды. Следовательно, межкультурное взаимодействие должно лежать в основе формирования трансграничных региональных систем. Однако в

случае межрегионального взаимодействия Забайкальского края и приграничных территорий КНР можно констатировать очевидную культурную отчужденность жителей двух стран.

Директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Ларин по этому поводу пишет: «Очень сложной является проблема взаимоотношений двух соседних и, как показал весь прошлый опыт, очень трудно адаптирующихся друг к другу культур... Опыт тесного общения двух цивилизаций в Приамурье и Северо-Восточном Китае во второй половине XIX – первой половине XX вв., не говоря уже о 90-х гг. последнего, позитивным назвать трудно... Несмотря на длительное соседство и совместное проживание, тесные контакты на разных уровнях человеческого общежития, китайцы и славяне остаются очень и очень разными...» [7; С. 24]. Для решения этой проблемы и повышения эффективности сотрудничества в социокультурной сфере представляется целесообразным предпринять следующие шаги.

1. Расширить культурные контакты приграничных территорий. «Эффективность российско-китайского сотрудничества будет тем выше, чем больше областей взаимного интереса будут находить стороны» [8; С. 35]. Однако следует признать справедливым мнение заместителя директора Института общественного развития Европы и Азии при Госсовете КНР Гао Чжунъи. Он отмечает, что сейчас, кроме бизнеса, между РФ и КНР иных отношений почти нет, но без гуманитарных связей и массовых культурных обменов отношения между государствами не могут быть крепкими [5].

В этой связи Забайкальский край и приграничные территории КНР должны всемерно способствовать развитию связей в области культуры, что предполагает сотрудничество между учреждениями культуры, творческими союзами и организациями регионов; расширение связей между учебными заведениями, учреждениями и организациями науки; обмен специалистами,

научными работниками, преподавателями, учащимися; сотрудничество в области здравоохранения, физической культуры и спорта; развитие контактов между общественными организациями и т.д.

2. Расширить контакты приграничных территорий в образовательной сфере. Н.Е. Боревская отмечает, что правительство КНР так формулирует свой курс: «поддержка обучения за рубежом, стимулирование возвращения на родину, свободы въезда и выезда». В 1978 – 2006 гг. около 1 млн китайцев направилось в 128 стран и территорий для учебы и научных исследований по трем каналам – государственному, ведомственному и за собственный счет. Специальности, по которым они обучаются, охватывают едва ли не весь спектр современных научных дисциплин [1].

В настоящее время основная масса китайских студентов, выезжающих за рубеж, обучается в Японии и США. Тем не менее, китайцы – самая большая по численности группа в составе иностранного контингента учащихся российских вузов. Это позволяет говорить о том, что сотрудничество между Россией и Китаем в области высшего образования динамично развивается. Преимуществами получения российского образования для граждан КНР являются его высокое качество и низкая стоимость.

Исследование влияния российско-китайских коммуникаций в сфере образования на социокультурную ситуацию приграничных территорий приобретает все большую актуальность. В первую очередь это обусловлено значительным усилением позиций КНР на международной арене. Дополнительную актуальность проблема приобретает из-за продолжающейся депопуляции российского приграничья, пространство которого неминуемо заполнится представителями других этносов. В таких условиях жизненно важна выработка инновационных стратегий регионального развития, их составной частью выступает стратегия международного сотрудничества в образовательной сфере.

3. Расширить контакты приграничных территорий в туристической сфере.

В последние годы Северо-Восточный регион КНР характеризуется высокими темпами развития туристической отрасли. Рост общей прибыли от туризма в регионе за пять лет превысил средний показатель по стране. В провинциях Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян общий доход от туризма в 2008 г. составил 275,520 млн юаней, приток туристов – 504,6 млн человек, доходы от туризма в иностранной валюте достигли 261 млн долл. США, превысив уровень 2004 г. соответственно на 174, 136 и 160 % [12; С. 72].

Во многом это обусловлено наличием уникальных ресурсов для развития туризма: благоприятная экологическая среда (по сравнению с другими регионами КНР), экологическое разнообразие территории, яркие культурные особенности, достаточно развитая индустрия и инфраструктура. Кроме того, регион имеет очевидные преимущества географического положения: находится в центре Северо-Восточной Азии; соседствует со многими государствами; является важным транспортным коридором, соединяющим Северо-Восточную Азию с Европой; имеет протяженные границы, на которых расположено большое количество приграничных и портовых городов. Дальнейшему развитию туристической отрасли будет способствовать утвержденный в 2010 г. План развития туризма Северо-Восточного региона КНР, направленный на формирование туристического бренда «Большой Дунбэй» и представляющий собой детально разработанную стратегию развития отрасли с обозначением основных направлений, целей, принципов и механизмов реализации [9].

Забайкальский край также обладает уникальными природными комплексами, потенциально способными привлечь российских и иностранных туристов. Однако в настоящее время въездной туризм, являясь одним из приоритетных направлений туризма, представляет самое слабое звено туристической отрасли Забайкальского края,

поэтому остро нуждается в государственной поддержке. В частности, необходима разработка долгосрочной целевой программы, направленной на развитие туризма в Забайкальском крае.

Следует учитывать, что более 90 % въездного потока на территорию края составляют китайские туристы. В этой связи необходимо развитие туристской инфраструктуры поселка Забайкальск, учитывая преимущества его геостратегического положения. Поселок, расположенный в непосредственной близости от КНР, воспринимается как «визитная карточка» края и имеет все предпосылки для развития международного туризма с приграничным городом Маньчжурия, который ежегодно посещают более 5 млн человек из различных провинций КНР. При наличии туристской инфраструктуры на территории Забайкальского района, актуальных маршрутов, рассчитанных на данную категорию туристов, этот туристский поток с пользой для региональной экономики можно перенаправить в Забайкальск.

Итак, субъекты Российской Федерации становятся активными участниками международного взаимодействия в экономической, культурной и прочих областях. Некоторые специалисты полагают, что международные связи субъектов РФ имеют непосредственное отношение к механизму их политической самоидентификации: завершение этого процесса невозможно без практики разветвленных внешних связей, способствующих освоению региональным сообществом и его правящей элитой роли политического актора [2]. Взаимовыгодное сотрудничество Забайкальского края с приграничными территориями КНР обеспечивается в первую очередь эффективными действиями федерального Центра и региональных органов государственной власти, а следовательно, предполагает конструктивные изменения во внутренней и внешней политике Российского государства.

Литература

1. Боровская Н.Е. Национальная специфика образования в эпоху глобализации: поможет ли нам опыт КНР? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oukumena/azia/nacionalnaja_specifika_obrazovanija_v_epohu_globalizacii_pomozhet_li_nam_opyt_knr_2008-04-22.htm.
2. Борисов С. Внешнеполитическая деятельность российских регионов как атрибут их политической самоидентификации // Что хотят регионы России? – М.: Московский Центр Карнеги, 1999. – С. 12-25.
3. Доклад министра природных ресурсов РФ Юрия Трутнева на совещании под председательством первого заместителя председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева, посвященном развитию Дальнего Востока и Забайкалья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-20440.html>.
4. Имитация величия: «Круглый стол» в редакции газеты «Завтра» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/04/560/41.html>.
5. Китайские и российские ученые о гуманитарном факторе в двухстороннем сотрудничестве КНР и РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fmprc.gov.cn/ce/cgkhhb/rus/xwdd/t201780.htm.
6. Концепция федеральной целевой программы «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории» (проект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minpriroda-rb.ru/burohotnadzor/dokum.php>.
7. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 283 с.
8. Михайленко А.Н. «Мягкая» сила и развитие российского Дальнего Востока // Управление мегаполисом. – 2010. – № 6. – С. 29-35.
9. План развития туризма Северо-Восточного региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chinaneast.gov.cn/2010-03/17/c_13214227.htm.
10. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 годы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isn.ru/35602.html>.
11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.
12. Шутова Т.С., Кучинская Т.Н. Туристический имидж Северо-Восточного региона КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. Вып. 9. – Чита: ЧитГУ, 2011. – С. 70-74.

Коротко об авторе

Арсентьева И.И., д-р полит. наук, доцент кафедры востоковедения, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
airen1@yandex.ru

Briefly about the author

I. Arsentjeva, Doctor of Political Sciences, associate professor, Oriental Studies department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: международные отношения, национальная и региональная безопасность Российской Федерации

Scientific interests: international relations, national and regional security of Russian Federation

УДК 93/99(4/9)

Карипов Балташ Нурмухамбетович
Baltash Karipov

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА (ЛИЧНОСТИ) В ТРУДАХ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN STATE AND SOCIETY (INDIVIDUAL) IN THE WRITINGS OF RUSSIAN LIBERALS OF THE SECOND HALF OF THE XIX –BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Рассматриваются философско-теоретические подходы либералов-государствоведов Б.Н. Чичерина, С.А. Муромцева, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева к решению проблемы о взаимоотношении государства и общества; раскрывается исходное базовое значение правовых и этических норм в их философско-теоретических концепциях, прослеживается эволюция их взглядов

Ключевые слова: субъект, объект и среда отношения, правовой закон, власть

The article deals with the philosophical and theoretical approaches of liberals-state studiers B.N. Chicherin, S.A. Muromtsev, B.A. Kistiakovskii, P.I. Novgorodtseva to solving the problem of relationship between state and society to discover the source, the base value of legal and ethical standards in their philosophical and theoretical concepts, traces the evolution of their views

Key words: subject, object and environment relations, legal, law, power

Восновании либерализма, как известно, лежит идея индивидуальной свободы – атомарной или социализированной личности. Эта идея обусловлена изначально свободной волей человека, который по мере осознания собственного «Я» и выделения из «Мы» освобождается от традиционных представлений и предрассудков о фатальной предопределенности собственной судьбы, становится ответственным за свой выбор и за свои действия по отношению к другому «Я» и социуму в целом. Идея индивидуальной свободы, будучи системообразующей для либеральной доктрины, становится концептуально исходной в создании российской либеральной модели политических изменений.

Убедиться в этом позволяют, в первую очередь, теоретические работы Б.Н. Чичерина. Теоретико-методологические основания модели политических изменений

русский мыслитель выстраивал на рационалистических, логико-метафизических началах. Отталкиваясь от основополагающих положений гегелевской системы, он в целом ряде работ высказывал собственное, самостоятельное, понимание идеализма. Чичерин считал, что данная интеллектуальная концепция открыла диалектический закон развития мирового бытия посредством выделения противоположностей из первоначального единства и последующего сведения этих противоположностей к высшему единству. Основными реальными противоположностями выступают, с одной стороны, материальный мир и, с другой стороны, мир мыслящих субъектов, которые имеют отношение к верховному разуму. То, что связывает эти два мира и представляет собой сочетание противоположностей, представляет собой дух, который на низшей ступени выступает как целесообразно

действующая органическая сила, а на высшей — как мир связанных с органической жизнью субъектов. Эти субъекты, осуществляя идеальные цели в материальном мире, приводят противоположности к высшему соглашению. Конечная цель этого процесса заключается в абсолютном духе, который руководит всем поступательным движением и окончательно приводит мировое бытие к идеальному совершенству [1; С. 196-197].

Для русского мыслителя определяющим началом в познании трансцендентного является разум: «Ни смысла, ни связи явлений опыт нам не раскрывает: связующее начало, не подлежащее внешним чувствам, постигается только разумом» [2; С. 8]. Он квалифицирует его как «отвлеченно-общее начало Вселенной, сознание чистого закона» [2; С. 77]. Только априорная чистота определения обуславливает все последующие характеристики разума. Одна из первых его характеристик — формализм, свидетельствующий о выходе разума за границу только практического опыта и позволяющий двигаться посредством умозрительных размышлений к высшему началу, следуя рационалистическому императиву. Чичерин так определяет содержание понятия: «разум есть верховное определяющее начало как в субъективном, так и в объективном мире как в бессознательном. Разум есть закон всякого бытия» [3; С. 362].

Верховность как всеобщность указывает не только на доминирование рационального начала в философской концепции русского ученого, но и на то, что закономерности внешнего мира и формализованные правила соответствуют друг другу. Говоря об их соответствии, Чичерин подчеркивал «...воспринятые внешними чувствами впечатления, объединенные внутренними действиями сознающей силы, под умозрительными формами пространства и времени, и проектированные этой силою вне себя, совпадают с реальным существованием вещей. Этим разум определяется как способность познавать вещи на основании своих собственных законов» [3; С. 119].

Размышляя об умозрительном знании, он использовал гегелевские основоположе-

ния. Однако при этом творчески трактовал и развивал их. Не случайно известный исследователь русской мысли В.В. Зеньковский, характеризуя научное творчество Чичерина, подчеркивал, что оригинальность его таланта заключается «не в том, в чем он следует Гегелю, а в том, в чем он отклоняется от него. Решающим здесь являются: а) проблема Абсолюта и б) проблема человека» [4; С. 159]. По мнению Чичерина, познание Абсолютного осуществляется в силу действия разума через двойкий процесс — соединение и разделение. В этом состоит смысл всех логических операций. Отсюда мыслитель делал вывод о том, что основными началами разума в процессе познания являются определения единства и множества. В свою очередь, два противоположных определения связываются двумя противоположными путями. Первый путь — сочетание единого и многого, второй путь — отношение единого и многого. Таким образом, получаются две перекрещивающиеся противоположности. «Они образуют общую логическую схему для познания всякого предмета, а тем более, для логических операций. Когда анализ дал нам эти четыре начала, мы можем быть уверены, что мы получим полноту логически необходимых элементов познания, а вместе — и необходимые отношения» [3; С. 7-8].

Начало составляет неделимое единство, а конец — делимое множество, стремящееся обратно к единству. Середину составляют две противоположности — материя и разум, простейшими, единичными силами которых выступают, соответственно, материальный атом и разумный единичный субъект. Образование единичной мыслящей субстанции при этом резко отличается от происхождения материальных объектов. Материальный атом как результат взаимодействия центральной и периферической сил соединяется с другими атомами и образует материю. Напротив, единичный разум происходит путем выделения из общей субстанции верховного, или абсолютного разума, понятие о котором представляет собой исключительно недоказуемое опытом логическое начало. Единичная мыслящая

субстанция как простейший элемент абсолютного разума не уничтожается, а лишь выделяется из общей субстанции и снова с ней сливается [5; С. 123-125]. Четыре отдельных и независимых друг от друга начала бытия — первопричина, разум, материя и конечная цель, или дух, «представляются развитием единой Абсолютной Сущности. Единство их лежит в Абсолютном; но в реальном мире они распадаются и остаются независимыми друг от друга» [1; С. 62].

Следуя гегельянцам, Чичерин подчеркивал, что его схема идеальна по природе и потому «она прилагается ко всему, что исследуется разумом. По самой ее отвлеченности под нее подводится всякое содержание, и этим подведением обнаруживается как полнота, так и логическая группировка подлежащих исследованию элементов» [3; С. 15]. Логическая непротиворечивость, всеобщность и системность этой тетрады позволяла использовать ее не только при рассмотрении онтологических вопросов, но и острых социальных тем, различных политико-правовых аспектов. Оригинальность чичеринских универсалий, по оценке Н.О. Лосского, заключалась в том, «что в системе Чичерина промежуточная связь состоит из двух членов, противоположных друг другу» [6; С. 158]. Руководствуясь данной формулой, ее автор в процессе познания бытия и форм его отражения акцентировал неизменную сторону, а не ускользающую. Именно сосредоточенность Чичерина на устойчивых элементах бытия стала «исходным пунктом для построения» его «специфической социальной метафизики» [7; С. 77].

Для русского мыслителя Абсолютное — символ вечности с присущими ему трансцендентными характеристиками: «Идя от частного к частному, от условного к условному, мы в силу логической необходимости приходим к лежащим в их основании безусловному или абсолютному, которые есть причина всех причин» [3; С. 326]. Постулат безусловного распространяется как на трансцендентную, так и реальную сферы бытия, ему присуще активное действие. В этом аспекте русский философ следует завету Аристотеля, одновременно сущес-

твенно дополняя его «человеческим компонентом». Понятие абсолютного как высшего метафизического и добродетельного начала Чичерин рассматривает как совокупность конкретных мыслящих существ, объединенных рациональным принципом. Находясь во всемирной общности, каждое существо, действуя, выявляет свою принадлежность к Абсолюту, свою личностную ограниченность и свою зависимость от всеобщего. «Таким образом, реальный мир представляет совокупность мысленных единиц, связанных общим законом разума, т.е. вытекающую из разума необходимость, в силу которой происходит самоопределение каждой единицы» [3; С. 332]. Основу этого самоопределения составляет высшее, рациональное проверяемое начало мироздания, абсолютное по природе. Для Чичерина механизмом развертывания всеобщего закона разума является совместная деятельность личностей, направляемой высшим разумом к заветной мечте, которая есть «согласие в разнообразии». Метафизическое начало в социальной жизни представлялось Чичерину как понимание, появляющееся в связи с осознанными действиями лиц, преследующих и реализующих собственные цели. Поскольку у каждого из них устремления и мотивация являются разными, требуется изначальное духовное рациональное начало, позволяющее двигаться к высшему единству. Тем самым на стыке материи и духа, формы и содержания, единичного и всеобщего зарождаются социальные формы человеческой жизни.

Последовательное применение Чичеринским онтологических принципов к изучению общественной жизни позволило ему перейти к анализу одной из ее основных форм — человеческой свободы. Он исходил из того, что свобода является сущностным выражением человеческой природы. Соглашаясь с тем, что человек связан с природным миром, он, вместе с тем, указывал и на принципиальное отличие. Мир природы подвержен влиянию объективных законов. В этом мире царит причинно-следственная закономерность. В социальном мире эти законы также присутствуют, но своеоб-

разно проявляются в жизнедеятельности человека. Своеобразие определяется наличием свойства, присущего только человеку — сознанием, духовного качества, поэтому «человек сам себе дает закон и меняет этот закон по своему произволу» [8; С. 2]. Сознание, разум и воля превращают человека в активное деятельное существо: «Существование субъекта как реального единичного существа, лежащего в основании всех явлений внутреннего мира, не подлежит малейшему сомнению» [9; С. 28]. Наличие субъекта, обладающего сознанием своего «Я», становится для Чичерина императивом и определяет трактовки иных граней человеческой свободы.

Одну из таких граней составляло соотношение внутренней и внешней свободы. Конфигурацию взаимосвязей между ними Чичерин выяснял с помощью разума, который в данном случае определял как рационально-логическое умение познавать, продвигаясь от «единичного ко всеобщему» и наоборот. На этой основе свобода понималась им двояко: отрицательно и положительно. Отрицательная свобода — как свобода независимых состояний, положительная — как возможность самовыражения. Самовыражение и самоутверждение человека возможно только в мире конкретных обстоятельств и условий. Человек должен был не только учитывать, но и соотносить свои действия с внешней детерминацией. Это тот аспект свободы, где выбор зависел от внешних обстоятельств. Но таковой являлась только одна внешняя сторона свободы. Используя кантовскую терминологию, Чичерин указывал, что ее вторая сторона — внутренний произвольный выбор, определяемый встречным движением сознания и бессознательного. Следует отметить, что русский мыслитель не просто фиксировал взаимосвязь внешнего и внутреннего выбора, но и внимательно рассматривал его структуру [3; С. 123-125]. Первым элементом этой структуры был элемент волеия («хотения») [10; С. 8], устанавливающий исходный психологический импульс выбора, детерминированный глубиной человеческой психики; определяющий элемент

— раскрывающий соотношение в человеке внутренних психологических эмоций и мира определяющих ценностных установок; элемент реализации — фрагмент, характеризующий целеполагание и меры ее реализации и достижения.

Анализ структурных элементов позволил Чичерину дать подробную характеристику содержания внешней и внутренней, правовой и нравственной свободы. Стержень нравственной свободы составляет существование Абсолютного и признание того, что человек своими действиями способен восходить к нему. Ограниченность абсолютной свободы связана с тем, что человеческое творчество свободы — относительно и ограничено. Другими словами, мир практики выявляет относительную меру свободы, но не отменяет свободы воплощения воли человека. «Нравственная свобода перестает быть свободой, как скоро у нее отнимается произвол, то есть возможность противоположного. Для ограниченного существа, заключающего в себе обе противоположности и свободно переходящего от одной к другой, свобода добра неизбежно сопряжена со свободой зла; одна без другой не существует. В Божестве, возвышенном над всякими частными определениями, мыслима только свобода добра; но это происходит от того, что к нему не приложим закон причинности, по которому последующее определяется предшествующим: все его решения вечны. Однако в этом вечном решении заключается и свобода зла, как необходимая принадлежность происходящих от него ограниченных существ» [9; С. 51-52]. «Духовная природа личности <...> состоит в свободе; общественное начало, как ограничение свободы, выражается в законе. Поэтому основной вопрос заключается в отношении закона к свободе» [9; С. 83].

Правовой закон для Чичерина — это узаконенная форма внешней свободы человека. Аргументируя необходимость правового закона, он исходил из того, что проявление закона в мире природы и общества разное. В животном мире господствует неотвратимая причинно-следственная

связь, социальном — социальные нормы. Человек волен выбирать — принимать или отвергать устанавливаемые обществом порядки. Отличие второго от первого состоит в том, что нарушение порядка ведет к социальному принуждению. «От различного решения этого вопроса зависит двоякое отношение закона к свободе: принудительное и добровольное. Первое касается внешних действий, составляющих область внешней свободы, которая одна подлежит принуждению; второе обращается к внутренним побуждениям, истекающим из свободы внутренней. Из первого рождается право; второе составляет источник нравственности» [9; С. 83].

Будучи сторонником правовых отношений, Чичерин стремился уяснить социальный генезис правового закона. Продолжая аристотелевскую традицию, он считал, что первоначально права выступают простейшие человеческие потребности. Эти потребности создают тот первый круг жизни и общения, посредством которого человек реализует свое назначение и предназначение. Не забывая о своей исходной посылке — соотношении внешней и внутренней свободы — Чичерин полагал, что объективная необходимость закона обусловлена самой природой. Человек — есть такой субъект Абсолюта, который на каждом историческом этапе существования стремится утвердить и расширить свою свободу. Однако человек живет в обществе, где другие также стремятся реализовать свободу. Неизбежно возникают столкновения и антагонизмы, что может привести к «войне всех против всех» (Т. Гоббс). Чтобы этого не произошло и необходимо введение правового регулирования. По твердому убеждению Чичерина, только право, понимаемое как взаимное ограничение свободы под общим законом, составляет неотъемлемую принадлежность всех человеческих обществ. Право в данном случае рассматривалось не только как способ регулирования человеческого произвола. В рамках права законодательные акты и нормативы выступали одним из наиболее эффективных инструментов гармонизации общественных институтов и отношений. В

этом либеральному идеологу виделось продолжение разговора о структуре человеческой свободы — взаимосвязи нравственности, закона и политики.

Специфика либерального мышления четко просматривается в отношении к свободе. Дело в том, что свобода рассматривалась Чичериным через призму юридических категорий и связывалась с общественным и индивидуальным сознанием. Благодаря ему, были введены в оборот понятия субъективного и объективного права. «Субъективное право, — указывал Чичерин, — есть законная свобода что-либо делать или требовать; объективное право есть самый закон, определяющий свободу и устанавливающий права и обязанности людей. Оба значения связаны неразрывно, ибо свобода только тогда становится правом, когда она освящена законом, закон же имеет в виду призвание и определение свободы» [8; С. 34]. Хотя русский мыслитель связывает эти два вида права, приоритет он отдает первому — субъективному праву, ибо оно является формой выявления свободы. Чтобы свобода не «зависла» в воздухе, не превратилась только в моральное благодеяние, не содействовала нарушению общественного порядка и безопасности, она должна быть подкреплена властными регулятивами, оформленными правовыми нормами объективного права. Чичерин всегда подчеркивал особо важное значение правовых норм.

Анализ идеального и реального аспектов человеческой свободы в учениях российских либеральных мыслителей логически подводил их к необходимости ответов на следующие вопросы: как творится свобода в условиях общества, каковы социальные основания свободы личности? И, наконец, требовалось ответить еще на один принципиальный вопрос, который можно обозначить как основной вопрос социологии: что такое «общество»? Согласно С.А. Муромцеву, общество начинается с его системного качества — общественного отношения. Отношением человека к окружающим его предметам и людям он называл возможностью «известного рода событий, которые обусловлены воздействием предметов

и людей на человека и человека на них» [11; С. 57]. Содержание отношения, т.е. «род возможных событий», определялось свойствами лиц и предметов, связанных с отношением, и свойствами окружающей их среды. Под «свойствами» в данном случае понимались физические и духовные качества, общие и индивидуальные, постоянные, продолжительные и временные, быстро проходящие. Все подобные свойства, обуславливающие возможность известного рода событий, обозначались как фактические, а обусловленные ими отношения назывались фактическими отношениями. Эти отношения, полагал Муромцев, являются выражением порядка, установленного природой для проявления воздействия лиц и предметов, или, другими словами, выражением естественных законов материальной и духовной природы.

В свою очередь, атрибутивными элементами отношения являются субъект, объект и среда отношения. Субъектом выступает человек, о возможности действий которого идет речь в каждом данном случае. Под объектом понимается другой человек или иной предмет, который играет пассивную роль в действиях субъекта. В соответствии с этим выделяются активный и пассивный элементы отношения. Активный элемент состоит в открытой для человека возможности совершения известного рода поступков относительно объекта отношения, размер возможностей самостоятельности субъекта по отношению к объекту; пассивный элемент есть возможность событий, в которых данный человек играет страдательную роль, положение объекта. Обуславливающее действие среды выражается в существовании ряда конкретных отношений субъекта и объекта к отдельным частям среды, влияющей на существование данного отношения субъекта к объекту. И субъект, и объект состоят в каком-либо отношении к каждому деятелю среды. Среда влияет на отношение в форме сопровождающих отношений. Отношение сопровождается другими многочисленными отношениями, каждое из которых, в свою очередь, может быть рассмотрено как главное, со-

провожаемое прочими. Мир фактических отношений, мир общества, представляется не механическим целым, а соединением, части которого связаны между собой органическим образом.

Результатом усложнения среды является общественный союз. В своей деятельности, в борьбе с природой и чужими союзами люди устанавливают и подтверждают громадное количество отношений друг с другом. Тем самым образуются различные социальные группы, которые Муромцев делил на две разновидности: а) кратковременные и специальные соединения и б) постоянные и генетические объединения, к каковым он относил и государство. Защита господствующих в обществе отношений от нарушений внешних и внутренних врагов осуществляется двумя способами: организованно и неорганизованно. Организованная защита осуществляется заранее определенным порядком при помощи особых, специально предназначенных для этого органов. К организованным защитным формам Муромцев в первую очередь относил право и государство. Таким образом, взяв на вооружение философско-правовой метод изучения социальных явлений, российские либеральные мыслители стремились подчеркнуть самостоятельный статус общества с целью определения социальных механизмов и оснований человеческой свободы. К таковым механизмам они в первую очередь относили власть и право.

Тема власти широко и разнообразно представлена в работах либеральных мыслителей. Естественно, первоочередной интерес вызывают те из них, в которых феномен власти анализируется не сам по себе, а в связи с вопросом о взаимоотношениях государства и личности. В этом плане следует выделить в русской государственной литературе рассматриваемого периода работы Б.А. Кистяковского «Государственное право (общее и русское)» и «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права». В этих трудах феномен власти подвергнут многоаспектному анализу: историографическому, семантическому, социально-пси-

хологическому, формально-юридическому. Основу понимания власти Кистьяковским составляли идеи научно-философского идеализма и неокантианства. Важную роль играла идея должного, выражая сферу социальных норм, целей и идеалов, которые оказывают существенное влияние на деятельность государства. Государство, по мнению Кистьяковского, является собой значимую ценность человеческой культуры, имеет своей целью благо и способствует созданию и выработке всесторонних форм человеческой солидарности, развитию лучших сторон личности. Исходный критерий оценки деятельности государства — состояние личности, сущностные признаки государственности — право и власть.

Кистьяковский обозревал целый ряд известных в то время работ как российских, так и зарубежных ученых. Анализируя определенные достоинства и недостатки их позиций и взглядов, он приходил к выводу, что в российской государственной литературе под влиянием общетеоретического и юридического позитивизма стал преобладать формально-юридический подход, что привело к определенной асимметрии. На первый план выдвигались формальные, нормативные принципы и признаки, а сущностные и содержательные — отодвигались на второй план. В результате была затруднена возможность адекватного восприятия реальных противоречивых политических процессов и их соответствующей теоретической оценки. Для преломления наметившейся тенденции следовало руководствоваться иной исходной позицией: поставить «вопрос о существовании государственной власти» не в плоскость «государственно-правовой догматики», а рассмотреть его в плане «общего учения о государстве». «Для государства имеют значение все стороны власти и все составные элементы ее, и потому исследование должно быть направлено на проблему власти в целом» [12; С. 260, 275].

Для Кистьяковского рассмотрение этой проблематики начиналось с вопроса о происхождении и смысле термина «власть». По его мнению, попытки увязать происхождение слова «власть» с силовой концепцией

государства не увенчались успехом. Кистьяковский высказывал предположение, что своими истоками этот термин связан с праримскими выражениями типа «царская власть», означающими человека, устанавливающего правила [13; С. 249].

Авторитетность как смысловое выражение термина «власть» означало для Кистьяковского основу социально-психологической трактовки власти. В социально-психологическом смысле власть зарождается там, где при отношении двух или нескольких лиц «одно лицо, благодаря своему духовному, а иногда телесному превосходству, благодаря качествам своего характера и своей энергии, занимает руководящее и господствующее положение, а другое лицо, становясь в зависимое положение, следует за ним» [12; С. 275]. В этом смысле социально-психологические явления господства и подчинения составляют общее основание любого властвования. Таков его субстратный, постоянный, статичный элемент. В таком виде он присущ различным общественным союзам, начиная от самых простых и заканчивая наиболее сложными. Социально-психологическая трактовка, таким образом, демонстрировала истоки и субъективную мотивацию властного поведения людей, коренящиеся в сознании и подсознании людей.

Социально-психологический признак власти являлся важным, но не единственным. Динамику власти обстоятельно раскрывают базисные факторы исторического развития. К ним относятся материальная мощь и военное превосходство, экономическое богатство и аппаратные структуры, расовое давление и социально-классовое противоборство. Взаимосвязь и взаимодействие между ними показывает как протекает процесс властвования, обозначает основные ресурсы власти, освещает механику и технологию смены одних политических систем другими. Исторический подход к осмыслению власти логически выводил Кистьяковского на принципиально новый социологический уровень. В этом аспекте он рассматривает власть как свойство социальной организации и способ самооргани-

зации человеческой общности, основанной на целесообразности разделения функций управления и исполнения. В этом отношении социум представлял собой разветвленную сеть вертикальных и горизонтальных общественных отношений, где индивид занимает свое определенное место. Чтобы не нарушить жизнедеятельность общественного организма в целом и дать возможность людям исполнять разнообразные статусно-ролевые функции, требовались властные механизмы влияния и организации. С их помощью наводился общественный порядок, предпринимаются усилия по реализации перспективных планов и важных стратегических целей.

Структурно-функциональная интерпретация власти у Кистяковского также была связана с пониманием этого феномена как предмета конкуренции групповых интересов. Группа не может стать участником конкуренции за власть, если не сумеет организовать систему представительства интересов принадлежащих к ней граждан. Участие в борьбе за власть обязательно требует институционального представительства, системного производства социально-правовых производств, одобряемых общественным контролем. В эпицентре этой борьбы находится государственная власть, ибо только она окончательно легитимирует групповые признания субъектом притязаний. Становится понятным, что ее завоевание, удержание и использование дает легальную возможность распределять основные общественные ресурсы, устанавливать допустимые и общепринятые «правила игры». Государственная власть обеспечивает тем самым ее носителям выгодное положение и превращает принятые ими решения в общеобязательные. В силу этих обстоятельств государственная власть выступает одной из наиболее влиятельных в структуре политической власти. Регулятивная функция власти определяет порядок отношений людей между собой, в обществе и государстве. Главным образом это касается внешних отношений людей. Здесь в действие вступает формально-юридическая сторона государственной власти, что

означает отношение между волей, олицетворяющей собой волеизъявление высшей государственной власти, и многочисленными волями, подданных и должностных лиц, состоящих на службе у государства, иными словами – исполнителей волевых импульсов со стороны власти [12; С. 270]. Государственная воля имеет обезличенный характер; она выражается в правовых нормах и определенном механизме их применения.

Легитимность власти, считал Кистяковский, обусловлена не только принятыми формализованными правилами. Не менее важно для власти и ее нравственное оправдание. Это оправдание может заключаться или в величии и славе народа и государства, что наблюдается в абсолютистско-монархических государствах, или в упрочении правового и общественного порядка, что можно видеть в правовых и конституционных государствах, или в регулировании экономической жизни, или в удовлетворении наиболее важных материальных и духовных потребностей граждан, что составляет задачу социального государства. В современных для Кистяковского условиях господствующей оказывалась правовая идея, суть которой выражалась в том, что все действия власти должны были обуславливаться и регулироваться правовыми нормами. В правовом государстве лица, облеченные властью, должны были подчиняться правовым нормам в равной мере, как и лица, власть неимущими. Власти предержащие также являются исполнителями предписаний, заключенных в установленных нормах, как и все остальные граждане. Сама власть выступала не столько областью их субъективного права, сколько непосредственной правовой обязанностью. Такую обязанность они должны были исполнять, осуществляя функции власти как известное общественное служение. Исключительные полномочия предоставлялись им не в личных интересах, но в интересах всего народа и государства. В конечном итоге власть, по определению Кистяковского, означала не «господство лиц, облеченных властью, а служение этих лиц на пользу общего блага» [12; С. 282].

Праву как социальному явлению и одному из главных регуляторов во взаимоотношениях государства и личности также уделялось значительное внимание либеральными мыслителями. В основе такого внимания лежал процесс вхождения в активную общественную жизнь представителей новых социальных слоев. Этот процесс зачастую проходил болезненно, порождая противоречия и конфликты между властью и гражданами.

Принцип личности и ее безусловного значения составлял предпосылку понимания политики и права П.И. Новгородцевым. Однако, в отличие от Б.Н. Чичерина, он выстраивал систему аргументации этого принципа на основе иной методологической школы — неокантианской. Принцип безусловного значения личности, по Новгородцеву, имел абсолютную, рационально-нравственную форму и относительное, конкретно-историческое содержание. Императивность личности олицетворяли ее разум и сознание внутреннего долга. Единственно оправданная цель и идеал социального развития заключались в бесконечном развитии и совершенствовании личности. Общественный идеал по своей внутренней структуре являлся абсолютным; он представлял собой всеобщий свободный универсализм, где свобода, равенство и всеобщность объединения лиц сочетались в свободной солидарности всех. Либерально ориентированный мыслитель полагал, что в преломлении к социальному процессу абсолютный идеал неизменно выступает масштабом и мерилем критической оценки общественных отношений и различных социальных институтов, что в нем всегда разграничены нравственная и политическая стороны. Подобного рода антиномии между личным и общественным, между нравственностью и политикой могли быть преодолены лишь при осознании того факта, что общество является конкретным взаимодействием свободных людей, а власть и право — гарантом социального мира и свободы личностей.

Разработанный русским мыслителем принцип морально-этического императива

позволил показать не только расхождение между политической сферой, правовой и моральной системами, но и их взаимосвязь на основе идеи естественного права. Руководствуясь этим принципом, Новгородцев создал новый масштаб критического рассмотрения реального законодательства и политики. Естественнo-правовая идея с постоянно развивающимся содержанием дала возможность преодолеть в то время ограниченность историко-социологического подхода к анализу политического процесса. Эта идея также облегчала разработку методов критической оценки действующих законов и политических институтов. Вооружившись этой идеей, политики-практики и теоретики не хотели занимать позицию «простых наблюдателей исторического процесса» [14; С. 257] и стремились создать продуктивный политико-правовой проект. Они не желали более продолжать роль апологетов действующей власти, а намеревались раскрыть истинное лицо политической элиты. Моральный максимализм предполагал свободную деятельность.

Предложенная Новгородцевым *трактовка морали как принципа внутренней человеческой свободы* логически и идейно продолжала традицию немецкого этического рационализма. Его представители сформулировали ряд постулатов, позволивших говорить о взаимосвязи морально-нравственных и правовых принципов и тем самым усиливших аналитическую функцию права. Благодаря этому, отпала необходимость рассматривать наличную политико-правовую реальность как высшую ценность, появилась возможность выхода за ее границы. Естественнo-правовой подход содействовал разработке критериев определения параметров будущего политического строя.

Политико-философские идеи оппонентов либеральной идеи русский мыслитель называл «философией легального деспотизма» [15; С. 404]. Основной изъян этой политической философии виделся ему в апологии власти предрежащих, иными словами, — в отрыве правовой нормы, жестко закрепленной системой позитивного зако-

нодательства, от морального предписания. Новгородцев наглядно демонстрировал, что включение идеи естественного права в государственную науку требует неизменных преобразований. Существо этих необходимых перемен заключается в признании того факта, что государство не является самоцелью общественного развития, что над ним располагаются некие высшие нормы, которым ему надлежит подчиняться, которые сами по себе могут служить и оправданием, и руководящим началом для государственного организма. Государство по отношению к этим нормам выступает всего лишь частью, а не целым, органом, а не творцом: «оно также мало создает субстанциальные основы права, как мало создает оно драгоценные металлы, из которых чеканит монету» [15; С. 411].

Этическая норма, стоящая над государством, не может быть продуктом государственного волеизъявления и, следовательно, не может быть продуцирована, декретирована властью. Она выступает как принцип естественного права, сдерживающий деятельность государства. Указание на пределы государственного властвования, следующее из естественно-правовой конструкции государства, позволяет определить, насколько в государственной жизни воплощаются нравственные принципы, составляющие дух и начало правопорядка. Разумеется, такая конструкция государства не отражала его фактического облика, его обыденной жизни с борьбой социальных сил и политических направлений. Утверждение нравственной обязанности власти и путей ее самоограничения «лишь» открывало простор для реализации прав свободной личности.

Таким образом, российские либералы-государствоведы в своих работах исходили как из разграничения права и нравственности, так и их взаимодополнения. В человеческой жизнедеятельности право и

нравственность выступали как два кодекса правил и требований, поддерживающих определенный строй и ритм общения и содержащих ориентиры для проявлений человеческой индивидуальности. Соглашаясь с оценками современных исследователей о том, что в российском государствоведении «наибольшую чуткость к вопросам соотношения права и морали проявили правоведы либеральной ориентации» [16; С. 114], подчеркнем тот факт, что право и нравственность являлись для них значимыми не сами по себе, но и как *исходные, базовые формы воздействия* на общественные отношения и политические институты. Изучение вопроса о взаимоотношениях человека и общества осуществлялось в трудах российских либеральных мыслителей на системно аргументированной философско-теоретической основе. Такой методологический подход позволил рассматривать жизнедеятельность человека как вплетенную в сложную ткань общественных отношений, которые во многом определяют характер, объем и направленность реализации исторической свободы людей. Состояние и перспективы человека в немалой степени зависят от его психологических характеристик; как элемент в цепи поколений он в своеобразной форме — индивидуально и лично — воспроизводит многие родовые качества человека. Но для того, чтобы эти качества перешли из потенциального состояния в актуальное и закрепились в политическом поведении, требуется социальная практика, посредством которой человек превращается в неповторимую личность и активного участника социально-политических процессов. В системе значительных элементов общественной практики важное место принадлежит властно-юридическим институтам, ибо от них зависит уровень и качество порядка, мира и безопасности, а тем самым — и возможностям свободного развития каждой человеческой личности.

Литература

1. Чичерин Б.Н. Вопросы философии. — М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. — 1904. — 386 с.

2. Чичерин Б.Н. Наука и религия. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. – 1901. – 496 с.
3. Чичерин Б.Н. Основания логики и метафизики. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. – 1894. – 372 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Ч. 1. – Л.: Эго, 1991. – 280 с.
5. Чичерин Б.Н. Положительная философия и единство науки. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. – 1892. – 428 с.
6. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Издательство: Высшая школа, 1991. – 560 с.
7. Осипов И.Д. Философия русского либерализма XIX – начала XX в. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 193 с.
8. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч. 1. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. – 1882. – 468 с.
9. Чичерин Б.Н. Философия права. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. – 1900. – 341 с.
10. Левицкий С.А. Трагедия свободы // Соч.: В 2 т. Т. 1. – М.: Канон, 1995. – 512 с.
11. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. – М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко. – 1879. – 250 с.
12. Кистьяковский Б.А. Философия и социология права. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. – 800 с.
13. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
14. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. – М.: Издание Московского психологического общества, 1902. – С. 236-296.
15. Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. Кн. 74. – М.: Изд-во магазина «Книжное дело», 1904. – С. 397-450.
16. Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114-119.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Карпов Б.Н., доцент кафедры философии Кокшетауского государственного университета имени Ш.Ш. Уалиханова (Республика Казахстан)
bkaripov@yandex.ru

B. Karipov, assistant professor, Philosophy department, Kokshetau State University named after Sh. Sh. Ualikhanov

Научные интересы: история социально-политических учений, философия политики, социология политики, политология

Scientific interests: history of social-political study, philosophy of politics, sociology of politics, political science, etc

Культурология

УДК 008

Кострица Екатерина Игоревна
Catherine Kostritsa

Петрова Ирина Владимировна
Irina Petrova

К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

REFERENCE TO INTERCULTURAL COMPETENCE OF SECONDARY LINGUISTIC PERSONALITY: LINGUISTIC DIDACTIC ASPECT

Изложены результаты исследования вторичной языковой личности в контексте лингвокультурологии. Выявлены лингводидактическая модель формирования вторичной языковой личности и 8 компонентов межкультурной компетенции вторичной языковой личности

The article is dedicated to the results of the secondary linguistic personality investigation in the context of linguistic-cultural study. The linguistic-didactic model of secondary linguistic personality formation and 8 (eight) elements of intercultural competence of the secondary linguistic personality are revealed

Ключевые слова: лингвокультурология, коммуникации, языковая личность

Key words: linguistics, communication, language identity

Современное общество находится под воздействием тотальной глобализации во всех его сферах. В связи с этим для социальной системы характерен рост политико-экономических связей и контактов между государствами в культуре и образовании. В данную эпоху ключевой отличительной чертой выступает неподдельный интерес, проявляемый к иностранному языку на всех уровнях мировой образовательной системы. Мировой запрос состоит в том, что современный специалист должен свободно владеть одним или несколькими иностранными языками как вторым (после родного) средством коммуникации. Между тем, иностранный язык выполняет функцию необходимого элемента профессиональной

подготовки, а также фактора культурного развития языковой личности.

Ещё в 90-е гг. XX в. внимание прогрессивных лингвистов было обращено к рассмотрению роли «человеческого фактора» в языке, что привело к введению нового термина «языковая личность». Сам термин принадлежит перу русского литературоведа и лингвиста-русиста В.В. Виноградова, который ввёл данный термин в научную мысль в 30-е гг. XX в. Более детальное рассмотрение языковой личности содержится в исследованиях языковеда Ю.Н. Караулова. Ю.Н. Караулов характеризует языковую личность как многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению ре-

чевых поступков, подразделяемый на два уровня:

1) по видам речевой деятельности (говорение, аудирование, письмо, чтение);

2) по уровням языка (фонетика, грамматика, лексика) [1].

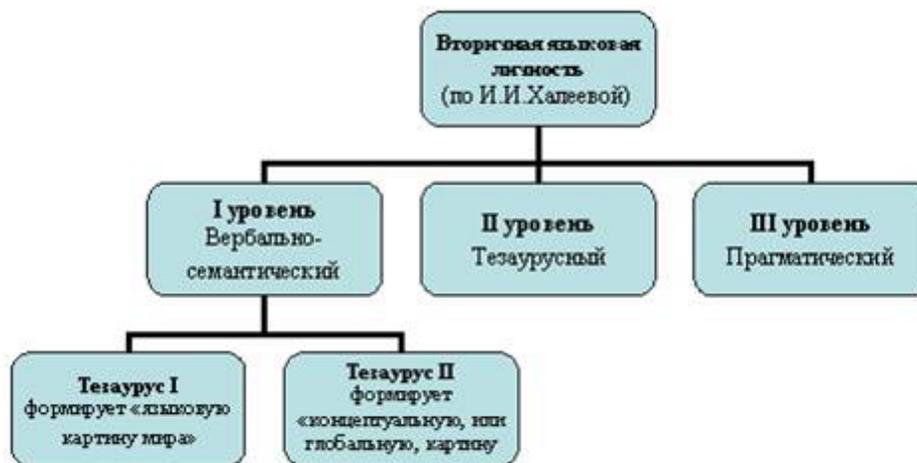
Позднее в работах С.Г. Тер-Минасовой, В.В. Воробьёва, С.Г. Воркачёва, И.А. Стернина, Г.В. Елизаровой и др. доказано, что на основе языковой личности (иными словами, первичной языковой личности) формируется вторичная языковая личность [2-7]. В обобщенном лингвокультурологическом видении вторичная языковая личность понимается как совокупность способ-

ностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне и предполагает адекватное взаимодействие с представителями других культур. Данный вид личности формируется при овладении вербально-семантическим кодом изучаемого языка, состоящим из:

1) «языковой картины мира» носителей этого языка;

2) «глобальной» (концептуальной) картины мира [6].

Наиболее детальное и конкретное описание вторичной языковой личности присутствует в модели лингвиста И.И. Халеевой, представленной на схеме [8].

Данная модель базируется на концепции языковой личности, выдвинутой Ю.Н. Карауловым. Лингвист выделяет три уровня в структурной модели языковой личности:

1) вербально-семантический, единицами которого являются отдельные слова как единицы вербально ассоциативной сети. Здесь происходит овладение структурно-системными связями изучаемого языка в параметрах системообразующей функции языка, направленной на решение коммуникативных задач;

2) лингвокогнитивный (тезаурусный), единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей. Стереотипам на этом уровне соответствуют устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящими своё

выражение в обобщённых высказываниях, дефинициях, крылатых выражениях и т.д., из всего многообразия которых языковая личность выбирает элементы, соответствующие связям между понятиями в её тезаурусе;

3) мотивационный (прагматический) уровень, единицы которого ориентированы на прагматику и проявляются, по мнению Ю.Н. Караулова, «в коммуникативно-деятельностных потребностях личности» [1; С. 53].

И.И. Халеева убеждена, что характеристика модели вторичной языковой личности осуществляется с учётом процессов, происходящих в личности в ходе овладения иностранным языком. Поскольку языки отличаются друг от друга своей вербально-семантической «сетью», И.И. Халеева разделяет первый уровень ВЯЛ на две те-

заурусные сферы: тезаурус I и тезаурус II (формирование вторичного когнитивного сознания). Оба тезауруса складывают вербально-семантический код изучаемого языка. Две обозначенные сферы тезаурусов являются автономными и нацелены на развитие умений распознавать мотивы и установки личности, принадлежащей к иной общности, где действует иная система ценностей, норм и оценок [9].

Согласно анализу модели вторичной языковой личности И.И. Халеевой, можно сделать следующий вывод: овладение суммой знаний о картине мира означает выход на когнитивный (тезаурусный) уровень языковой личности. Перед вторичной языковой личностью стоит непростая задача: научиться понимать носителя иного языкового образа мира. Исходя из этого размышления, очевидным становится то, что данная модель И.И. Халеевой, основанная на разработанной Ю.Н. Карауловым концепции языковой личности, связана с межкультурной коммуникацией, т.е. способностью человека к общению на межкультурном уровне.

В данной связи нами предложена *лингводидактическая модель формирования вторичной языковой личности* (на примере обучения английскому языку и культуре), осуществляемая на трёх этапах.

1 этап – побудительно-мотивационный.

На этом этапе целью обучения становится формирование знаний о системе языка и умений пользоваться ими для достижения орфографической, пунктуационной и речевой грамотности. Основной задачей становится установка на восприятие и понимание различий в языках, культурах. На уровне вторичной языковой личности (по И.И. Халеевой) происходит формирование тезауруса I, который восходит к ассоциативно-вербальной сети языка и формирует языковую картину мира. Учебный материал представлен лексическими единицами, грамматическими структурами и социокультурным знанием (справочной информацией о Великобритании). Учебные действия включают презентацию, имитацию,

подстановку, трансформацию; презентацию доклада на русском языке о британской культуре в формате Power-Point. Уровень сравнительно-сопоставительного компаративного анализа реализуется посредством контрастивно-лингвистического анализа (государственные праздники Великобритании, сравнение их с праздниками России, США).

2 этап – ориентировочно-исследовательский.

Цель данного этапа состоит в переходе к грамматической организации высказывания и лексическому заполнению синтаксических структур в соответствии с замыслом высказывания. Основной задачей становится формирование навыков анализа различий в языках и культурах. Уровень вторичной языковой личности (по И.И. Халеевой) реализуется при формировании тезауруса II (формирование вторичного когнитивного сознания). Тезаурус II формирует концептуальную, или глобальную картину мира. Учебный материал включает аутентичные тексты на английском языке, дающие информацию о культуре, традициях, праздниках британцев). Учебные действия включают работу с текстом (чтение (вопросы и ответы), пересказ и обсуждение и др.), презентацию докладов на английском языке в формате Power Point с элементами сравнения культур британского/русского народов). Уровень сравнительно-сопоставительного компаративного анализа реализуется посредством компаративно-культуроведческого анализа малых форм фольклора (пословиц и поговорок в русском и английском языках).

3 этап – исполнительный / реализующий.

Цель данного этапа состоит в развитии речевых умений (творческого синтеза навыков). Основной задачей становится творческий синтез навыков по межкультурной компетенции, проявляющийся в ситуациях межкультурной коммуникации. Учебный материал включает ролевые игры, представляющие различные ситуации межкультурной коммуникации; презентацию доклада на английском языке по культуре,

экономике Великобритании (России) в формате Power-Point с элементами сравнения. Учебные действия включают творческие упражнения, применение ролевых игр. Уровень анализа осуществляется при реализации умений культурно-компаративного лингвистического анализа в ситуациях межкультурной коммуникации.

В настоящее время большинство специалистов в области преподавания иностранных языков (Л.А. Араева, В.М. Алпатов, Е.В. Архипова, М.В. Васенкова и др.) считают, что одной из важных задач при обучении является формирование вторичной языковой личности в контексте межкультурной коммуникации [10-14].

В основе аккультурации вторичной языковой личности лежит межкультурная компетенция. Подтверждение этому мы находим в универсальной трактовке межкультурной компетенции как способности успешно общаться с представителями других культур. Эта способность может появиться с молодых лет или может быть развита. Итак, в структуру межкультурной компетенции входят общекультурологические и культурно-специфические знания, умения практического общения, межкультурная психологическая восприимчивость [15].

Следовательно, при формировании межкультурной компетенции вторичная языковая личность понимается как совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне и взаимодействию с представителями других культур. Осуществим попытку определения вторичной языковой личности с точки зрения лингводидактики.

В западной научно-исследовательской литературе межкультурная коммуникация определена как коммуникация между индивидуумами из разных культур либо как коммуникативные процессы, происходящие в культурно-вариативном окружении [16]. В отечественной научной мысли межкультурная коммуникация понимается как частный случай межличностной коммуникации [17]. В философском плане оценки межкультурной коммуникации приходит осознание того, что современные культур-

ные среды представляют собой динамичные открытые системы.

Межкультурное взаимодействие рассматривается не только как взаимодействие между представителями разных государств, но и как взаимодействие этнических группировок и профессий. Межкультурная компетенция приобретается в рамках межкультурного обучения. Исходя из этого, межкультурная компетенция формирует комплекс социальных навыков и способностей, при помощи которых вторичная языковая личность успешно осуществляет общение с партнерами из других культур как в бытовом, так и в профессиональном контексте.

Для успешной реализации межкультурной компетенции вторичной языковой личности необходимо формирование транскультурного сознания. Понимание транскультурализма состоит в пересечении барьеров своей культуры и возникновение состояния "mixing of identities" (смешения идентичностей). Кроме того, межкультурная компетенция вторичной языковой личности основана на кросс-культурном понимании и диалоге культур, т.к. зона совпадения интересов представителей культур являет собой поле для межкультурной коммуникации. Транскультурализм, диалог культур, мультикультурализм понимаются как основные процессы нового века и как социальная реальность.

Коммуникация через народы и их культуры, иными словами «communication across cultures», делает возможным понимание чуждых культур, устранение несовместимости культур. Данная коммуникация служит задаче поддержания сообщества на уровне максимальной информационной и смысловой открытости для входящих в него людей и для формирования межкультурной компетенции вторичной языковой личности каждого представителя общества. Следовательно, *лингвокультурологическое описание* межкультурной компетенции вторичной языковой личности включает транскультурализм, диалог культур, мультикультурализм.

В прогрессивных западных исследо-

ваниях (И. Валерстайн (I. Walerstein), Т. Хопкинс (T. Hopkins), Л. Склейр (L. Sklair) и др.) [18-20] подчеркивается идея того, что изучение европейских языков приводит от прагматических задач к пониманию менталитетов и культур.

На основании анализа трудов указанных западных исследователей мы выявили *состав межкультурной компетенции вторичной языковой личности в линвокультурологическом русле:*

1) аналитический компонент – понимание верований, ценностей, практик, парадоксов другой культуры и общества – включая этническое, политическое понимание, способность установления связей, осознания условий инаковости;

2) эмоциональный компонент – способность раскрытия (эмпатии) к разнообразным культурным опытам и влияниям, интерес и уважение к чужим культурам, ценностям, традициям, опытам – транснациональная межкультурная эмпатия;

3) креативный компонент – осуществление синтеза культур, транснациональный синтез, видение альтернатив, приемлемых вариантов, способность использовать различные культурные источники для вдохновения;

4) поведенческий компонент – не только владение (proficiency) языком, но и выступление в качестве переводчика, свободное использование межкультурных невербальных кодов (естественность), способность к избеганию коммуникативного непонимания при различных коммуникативных стилях, способность поддержания межперсональных отношений, ответы на транснациональные вызовы, давление глобализации (унификация, миграция);

5) лингвистический компонент – приобретение ВЯЛ теоретических знаний о языке;

6) языковой компонент – практическое владение языком в рамках ВЯЛ;

7) культурологический компонент – вхождение в культуру изучаемого языка, преодоление культурного барьера в общении;

8) коммуникативный компонент – использование языка соразмерно ситуации общения, осуществление навыков правильного речевого поведения.

В заключение сказанного уместно отметить следующие выводы:

1) межкультурная компетенция вторичной языковой личности характеризуется тем, что целью языкового обучения является смещение акцента с языка на язык и культуру;

2) вторичная языковая личность испытывает необходимость научиться понимать носителя иного языкового образа мира;

3) линвокультурологическая модель формирования вторичной языковой личности характеризует место вторичной языковой личности в процессе межкультурной коммуникации;

4) формирование транскультурного сознания способствует реализации межкультурной компетенции вторичной языковой личности;

5) межкультурная компетенция вторичной языковой личности состоит из 8 компонентов: аналитического, эмоционального, креативного, поведенческого, лингвистического, языкового, культурологического, коммуникативного.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 236 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 262 с.
3. Воробьев В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и линвокультурологии. – М.: ИНФРА, 2004. – 220 с.
4. Воркачев С.Г. Методологические основания линвоконцептологии. – Воронеж: Наука, 2004. – 227 с.

5. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения. – М.: Просвещение, 1989. – 221 с.
6. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
7. Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. – М.: Наука, 1990. – 238 с.
8. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). – М.: Высшая школа, 1989. – 238 с., С. 78.
9. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: Аркти-Глосса, 2000. – 165 с., С. 69.
10. Араева Л.А. Достижения русского языкознания в методике преподавания русского языка, как иностранного. – М.: Проект, 2006. – 240 с.
11. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М.: Языки русской культуры, 2003. – 367 с.
12. Архипова Е.В. Изучение русского языка в рамках ценностно-ориентированного подхода, как фактор сохранения славянского единства. – М.: Проект, 2006. – 190 с.
13. Васенкова М.В. Структура полиязыковой личности в её отношении к речевой. – М.: Проект, 2006. – 180 с.
14. Быкова О.П. Национально ориентированная культуроведческая методика как один из наиболее эффективных подходов в обучении русского языка внеязыковой среды. – М.: Проект, 2006. – 180 с.
15. Большеева Н.Н. Языковая манипуляция национальным мышлением в условиях глобализации. – М.: Академия, 2005. – 276 с.
16. Schwartz Th. Where Is the Culture? Personality as the Distributive Locus of Culture. – London: University of California Press, 2008. – 419 p.
17. Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культура. – М.: Академический проект, 2007. – 479 с.
18. Wallerstein I., Hopkins T. The Age of Transition: Trajectory of the World-System: 1945 – 2025. – London, 1996. – 260 p.
19. Sklair L. Sociology of the Global System. – London, 1991. – 218 p.
20. Trager G.L. Language and Languages. – San Francisco, 1972. – 267 p.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Кострица Е.И., сотрудник мультикультурного Центра ЗКУНБ им. А.С. Пушкина
Тел.: 8-914-511-86-16

E. Kostritsa, employee of Multicultural Center ZKUNB named after A.S. Pushkin

Научные интересы: теория и история культуры, лингвокультурология, лингводидактика

Scientific interests: theory and cultural history, linguistics, didactics

Петрова И.В., аспирантка, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
rik-romanova-chita@mail.ru

I. Petrova, postgraduate student, Zabaikalsky State University State University (ZabGU)

Научные интересы: теория и история культуры

Scientific interests: theory and history of culture

Науки о Земле

УДК 551.2 : 553.078

Павленко Юрий Васильевич

Yuri Pavlenko

ОБЪЕМНАЯ ГЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ЭНДОГЕННОГО ОРУДЕНЕНИЯ (ЧАСТЬ III)

THE VOLUME OF GEOLOGICAL AND GEOPHYSICAL MODEL FOR SOUTH EASTERN ZABAICALIE: PATTERNS OF ENDOGENOUS MINERALIZATION DISTRIBUTION (PART III)

Продемонстрирована эффективность перспективного вида минерагенических исследований на основе объемной модели строения Юго-Восточного Забайкалья, созданной методами геолого-геофизического картирования

Ключевые слова: минерагения, объемная модель, глубинное строение, структурное районирование, оруденение, закономерности, прогнозирование, Восточное Забайкалье, М-50

The effectiveness of a promising type of research mineragenetic-making on the basis of three-dimensional model of the structure of South-Eastern Zabaikalie is demonstrated, created by the methods of DAMI geological and geophysical mapping

Key words: minerageny, volume model, deep structure, structural zoning, mineralization patterns, forecasting, Eastern Zabaikalie, M-50

В части I («Вестник ЧитГУ». — № 9 (76). — 2011. — С. 102-118) после Введения в разделе I приводятся сведения из истории развития научных представлений о минерагении региона. Начинается она с 1676 г. — с открытия первого забайкальского Аргунского месторождения, на котором казаки обнаружили старые заброшенные серебряно-свинцовые «плавильни китайцев», с создания в районе Нерчинского Завода первой в мире геологической карты (1789-1794 гг.), с А.Д. Озерского (1867 г.), который впервые рассматривает закономерности размещения рудных месторождений юго-восточной части Забайкалья. По меткому выражению И.Г. Рутштейна, яркой особенностью истории забайкальской геологии является чрезвычайно любопытная, весьма показательная и необыкновенно напряжен-

ная борьба мнений. Кардинальные изменения в развитии современной минерагении региона внесли первые объемные геолого-геофизические модели строения земной коры. Глубинные геофизические исследования существенно меняют представление о рудоконтролирующих факторах, определяющих закономерности пространственного (и объемного) размещения эндогенного оруденения Юго-Восточного Забайкалья.

В части II («Вестник ЧитГУ». — № 10 (77). — 2011. — С. 96-104) показано значение объемной геолого-геофизической модели и ее сущность. Впервые выделены линейные зоны тектоно-магматической активизации докембрийского кристаллического фундамента III порядка, обосновано их рудоконтролирующее значение.

4. Достоверность геолого-геофизической модели

Достоверность созданной модели определяется результатом эксперимента, при котором поля экстенсивности эндогенного оруденения на дневной поверхности сопоставлялись с линейными флюидопроницаемыми зонами III порядка, откартированными на уровне пятикилометрового среза в гнейсогранитном и гнейсодиоритовом, гранулит-базитовом комплексах (слоях) раннедокембрийского фундамента. Обращает внимание, что обе составляющие части эксперимента представляют результаты независимых друг от друга исследований, выполненных в различных организациях – с одной стороны, в ГОУ «Читинский государственный университет» (2009 г.) и ФГУПП «Читагеолсъемка» (2002-2009 гг.), с другой – в ФГУП «ВСЕГЕИ» (2002-2005 гг.). Использование в эксперименте такого дифференциального метода анализа и синтеза представлений о геологическом строении территории как экстенсивность (распространенность) объясняется ее возможностями интегрального описания важнейших параметров геохимических,

геофизических полей и прямых признаков оруденения.

Методика эксперимента заключается в следующем:

1. На компьютере из электронной базы данных Государственной геологической карты масштаба 1:1 000 000 третьего поколения (2005 г.) выбираются данные местоположения 71 рудного узла (рис. 1), данные местоположения месторождений, проявлений и пунктов минерализации всех видов эндогенного минерального сырья, а затем по 13 наиболее дефицитным видам минерального сырья (W, U, Sn, Sb, Pb, Zn, Mo, Mn, fl, Cu, Bi, As, Au), сформированным в выборки по 12 видам (Pb и Zn объединены).

2. По стандартным программам компьютера строится карта полей экстенсивности проявления эндогенного оруденения масштаба 1:1 000 000 и меньше (по необходимости) (рис. 1) и аналогичные карты по видам сырья (рис. 3-13), привязанные к основным тектоническим структурам Юго-Восточного Забайкалья; на рис. 1 показано также соотношение полей экстенсивности и рудных узлов.

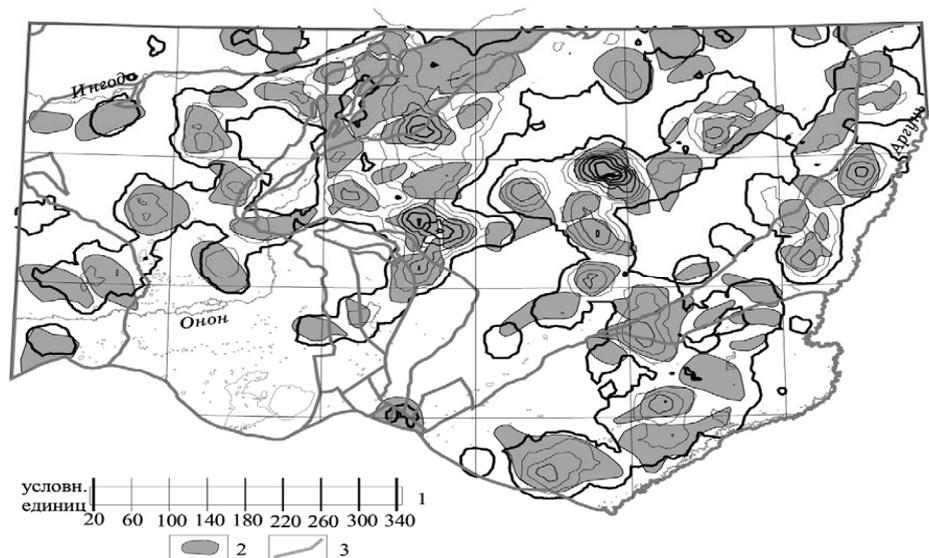
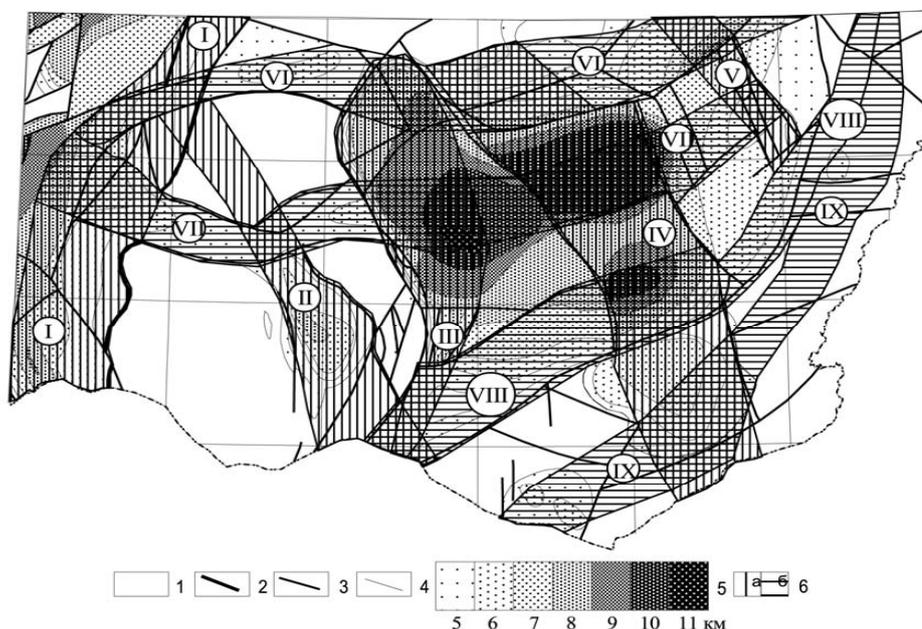

Рис. 1. Экстенсивность проявления эндогенного оруденения в основных тектонических структурах Юго-Восточного Забайкалья:

- 1 – шкала экстенсивности;
- 2 – рудные узлы; 3 – границы основных тектонических структур

3. На карте морфологии гнейсогранитового комплекса (слоя) ниже поверхности 5 км среза по вышеперечисленным признакам выделяются структуры I порядка (Монголо-Удский шов) и III порядка – суб-

меридиональные и субширотные-северо-восточные линейные зоны тектономагматической активизации (флюидизации) докембрийского кристаллического фундамента (рис. 2);

Карта морфологии гнейсогранитового комплекса (слоя) ниже поверхности 5 км среза (по А.А. Духовскому и др., 2005 с дополнением автора):

1 – гнейсодiorитовый и гранулит-базитовый комплексы (слои) нерасчлененные; 2 – фрагменты древней ветви Монголо-Удского разлома; 3 – прочие разрывные нарушения; нерасчлененные; 4 – стратоизогипсы подошвы гранитогнейсового комплекса (слоя) в километрах от дневной поверхности; 5 – шкала раскраски стратоизогипс; 6 – линейные зоны тектономагматической активизации докембрийского кристаллического фундамента субмеридиональные (а), субширотные-северо-восточные (б): цифры в кружках – наименование зон: I – Монголо-Удский шов, II – Ононская, III – Восточно-Агинская, IV – Далайнор-Газимурская, V – Урово-Газимурская, VI – Ингода-Куренгинская, VII – Ага-Урюмканская, VIII – Борзя-Уровская, IX – Приаргунская

4. Последовательно совмещаются карты полей экстенсивности и структур тектономагматической активизации (рис. 3...13).

Полученная при совмещении полей экстенсивности, рудных узлов и структур новая информация нуждается в некоторых пояснениях относительно достоверности вытекающих выводов:

1. При очевидном пространственном совпадении полей максимальных и повышенных значений экстенсивности оруденения с подавляющей частью рудных узлов (рис. 1) отмечаются отдельные отклонения

контуров рудных узлов, которые объясняются:

– не полным соответствием объемов рудной выборки объему информации, используемой при оконтуривании рудных узлов «вручную». При ручном оконтуривании часто учитываются прямые признаки оруденения (первичные и различные вторичные геохимические ореолы, потоки, ареалы рассеяния полезных минералов, элементов, россыпи, геофизические аномалии), которые в выборках не участвуют;

– относительно высокими исходными значениями экстенсивности (20 усл. ед.),

принятыми для большей выразительности контуров полей экстенсивности.

2. При вполне удовлетворительном пространственном совпадении большинства полей экстенсивности оруденения и линейных флюидопроницаемых зон третьего порядка зоны II (Ононская) и IX (Приаргунская) отметились лишь отдельными соответствующими центральным и юго-западным фрагментами (рис. 3). Поскольку контуры большей части зон и полей экстенсивности оруденения отличались лишь в деталях, стало очевидной возможность корректировки пространственного положения названных

зон по положению полей экстенсивности, исходя из:

– существенно лучшей геологической изученностью дневной поверхности, на которой за 300-летнюю историю исследований выявлена основная масса рудных объектов и структур, с одной стороны, и очень низкой изученностью глубинных частей региона, которая охарактеризована по 14 расчетным профилям плотностных геометрических разрезов до глубины 15-20 км, переведенных на геологический язык в виде карты глубинного строения, с другой;

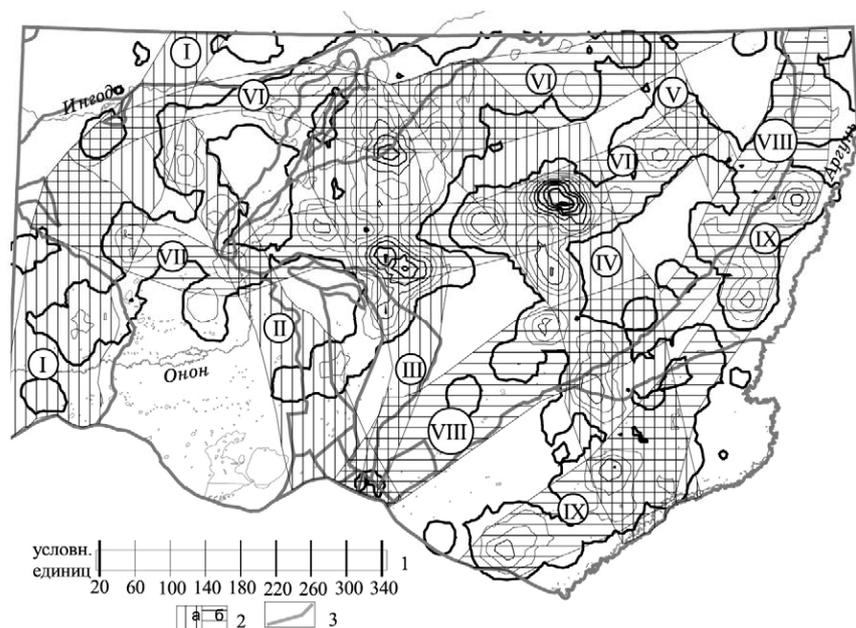

Рис. 3. Положение полей экстенсивности эндогенного оруденения относительно линейных зон тектоно-магматической активизации докембрийского кристаллического фундамента:

1 – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2

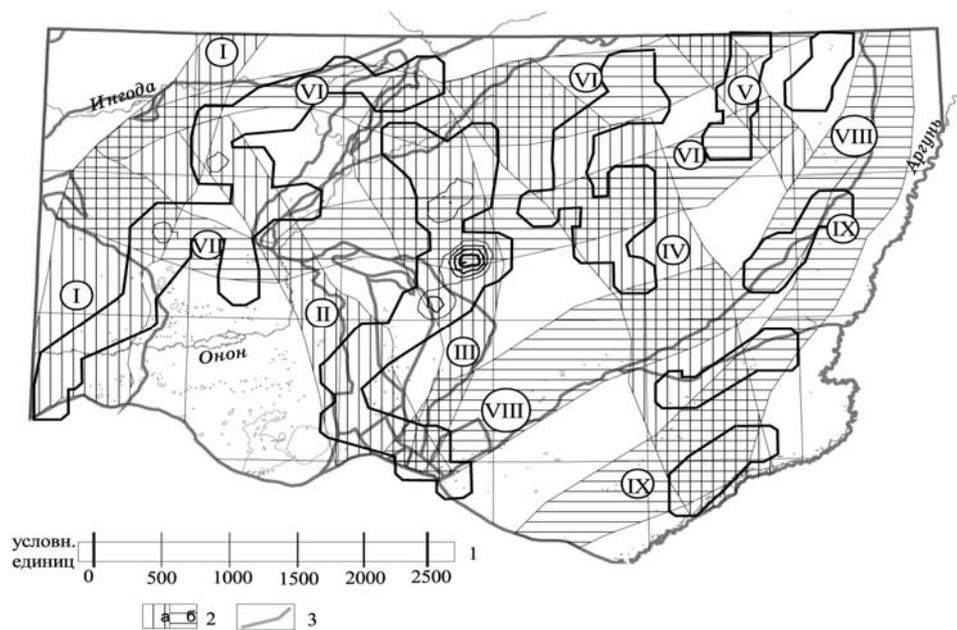

Рис. 4. Экстенсивность проявления вольфрамовой минерализации в структурах активизации фундамента:

1 – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2

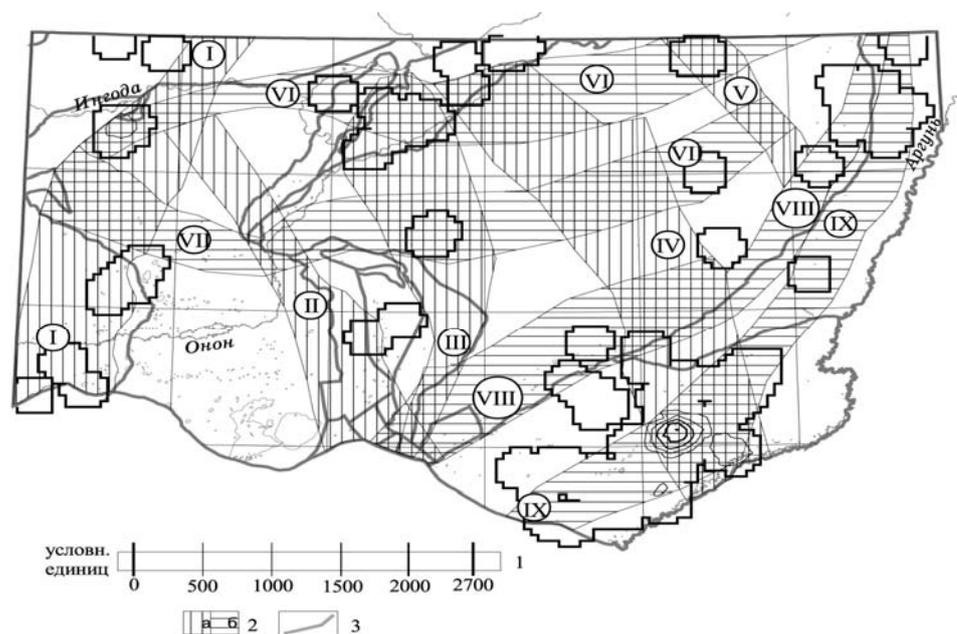

Рис. 5. Экстенсивность проявления минерализации радиоактивных элементов в структурах активизации фундамента:

1 – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2.

– недостаточной контрастности физических параметров геологических образований, слабой дифференцированности геофизических полей гнейсодiorитового, гранулит-базитового комплекса (слоя) обрамления импактного кратера на глубине 5

км, на которые приходится большая часть названных структур (некоторые фрагменты малы и, вероятно, учитывались лишь единичные);

– интенсивной тектоно-магматической проработки сложного в геологическом стро-

ении слоисто-блокового верхнего структурного этажа, обеспечившего трансформацию (копирование) основных элементов рудовмещающих флюидопроницаемых зон фундамента на дневную поверхность.

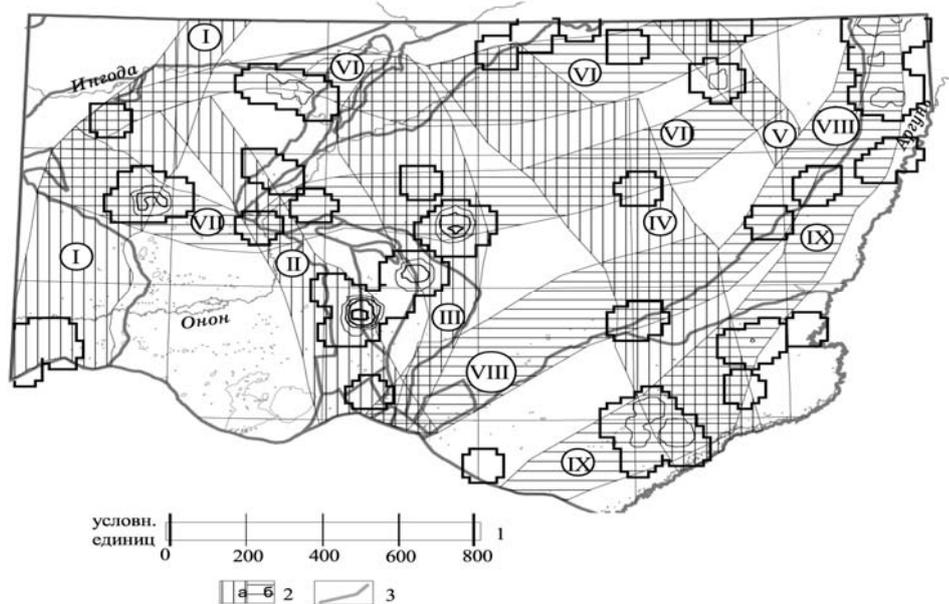

Рис. 6. Экстенсивность проявления оловянной минерализации в структурах активизации фундамента:

1 – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2

3. Поля экстенсивности отдельных видов полезных ископаемых в целом подтверждают рудовмещающее значение флюидопроницаемых зон фундамента (рис. 3...13), отмечаемые отступления объясняются влиянием перекрывающего комплекса пород.

Использование дифференциального метода анализа как контрольного для уточнения глубинного геологического строения региона представляется важнейшим достоинством предложенной методики.

5. Область научного и практического значения

В результате мелкомасштабных исследований Юго-Восточного Забайкалья

– сложнейшего в геологическом строении и интереснейшего в минерогенетическом отношении горно-рудного региона России – автором создана модель, которая меняет сложившиеся научные представления в области минерогенеза – учения о закономерностях пространственного размещения полезных ископаемых. Новая модель в различной степени решает некоторые проблемные вопросы прогнозно-минерогенетических исследований и оценки роли иерархии структур в размещении эндогенного оруденения Забайкалья.

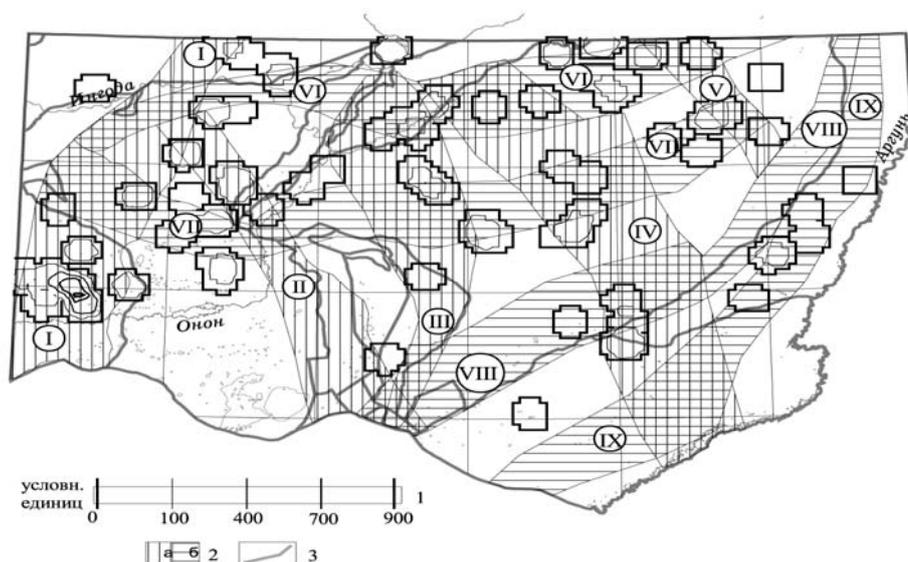

Рис. 7. Экстенсивность проявления сурьмяной минерализации в структурах активизации фундамента:

I – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2

Основные научные результаты исследований в области естественных наук заключаются в следующем:

– используя Государственную геологическую карту России масштаба 1:1 000 000 третьего поколения, ее электронную базу данных, результаты гравиметрических, магнитных исследований масштабов 1:200 000 и 1:1 000 000 [1; 2; 3], первую

в России карту глубинного геологического строения масштаба 1:1 000 000 [2], впервые создана объемная геолого-минералогическая модель, характеризующая закономерности размещения эндогенного оруденения Юго-Восточного Забайкалья с позиций истории формирования, особенностей структурно-формационного развития и глубинного строения недр;

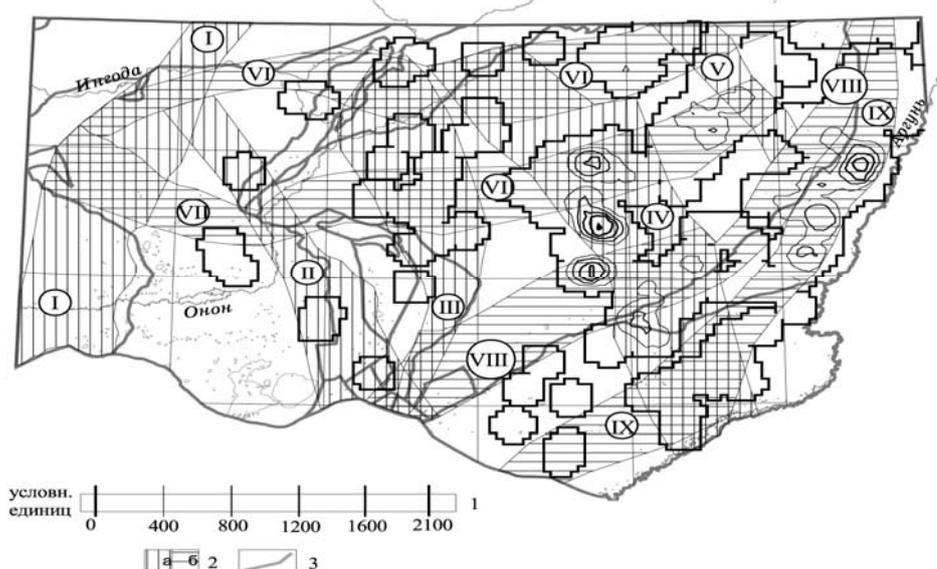

Рис. 8. Экстенсивность проявления полиметаллической минерализации в структурах активизации фундамента:

I – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2

– по результатам ретроспективных гравитационных исследований, используя Государственную геологическую карту масштаба 1:1 000 000 (лист М-50), достигнуто соответствие иерархий гравитационных полей, геологических структур и минерагенических подразделений региона, обеспечивающее уточнение границ и объемов картируемых рудоконтролирующих и рудовмещающих структур различного ранга;

– по результатам ретроспективных гравитационных исследований, используя литературные данные по планете, впервые определена геологическая природа Восточ-

но-Забайкальского ареал-плутона как раннедокембрийской импактной структуры (астроблемы), сопоставимой с известными на Земле крупнейшими импактными структурами типа Вредефорд (Южная Африка) и Садбери (Канада). Это раскрывает причины таких специфических минерагенических особенностей региона, как поликомпонентный состав руд, мультиметалльное оруденение рудных узлов, формирование месторождений-гигантов, а также повышает минерагенический потенциал региона до соответствующей высокой мировой величины;

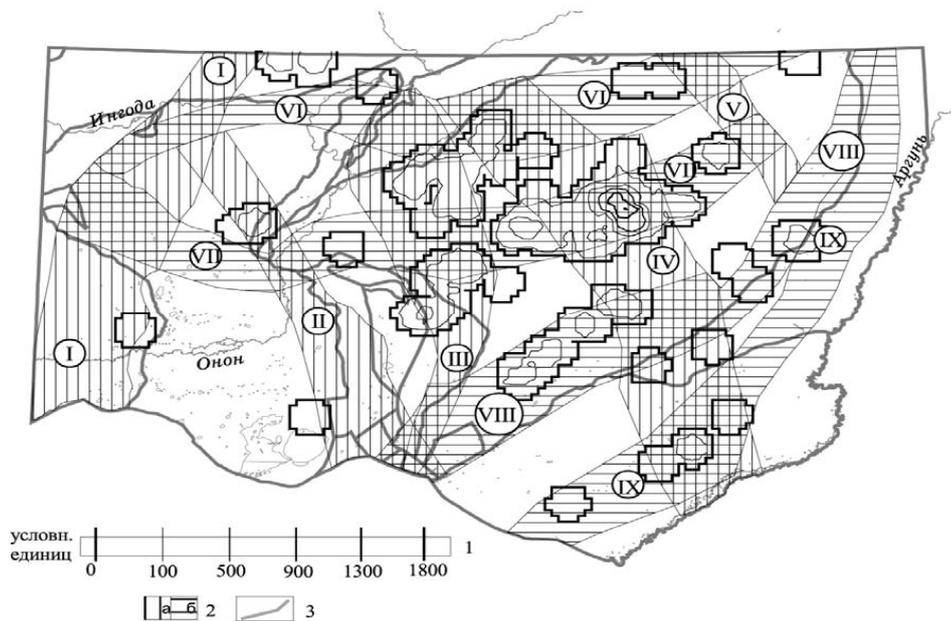

Рис. 9. Экстенсивность проявления молибденовой минерализации в структурах активизации фундамента:

1 – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2

– используя схему структурного районирования раннедокембрийского кристаллического фундамента земной коры (на уровне 5 км среза) масштаба 1:5 000 000 [2] и карту полезных ископаемых масштаба 1:1 000 000, установлены главные рудоконтролирующие структуры крупных минерагенических подразделений: для Агинской субпровинции – Монголо-Удский шов – самостоятельно развивавшаяся на границе двух крупных мегаблоков региональная глубинная долгоживущая структу-

ра, юго-западный фрагмент которой начал формироваться по пологим ослабленным зонам еще до начала гранитизации [2], для Аргунской субпровинции – крупная Восточно-Забайкальская астроблема и ее обрамление, вероятный раннедокембрийский возраст которой определяется началом интенсивной гранитизации и соответствием раннепротерозойскому возрасту и размерам аналогичных крупнейших структур на Земле [3];

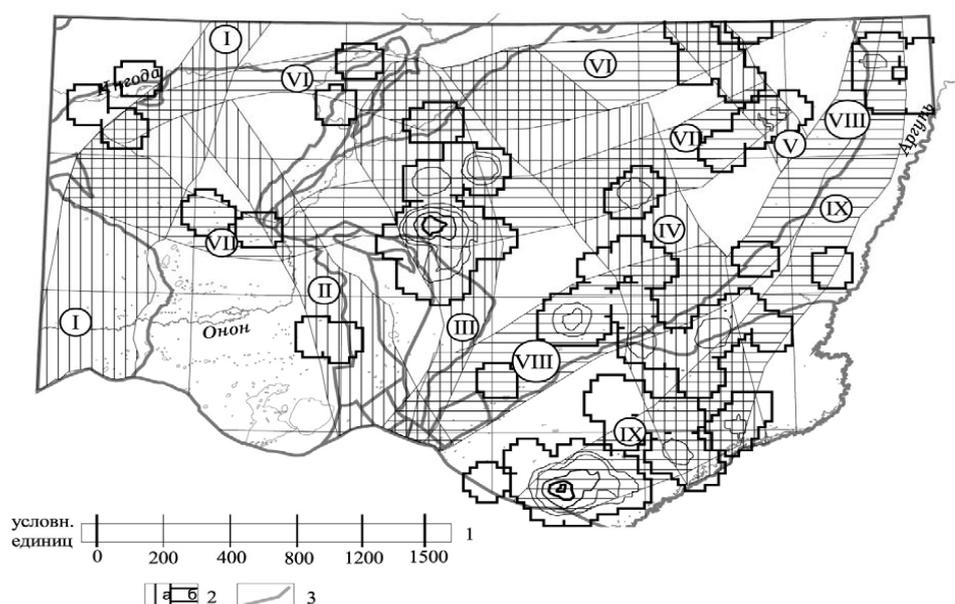

Рис. 10. Экстенсивность проявления флюоритовой минерализации в структурах активизации фундамента:

1 – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2

– используя карту морфологии гнейсогранитового комплекса (слоя) ниже поверхности пятикилометрового среза масштаба 1:1 000 000, которая отражает высокую контрастность физических параметров слоисто-блоковых геологических образований и резкую дифференцированность геофизических полей Восточно-Забайкальской астроблемы и ее обрамления, впервые в кристаллическом фундаменте на пятикилометровом срезе от поверхности по морфологическим, структурным особенностям внутренних и внешних приконтактных частей астроблемы выделены линейные флюидопроницаемые зоны III порядка. Эти зоны являются рудовмещающими для мультиметалльного оруденения рудных районов, узлов, полей, месторождений, проявлений, пунктов минерализации, в них концентрируются многочисленные прямые признаки оруденения;

– используя геологическую карту среза на уровне 5 км и карту морфологии гнейсогранитового комплекса (слоя) ниже поверхности пятикилометрового среза масштабов 1:1 000 000 (см. рис. 5. – Вестник ЧитГУ. – 9 (76). – 2001. – С. 115), установлены основные признаки флюидопроницаемых зон – системы разрывных нарушений, в том числе ограничивающие блоки импактного кратера, линейные и овальные участки проявления интенсивной гранитизации, участки относительно крутого погружения подошвы гнейсогранитового комплекса, линейные и субизометричные «отростки» с увеличенной мощностью гнейсогранитового слоя в обрамлении кратера и иногда сопряженные с ним, мезозойские магматические тела;

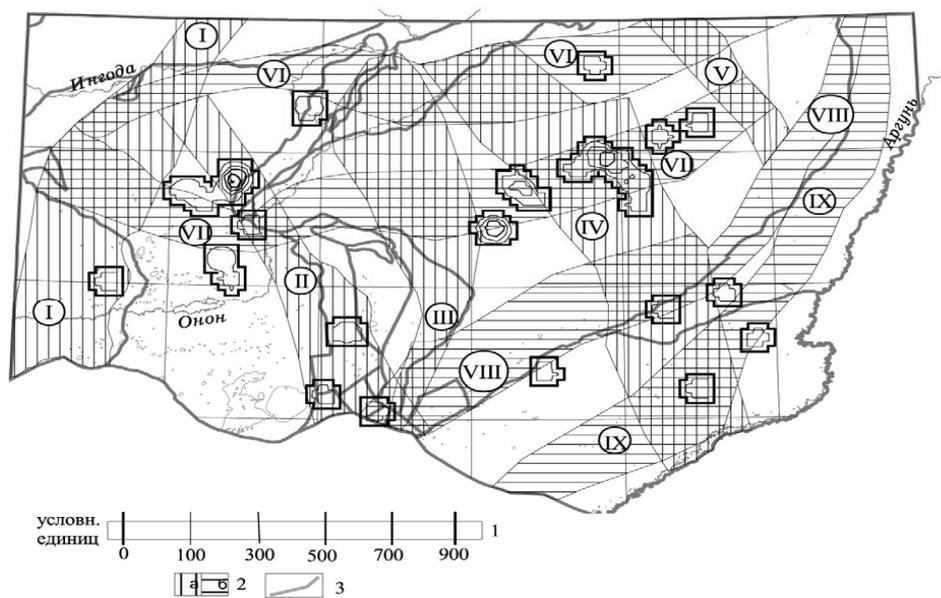

Рис. 11. Экстенсивность проявления медной минерализации в структурах активизации фундамента:

1 – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2

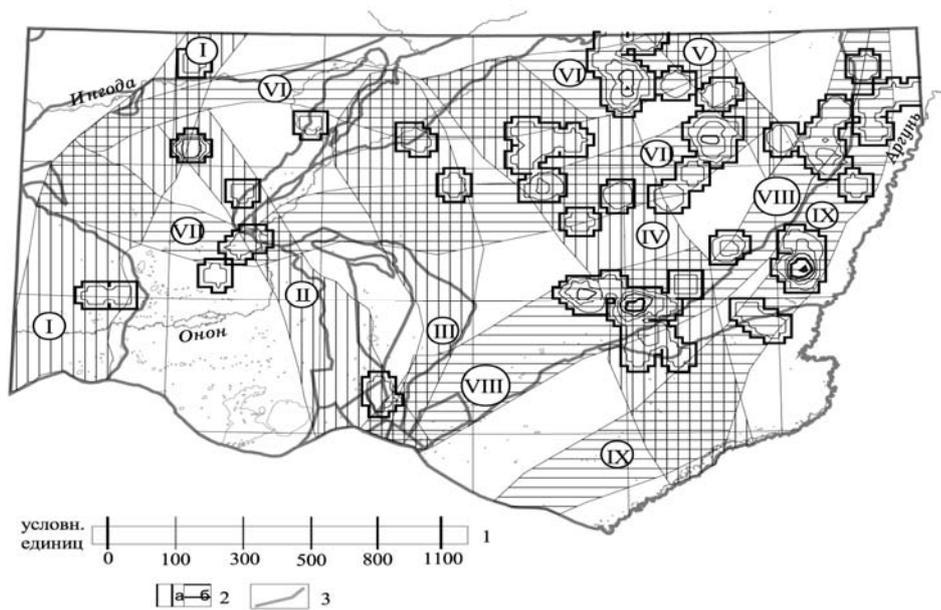

Рис. 12. Экстенсивность проявления мышьяковой минерализации в структурах активизации фундамента:

1 – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2

– опираясь на общегеологические представления, предположена глубина корневой части импактного кратера и флюи- допроницаемых зон – в начальную стадию отдельные разрывные нарушения достигали астеносферу и, даже, верхнюю ман-

тию. В процессе формирования гранитоидного, осадочно-метаморфического и осадочного комплексов (слоев) движущей силой (механизмом), определяющей расширение флюидопроницаемых структур в этих комплексах и существенное углубление до верхней, затем средней мантии, а через мантийные струи даже до границы внешнего ядра, являлись геодинамические процессы, нарушающие и восстанавливающие гравитационное равновесие планеты.

В преобразованных и новообразованных разнотипных структурах последовательно формировалось разнообразное минеральное вещество последующих геологических эпох, однако их основа (матрица) оставалась прежней. За счет мультипликативных наложений усилий и эндогенных процессов участки пересечения, сочленения таких структур приобрели аномально большую глубину и проницаемость для рудоносных растворов;

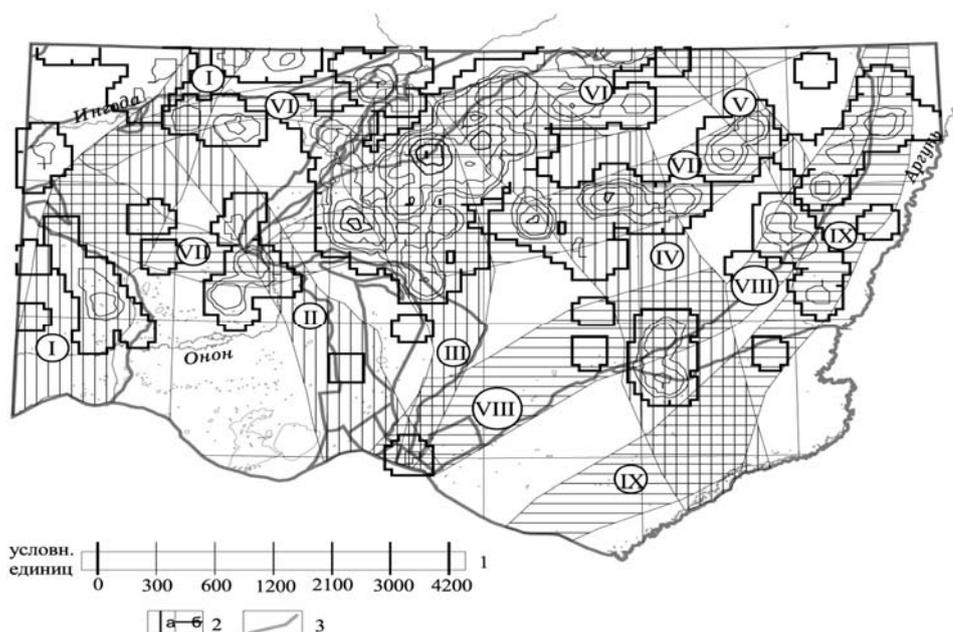

Рис. 13. Экстенсивность проявления золоторудной минерализации в структурах активизации фундамента:

1 – поля экстенсивности; 2-3 см. рис. 2

– установлено, что главным фактором пространственного размещения эндогенного оруденения Юго-Восточного Забайкалья являются флюидопроницаемые структуры раннедокембрийского кристаллического фундамента, продукты тектоно-магматической активизации последующих геологических эпох которых накапливались в менее плотных перекрывающих их рифейских-мезозойских комплексах, повторяя в общих чертах контуры и минерагенические особенности этих структур на поверхности;

– определены типовые геологические обстановки локализации эндогенного оруденения в ранге рудного района, узла, поля

и месторождения, что обеспечивает выполнение целенаправленных прогнозно-минерагенических исследований и поисков;

– по совпадению полей экстенсивности 13 видов полезных ископаемых выделено шесть рудных (минеральных) ассоциаций (W, PbZn, Bi + U, fl + Sb, Au + PbZn, As, fl + Mo, fl, Bi, Au + Au, Bi), а также четыре группы «родственных» минерагенических ассоциаций полезных ископаемых: PbZn (W, Bi, As, fl) + fl (U, PbZn, As, Mo, Bi, Au) + Au (Sb, Mo, Bi, fl) + Bi (W, PbZn, Mo, Au, fl), значение которых в минерагении Юго-Восточного Забайкалья пока остается проблематичным;

– новые данные, указывающие на отсутствие в Юго-Восточном Забайкалье металлогенических поясов (по С.С. Смирнову), предполагают корректировку широко распространенных мелкомасштабных схем минерагенического (металлогенического) районирования крупных регионов.

Практическое значение:

– выявленная закономерность пространственного размещения эндогенного оруденения Юго-Восточного Забайкалья является инструментом, с помощью которого широкий круг исследователей забайкальских недр и смежных территорий может конкретизировать и совершенствовать геологические модели рудных районов, узлов, полей и месторождений;

– продемонстрирована эффективность объемных геолого-минерагенических моделей строения земной коры для выявления объективных рудоконтролирующих и рудовмещающих факторов особенно в кристаллическом фундаменте, что обеспечивает уточнение основных закономерностей формирования рудных объектов различного иерархического уровня;

– проиллюстрирована эффективность использования карт глубинного строения региона, методика создания которых разработана в ФГУП «ВСЕГЕИ»; она обеспечивает выявление долгоживущих флюидопроницаемых структур фундамента;

– уточнены методологические приемы выбора наиболее перспективных неоднородностей земных недр для целей прогнозирования, поисков и разведки полезных ископаемых, а также научные основы оценки минерализованных участков;

– рекомендовано использовать метод проектирования полей экстенсивности ору-

денения на поверхности для корректировки глубинных структур фундамента, что уточняет методологические основы глубинных прогнозно-минерагенических исследований;

– структурно-вещественные причины пространственного совмещения разнотипного мультиметалльного оруденения в одних и тех же рудовмещающих структурах требуют практического решения множества вопросов генезиса руд, месторождений, их латеральной и, особенно, вертикальной зональности, возможности формирования протяженных рудоносных колон регенерированных, телескопированных, сепарированных руд и прочее, что при большом дефиците легкооткрываемых месторождений повышает шансы выявления скрытого оруденения в структурах рудных районов и узлов.

Заключение

Экспериментально установлена неизвестная ранее закономерность размещения эндогенного оруденения Юго-Восточного Забайкалья, заключающаяся в том, что оно контролируется флюидопроницаемыми структурами раннедокембрийского фундамента, заложенными при импактном кратерообразовании, которые в процессе длительной миграции по ним разнообразных продуктов флюидизации раннего протерозоя-мезозоя интенсивно развивались по латерали и вертикали, являлись благоприятными структурами формирования эндогенной минерализации, магистральными путями ее неоднократной сепарации, поступательного перемещения к поверхности и надежной сохранности в период поздне-мезозойского-кайнозойского орогенеза.

Литература

1. Менакер Г.И. Строение тектоносферы и закономерности размещения рудных месторождений в Забайкалье: методические рекомендации по исследованию закономерностей размещения рудных месторождений в связи с глубинным строением рудных провинций. – Чита: ПГО Читагеология, 1989. – 65 с.
2. Методическое пособие по изучению глубинного геологического строения складчатых областей для Государственной геологической карты России масштаба 1:1 000 000 / А.А. Духовский, Н.А. Артамонова, А.И. Атаков и др. СПб.: ВСЕГЕИ, 2005. – 135 с.

Э. Павленко Ю.В. Глубинное строение и минерагения Юго-Восточного Забайкалья. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 200 с.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Павленко Ю.В., д-р геол.-минер. наук, профессор, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 31-70-90

Yu. Pavlenko, Doctor of Geological and Minerological Sciences, Zabaikalsky State University

Научные интересы: мелко-среднемасштабное картирование, прогнозирование, оценка, разведка месторождений

Scientific interests: geological small-medium mapping, prognosis, estimation and exploration of mineral deposits

УДК 913.1 (571.54/55)

Соколова Александра Александровна
Aleksandra Sokolova

ЛЕСНЫЕ РЕСУРСЫ НЕРЧИНСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА: ИЗУЧЕНИЕ, ОЦЕНКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В XVIII-XIX ВВ.

FOREST RESOURCES OF NERCHINSK MOUNTAINOUS DISTRICT: EXPLORING, ESTIMATING AND EXPLOITING IN THE XIII-XIX CENTURIES

На основании картографических материалов XVIII-XIX вв. выявлены признаки, используемые при инвентаризации горнозаводских лесов, определены размещение и площади лесосек на различных этапах развития производственной системы Нерчинского горного округа. Отмечено восстановление лесных массивов в окрестностях Нерчинского завода

Ключевые слова: гуманитарная география, историческая география, металлургическая промышленность, лесные ресурсы, лесные дачи заводов

By means of cartographic data of XVIII-XIX centuries the features which were used for inventory making of mining forestry have been determined; the arrangement and plots of wood-cutting areas at different periods of development of the industrial system of Nerchinsk Mountainous District defined. The restoration of forestland nearby Nerchinsk ironworks is marked

Key words: humanities geography, historical geography, metallurgic industry, forest resources, forest estate of factories

Вовлечение в хозяйственный оборот лесных ресурсов Восточного Забайкалья теснейшим образом связано со становлением горнодобывающей промышленности, этапами развития производственно-расселенческой системы Нерчинского горного округа. Это определило выбор темы и основные задачи исследования: выявить признаки, используемые при инвентаризации горнозаводских лесов и определить зависимость лесопотребления от показателей выплавки металла.

Детальность описания и картографирования лесных ресурсов обусловлены важностью данного вида сырья – единственного в XVIII-XIX вв. источника топлива. Общую картину горнозаводского производства позволяют воссоздать статистические и картографические материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве

Забайкальского края (ГАЗК), описания заводов, опубликованные в «Горном журнале».

В условиях горно-котловинного рельефа Восточного Забайкалья пространственная (горизонтальная) и гипсометрическая (вертикальная) дифференциации ресурсных ареалов обусловлены взаимодействием геологических и географических факторов. Основные предприятия были сосредоточены в междуречье Шилки и Аргуни, в так называемых Даурических (Даурских) или Нерчинских рудных горах [1; С. 136]. По расчетам геолога А. Д. Канищева (фондовые материалы Забайкальского геологического управления), максимальная концентрация серебро-свинцово-цинкового оруденения в Забайкальском крае приходится на абсолютные отметки высот 880 м. В верхнем течении р. Газимур оруденение тяготеет к уровню 880...1100 м, в бассейне

Аргуни – 650...850 м, Шилки – 500...600 м. Подавляющая часть рудников, работавших в XVIII-XIX вв., находилась в интервале высот 600...850 м, что соответствует поясам горной степи и лесостепи. Осваиваемые месторождения располагались преимущественно на южных степных склонах гряд и хребтов и были открыты в простых поисковых ситуациях, многие по старым *чудским* копиям – разработкам эпохи бронзы и средневековья.

Лесосырьевая база округа привязана к более высокому гипсометрическому уров-

ню. Средний интервал высот в заводских дачах составлял 900...1200 м, в лесной даче Нерчинского завода – 800...1000 м. Крупные лесные ареалы тяготели к низко- и среднегорным массивам, где произрастали горнотаежные лиственничные, а в восточной части Шилка-Аргунского междуречья – сосново-лиственничные леса (рис. 1). На высотах более 1200...1300 м древостой изреживался, начинались подгольцовые редколесья и заросли кедрового стланника.

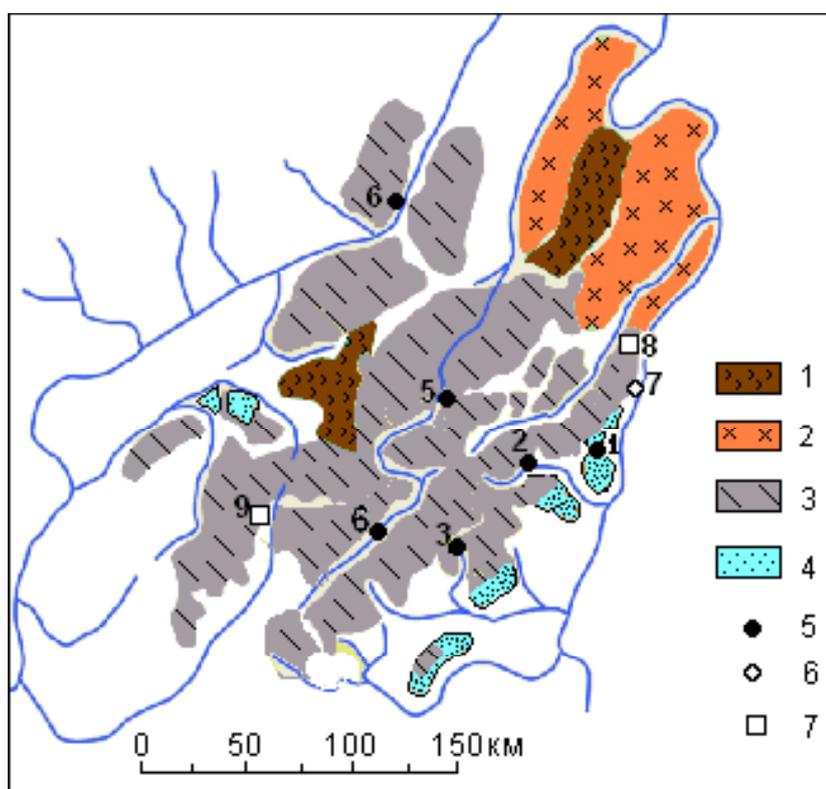

Рис. 1. Лесосырьевая база Нерчинского горного округа (по историческим картам [2] и результатам историко-ландшафтных исследований):

I. Ресурсная оценка лесов. Леса, годные к фабричному строению. Горные таежные и подтаежные леса рододендроновые и травяно-кустарниковые: 1 – лиственничники; 2 – лиственнично-сосновые и сосново-лиственничные. Леса годные: 3 – горные таежные и остепненные лиственничники и березняки из березы плосколистной рододендроновые и травяно-кустарниковые. Леса, изредка годные. 4 – березняки из березы плосколистной и даурской травяно-кустарниковые в сочетании с горными степями и зарослями степных кустарников. II. Заводы. 7 – сереброплавильные заводы, действовавшие длительное время: 1 – Нерчинский; 2 – Дучарский, 3 – Кутомарский и Екатерининский; 4 – Александровский; 5 – Газимурский; 6 – Шилкинский. 8 – сереброплавильные заводы, действовавшие краткое время: 7 – Воздвиженский завод М. А. Сибирякова. 9 – вспомогательные металлургические производства: 8 – Аркинский (Иркинский) железодобывающий завод; 9 – Курунзелейский медеплавильный завод

Места, удобные для размещения поселений, пашен, сенокосных угодий, выгонов, были привязаны к наиболее низким отметкам высот (400...600 м). Они располагались в освоенных долинами рек небольших котловинах мелового возраста или крупных мезо-кайнозойских грабен-синклинальных впадинах, ставших ядрами и очагами сельскохозяйственного освоения края. Наиболее благоприятное для развития горного промысла сочетание ресурсов сложилось в бассейне Газимура и в верхнем течении Средней и Нижней Борзи. На восточной окраине, в Приаргунье, где сосредоточены богатые серебросвинцовые месторождения, лесов для угольного жжения было недостаточно.

Одним из первых характеристику лесным ресурсам края дал мастер горного дела Григорий Лоншаков, совершивший в 1684 г. экспедицию на Аргунь и установивший, что «... от тех рудных мест леса черные, листвяк, березник, верст в десяти и меньше и острог поставить и заводы завести для плавки руд мочно, потому что место угоднее и пашенных земель много, хотя на пятьсот душ» [3; С. 47]. Свидетельство Лоншакова согласуется с данными крупномасштабных почвенных карт. Ареалы дерново-лесных почв, на которых в прошлом произрастали березово-лиственничные леса, действительно расположены в 10 км к северу от Нерчинского завода на водоразделе Серебрянки и Урова, а черные (лиственные) леса — травяные березняки на темно-серых лесных почвах — сейчас вновь занимают северные склоны низкогорных гряд у самого месторождения. В 1730-е гг. В. де Геннин в описании Нерчинского дистрикта отмечал, что горы и сопки заводской округи покрыты березовым, сосновым и лиственничным лесом, к северу от Нерчинского завода произрастает редкий березовый лес, а к югу от завода леса нет [4; С. 601].

Как применялось древесное сырье, сообщает автор описания Нерчинских заводов. На приготовление бревен для горного крепления, постройки и угольное жжение шла лиственница, широко распространенная

в крае, и сосна, которые использовались также для получения смолы. Береза употреблялась на сереброделятельные и квартирные дрова, на приготовление дегтя, бересты, покрытие строений, мелкие поделки. Осина в случае нужды использовалась на дрова, но чаще — на разные изделия. Мелкий лес (ольха, боярышник, яблоня) почти не находил применения [5; С. 246.]. Интерес представляют данные о запасах древесины: в даче Нерчинского завода — 400 кубических саженьей с квадратной версты (36 м³/га), в других дачах — в 2 раза меньше (18 м³/га) [6; С. 392]. Эти цифры не согласуются с показателями, определенными современными методами, — 81...105 м³/га в Приаргунье и на склонах хребтов, обращенных к Шилке, и 56...80 м³/га во внутренней части Шилки-Аргунского междуречья [7; С. 17; 8]. Следует учесть, что куренная сажень была в 1,6...2,1 раз больше обычной [9; С. 308], а контур лесной дачи включал также нелесные места — степи, кустарники, сенокосы, вырубки.

Одна из первых оценочных карт — «Ландкарт ведомства Нерчинского горного начальства ...» была сочинена берггешвореном Яковлевым в 1748 г. (масштаб 1:280 000) [10]. На ней в виде геометрических фигур изображены контуры лесов «разного звания» — черных и белых березняков, листвягов, в том числе с сосной, представлены результаты измерения площадей. Крупные площади лесов показаны в низовьях Урова и Газимура. Более полное представление о лесопользовании в первой половине — середины XVIII в. дает «Карта ведомств Нерчинского сереброделяющего завода со всею лежащею ситуациею и с показанием жительствующих мест заводов, серебросодержащих рудниковых приисков, лесов и протчего», сочиненная в 1762 г. и скопированная в 1763 г. На ней приведено описание лесов, выделены «прежних годов бывшия дровосеки на которых местах ныне весьма редко мелкой березовой листвяжиной поросли» [11]. Граница вырубок проведена по Ишаге, верховьям Серебрянки, Поперечному и Большому Зерентую, Нижней Борзе. На карте 1769

г. есть дополнительное указание, что «*прежних годов вырубки*» общей площадью 99 кв. верст располагались по р. Крестовка (в 2 верстах от завода), в вершине Алтачи, при устье пади Широкой и по Серебрянке в 4 верстах, по Онохою в 9,5 верстах, у деревни Патрина (в 15 верстах и далее – А. С.) [12]. Таким образом, в течение 1704-1762 гг. вырублено около 75 кв. верст (85 км²). Размер годовой лесосеки составлял 0,5...2 кв. версты (табл. 1). О проблеме с обеспечением завода лесным сырьем свидетельствует сообщение начальника заводов В. И. Суворова, относящееся к 1764 г.: «*леса ближние выдерганы а именно в день (на юг – А. С.) до самых степных безлесных мест на восток до Аргуни которая границей с китайским государством на западе так далеко что оттоль за дальностию употреблять лесов к производству того аргунского завода более уже невозможно на северной стороне вырублено местами до двадцати две верст а другими и далее*» [13].

Рубка леса велась и у других центров металлургии, существовавших в рассматриваемый период. Курензелейский медеплавильный завод, действовавший с 1739 по 1743 гг., располагался на малом притоке Борзи – речке Курензелае, у медного рудника, вблизи лесных мест. Железоплавильный завод находился в 60 верстах севернее Нерчинского завода на р. Аркие, притоке

Камары (рис. 1). В работах историков он назван Иркинким, построенном на р. Ирке [14; С. 389]. Поскольку такого гидронима не существует, считалось, что точно определить местонахождение завода не представляется возможным. Вместе с тем, «железо делаемой с ручными печками завод» показан на ландкарте 1750-х г. [15] и уже упоминавшейся карте 1762 г. (см. выше). Он обозначен как «Аиркинской – очевидно, правильно Аркинской (Аркинский) по указанному рядом названию реки, хотя заглавную букву можно прочесть и как «И». Завод располагался вблизи Уров-Аргунского водораздела, был обеспечен лесными ресурсами, но работал только до начала 1760-х гг. Руду возили за 60 верст от месторождения Железного кряжа.

Открытие новых месторождений и сильное сокращение лесосырьевой базы Нерчинского завода потребовало строительства ряда сереброплавильных заводов у руды и лесных мест. В течение 1763-1892 гг. число государственных заводов увеличилось до шести. В 1770-е гг. работал Воздвиженский завод М. А. Сибирякова, построенный около Аргуни и своим расположением напоминавший уральские заводы. Изменения в территориальной структуре способствовали росту металлургического производства, а также увеличению площадей годовых лесосек и размеров лесных дач (табл. 1).

Таблица 1

Функционирование Нерчинских горных заводов (по [5; 6; 9; 12; 15])

Этапы функционирования заводов, годы	Площадь лесных дач, тыс. км ²	Расстояние до лесосек, км	Годовая лесосека, км ²	Годовая выплавка серебра, пудов
1. 1654-1703	–	2	Нет данных	
2. 1704-1762	0,09	2-20	0,5-2	1,3-200
3. 1763-1792	3,4-10,3	2-22	7-23	250-449
4. 1893-1834	13,06	6,5-65	22-56	200-300
5. 1835-1853		7-65	30-56	50-250
6. 1854-1905	Менее 1	12-55	5-15	50

Продолжалась инвентаризация лесных ресурсов. В 1769 г. составлена «Карта меркаторская ...», охватившая пространство от Аргуни до границы Якутского уезда (масштаб 1:210 000) [16]. Ведомость,

помещенная на карте, содержит описание лесных контуров «...какого роду и доброты в каком расстоянии от заводов и рудников». В характеристике древостоев учитывались те же признаки, что и в современном лесо-

устройстве:

1) породный состав (*листвяг, березник, мешаный*);

2) относительный возраст (*взрослый, поросль*);

3) сомкнутость, высота (*редкий, угущенный малорослой березой*);

4) местоположение (*в вершинах рек и речек, на горных покатыях, по хребту*).

Отмечена даже небольшая примесь сосны, поскольку сосновые дрова давали

наибольший выход древесного угля [9; С. 308]. Нерчинскому заводу отводились леса в Аргунь-Уровском междуречье на площади 2349 кв. верст, Дучарскому и Кутомарскому – в междуречье Урова и Урюмкана (7325 кв. в.). Удаленные от заводов на 150...240 верст таежные массивы в низовьях Урова и Урюмкана в 1790-е гг. были исключены из контуров заводских дач. Типология заводских лесов, разработанная в XVIII в., близка к современной (табл. 2).

Таблица 2

Ресурсная оценка лесов Нерчинского горного округа (по архивным материалам [2] и материалам лесоустройства)

Типология лесов XVIII в.		Современная лесохозяйственная типология лесов
Годный к фабричному строению	<i>Листвяг и сосняк, между которым березняк, загущенный порослью</i>	Спелый высокоствольный крупнотоварный лес
Годный	<i>Листвяг, между которым изредка береза; листвяг, угущенный малорослой березой</i>	Спелый лес с полнотой более 0,6
Изредка годный	<i>Березняк малорослый с лиственницей и сосной</i>	Молодняк березы с полнотой более 0,4
Малогодный лес	<i>Редко расстоящий листвяг и березняк по хребту</i>	Редины лиственницы
	<i>Листвяг и березняк с редкой низкорослой черной березой</i>	Лиственничники с полнотой менее 0,4
Негодный лес	<i>Кустарники, поросль березы, малорослые и редкие березняки</i>	Молодой / низкобонитетный древостой: поросль / молодняк березы с полнотой мене 0,4

В период стабильной работы заводов (1793-1834 гг.) выплавка серебра составляла 200...300 пудов в год. В этот период неоднократно проводились расчеты обеспеченности округа лесными ресурсами, определялись лесосеки на ближайшие 20 лет. Они показаны, например, на «Карте лесам, принадлежащим к Нерчинским заводам и рудникам», составленной в 1802 г. в масштабе 1:336 000 [17]. При расчетах учитывалось количество печей – в Кутомарском и Екатерининском заводах их было 18, Александровском – 12, Дучарском – 10, Шилкинском – 8, Нерчинском – 6, Газимурском – 4. Цифровые данные, приведенные на карте, свидетельствуют о расширении в начале XIX в. безлесных площадей вокруг новых центров металлургии. Лесосеки Шилкинского, Газимурского

и Дучарского заводов располагались соответственно в 6,5, 9 и 12 верст и по сравнению с 1769 г. отодвинулись вглубь таежных массивов на 4...10 версты. На карте 1802 г. показаны также «вырубленные леса, на коих в некоторых местах есть небольшая порозль». Есть пометка, что «бывшие дровосеки взрослых уже лесов причислены к настоящим». Это свидетельствует о восстановлении лесных геосистем и о завершении к 1802 г. по крайней мере одного оборота рубки.

Подробное описание функционирования металлургического производства опубликовано в 1834 г. Приведенные данные позволяют подсчитать, что в год на угольное жжение вырубалось около 50 кв. верст (57 км²) лесов (см. [18; С. 392]). Согласно ведомости, за 1829 г. Кутомарский и Ека-

терининский заводы выплавляли вместе 73,7 пудов серебра (1179,2 кг), Дучарский завод – 68,9 пудов (1102,4 кг) [19; 20]. В дачах заводов ежегодно вырубалось на угольное жжение 13...15 кв. верст. Годовые лесосеки остальных заводов с производительностью 25...36 пудов серебра в год были значительно меньше – 4...7 кв. верст. Общая площадь лесных дач выросла в рассматриваемый период до 11460 кв. верст (13060 км²).

В середине 1830-х гг. интенсивность функционирования системы снижается. Истощение руд и усложнение условий добычи, удаление лесосек от заводов, начало разработок золота – все это способствовало свертыванию сереброплавильного произ-

водства. В 1849-1853 гг. были закрыты все заводы, кроме Кутомарского, который продолжал действовать с перерывами до 1930 гг. Годовая выплавка серебра уменьшилась в 1834-1853 гг. с 250 до 50 пудов, годовая лесосека в конце рассматриваемого периода составила 10...15 кв. верст. В 1854-1905 гг. система функционировала на уровне середины XVIII в. Выплавка серебра на Кутомарском заводе составляла около 50 пудов в год, из 450 открытых месторождений разрабатывалось только 9 [21; С. 66]. Лесные дачи от ряда заводов были удалены на значительные расстояния (рис. 2), что увеличивало трудозатраты и стоимость выплавляемого металла.

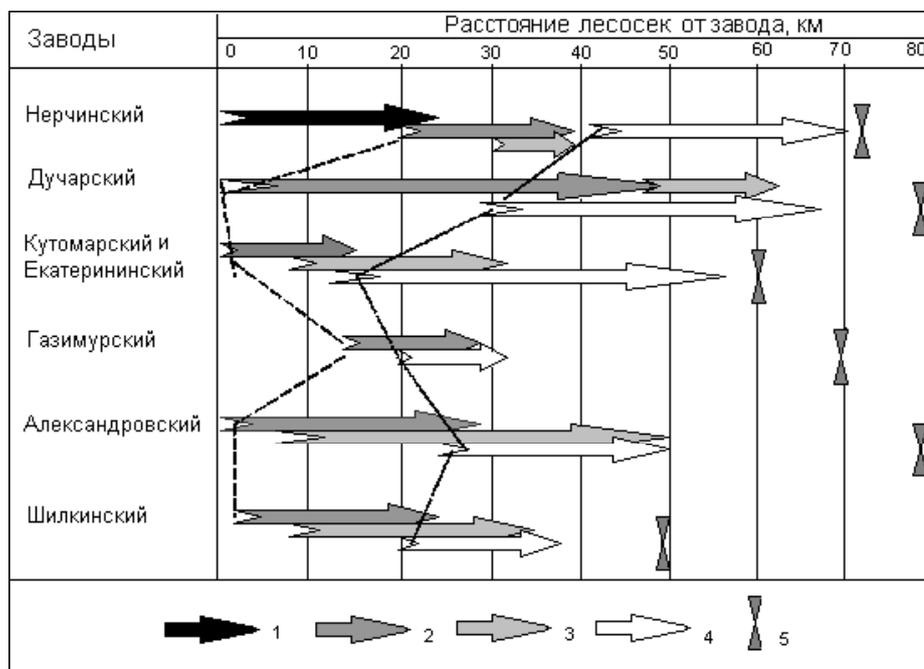

Рис. 2. Удаленность лесосек от заводов:

1 – 1704-1761 гг.; 2 – 1762-1802 гг.; 3 – 1802-1820 гг.; 4 – 1834-1852 гг. 5 – максимально удаленная граница лесной дачи завода

Более детальную информацию о размещении лесосек содержат геометрические специальные планы заводских дач, составленные в 1835-1853 г. в масштабе 1:42 000. На плане дачи Нерчинского завода [22] лес мешаный показан в 10...15 км от селения, что свидетельствует о восстановлении древостоя на месте рубок первой

половины XVIII в. Общее представление о расширении ареала эксплуатируемых ресурсов дает рис. 2.

Исследование картографических и текстовых материалов показало высокий уровень изученности лесных ресурсов нерчинских заводов в XVIII – XIX вв., использование близких к современным подхо-

дов к оценке запасов и качеству древесины. География лесных площадей была также важна для выбора мест под строительства заводов, как и размещение месторождений. Вместе с тем, значительное удаление от рудных мест препятствовало развитию горного промысла, что наглядно показала история Аркиинского (Иркинского) завода.

Лесные массивы, входившие в прошлом в контуры заводских дач, эксплуатируются в настоящее время для местных нужд, в меньшей степени для промышленного потребления. Основная лесосырьевая база региона переместилась на север в низо-

вьях Урова, Урюмкана, Газимура, в таежные местности, которые рассматривались в прошлом как удаленные от заводов. Образование зеленых зон у Нерчинского, Газимурского заводов, Кличкинского рудника и других поселений способствует сохранению березняков и осинников, снова произрастающих в Приаргунье и по Газимуру. Возвышенский лесостепной массив в окрестностях Нерчинского Завода и чёрноберезовый лес у Кадаинского рудника входят в число редких и нуждающихся в охране растительных сообществ Сибири [23; 24].

Литература

1. Описание Иркутского наместничества 1792 года / сост. О.Н. Вилков и др., отв. ред. Р.С. Васильевский. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1988. – 250 с.
 2. РГИА, ф. 485, оп. 5, д. 450. 1778 г.
 3. Бублейников Ф.Д. Геологические поиски в России. – М.: Госгеолтехиздат, 1956. – 251 с.
 4. Де Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. – М.: История заводов, 1937. – 656 с.
 5. Описание Нерчинских горных заводов // Горный журнал. – 1834. – Кн. 2. – С. 241-258.
 6. Описание Нерчинских горных заводов // Горный журнал. – 1834. – Кн. 3. – С. 384-437.
 7. Бобринев В.П., Котельников А.М., Рылков В.Ф. Воспроизводство лесных ресурсов в условиях Восточного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 111 с.
 8. Бобринев В.П. Древесные растения Читинской области. Чита: Читинская областная типография, 2000. – 195 с.
 9. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. – М.: Госполитиздат, 1947. – 763 с.
 10. РГИА, ф. 485, оп. 5, д. 1. л. 1, 1748 г.
 11. РГИА, ф. 485, оп. 5, д. 449, л. 1, 1763 г.
 12. РГИА, ф. 485, оп. 5, д. 450., д. 1, 1769 г.
 13. РГИА, ф. 37, оп. 79, д. 384, л. 4, 1764 г.
 14. Любомиров, указ. соч.
 15. РГИА, ф. 450, оп. 5, д. 1, л. 2. Не ранее 1748, не позднее 1762 г.
 16. РГИА, ф. 37, оп. 2, д. 87, л. 56, 1829 г.
 17. РГИА, ф. 485, оп. 5, д. 450, л. 1, 1769 г.
 18. РГИА, ф. 495, оп. 5, д. 451, л. 2, 1802 г.
 19. РГИА, ф. 37, оп. 2, д. 87, л. 69-72, 1829 г.
 20. Россия. Энциклопедический словарь. – Л.: Лениздат, 1991. – 992 с.
 21. РГИА, ф. 485, оп. 5, д. 457, л. 13, 1840 г.
 22. Электронный атлас «Биоразнообразие животного и растительного мира Сибири». – Режим доступа: [<http://www-sbras.nsc.ru/win/elbib/bio/green/33.htm>].
 23. Дулепова Б.И., Попова О.А., Уманская Н.В. Экосистемы Даурской лесостепи, нуждающиеся в охране // Проблемы охраны растительного мира Сибири: тез. докл. междунар. совещания. – Новосибирск, 2001. – С. 36-37.
-

Коротко об авторе

Briefly about the author

Сokolova A.A., канд. геогр. наук, доцент кафедры естествознания и географии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, соискатель докторской степени
falcons@list.ru

A. Sokolova, Candidate of Geographical Sciences, assistant professor, Natural Science and Geography department, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, applicant for Doctors degree

Научные интересы: историческая и гуманитарная география, ландшафтоведение, история горной промышленности

Scientific interests: historical and humanitarian geography, landscape study, history of mine industry

УДК 911.7

Томских Андрей Александрович
 Andrei Tomskich

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
 ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
 БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

**TERRITORIAL ORGANIZATION OF
 EDUCATION AND SCIENCE OF THE
 BAIKAL REGION**

Рассматривается территориальная организация высшего профессионального образования и науки Байкальского региона в соответствии с хорологическим направлением региональных исследований в географии

The article deals with the territorial organization of higher professional education and science of the Baikal region according to the horologic direction of the regional research in geography

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, вузы, научные учреждения, Байкальский регион

Key words: higher professional education, higher schools, scientific, institutions, the Baikal region

Работа выполнена при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы (АВЦП) «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2. 1.3/10962

ми создания региональных университетов в 90-е гг. XX в. образован Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ), Забайкальский государственный университет (г. Чита) и Братский государственный университет (г. Братск). Кроме классических университетов на территории представлены отраслевые высшие учебные заведения. Из них аккредитованными в 2007 г. были 56, среди которых государственных 40, негосударственных 16, головных 22, филиалов 34 [1]. Их отраслевой состав отвечает специализации региона, представлен в табл. 1.

Высшее профессиональное образование Байкальского региона представлено классическими университетами и отраслевыми вузами различной формы собственности. Наиболее старым и известным учебным заведением региона является Иркутский государственный университет, основанный в 1918 г. До 1995 г. это был единственный классический университет на данной территории. В связи с процессами

Таблица 1

Аккредитованные государственные и негосударственные образовательные учреждения ВПО Байкальского региона 2007 г.

Отраслевая принадлежность	Иркутская область		Республика Бурятия		Забайкальский край		Всего, кол-во		Всего, %	
	г	ф	г	ф	г	ф	г	ф	г	ф
Классические	2	4	1	1	1		4	5	9	16,1
Промышленности и строительства	2		1				3	0	3	5,4

Окончание табл. 1

Отраслевая принадлежность	Иркутская область		Республика Бурятия		Забайкальский край		Всего, кол-во		Всего, %	
	г	ф	г	ф	г	ф	г	ф	г	ф
Транспорта и связи	1	2		3		1	1	6	7	12,5
Сельского хозяйства	1		1			1	2	1	3	5,4
Экономики и права	3	8	1	4		3	4	15	19	33,9
Просвещения и культуры	2	1			1		3	1	4	7,1
Здравоохранения и физической культуры	1	2			1		2	2	4	7,1
Искусства и кинематографии			1				1	0	1	1,9
Дистанционные		2		1		1	0	4	4	7,1
МВД, МО	2						2		2	3,6
Всего	14	19	5	9	3	6	22	34	56	100,0
Государственные	12	13	4	5	3	3	19	21	40	71,4
Негосударственные	2	6	1	4	-	3	3	13	16	28,6

г – головные вузы, ф – филиалы. Составлено автором по: [1].

Несмотря на наличие трёх крупных административных единиц, территориальная структура образовательного пространства высшего образования делится на две сопоставимые части – Прибайкалье (Иркутская область) и Забайкалье (Республика Бурятия и Забайкальский край). Их соотношение по количеству государственных вузов и филиалов соответственно 25/15; негосударственных вузов и филиалов 8/8. Однако Иркутская область имеет более зрелую отраслевую структуру высших учебных заведений. Здесь отсутствует лишь полноценное учебное заведение группы «Искусство и кинематография». Республика Бурятия и Забайкальский край по отдельности имеют недостающие отраслевые группы вузов (Республика Бурятия – «Здравоохранение и физическая культура», Забайкальский край – «Искусство и кинематография»). Группу «Просвещение и культура» в Республике Бурятия заполняет Бурятский государственный университет, бывший педагогический; группу «Промышленность и строительство» в Забайкальском крае – Забайкальский государственный университет, прежде политехнический (техничес-

кий). Вместе республика и край дополняют друг друга в недостающих отраслевых секторах.

Сравнивая структурную принадлежность вузов и филиалов со структурой валового регионального продукта, можно выявить более или менее ясную картину зависимости её от экономики, с одной стороны, и нынешнее состояние – с другой. Для Забайкальского края мы это показали в своей более ранней работе [6]. В 2007 г. в структуре преобладают учебные заведения группы «Экономика и право», что большей частью соответствует категории «прочие» и подразумевает функцию «Государственное и муниципальное управление». Спрос населения на эту группу показывает, в том числе, присутствие достаточно крупной филиальной сети, более 44 % от всех единиц региона. Наличие транзитной функции территории объясняет достаточно весомую часть, в основном, железнодорожных вузов и их филиалов. Относительно российских показателей довольно высок удельный вес классических университетов (естественно-гуманитарных), как головных, так и филиалов.

В 1990/91 г. на территории Байкальского региона было 16 головных высших учебных заведений, что составило 3,1 % от Российской Федерации, по количеству студентов – 3,3 %. Удельный вес населения на тот период был 3,5 %. На долю Иркутской области приходилось 56,3 % вузов, Республики Бурятия и Забайкальского края (Читинской области) – 25,0 и 18,7 % соответственно [6]. Количество студентов так же было в пользу Иркутской области – 64,5 % против 22,1 % и 13,5 % Республики Бурятия и Забайкальского края. На 10000 населения в Иркутской области было 215 студентов, в республике Бурятия – 196, в Забайкальском крае – 96. При этом в Российской Федерации данный показатель превышал 190 человек при законодательной норме 170. Налицо дисбаланс доступности высших учебных заведений населению Забайкальского края на 56,5 % [6].

К 2008/09 г. общие тенденции развития высшей школы не изменились, а позиции Иркутской области только укрепились. По нашим расчётам, сейчас на неё приходится 65,2 % вузов, 59,8 % студентов. Удельный вес студентов на 10000 населения здесь составил 522 человек при среднероссийском показателе – 529. По нему Иркутская область в 2008 г. 17-я в стране [6].

Республика Бурятия и Забайкальский край существенно поправили свое положение – по количеству студентов на 10000 населения. Они занимают 26-е и 65-е место в Российской Федерации (494 и 362 человек). При этом рост этого показателя для Забайкальского края составил свыше 37,7 %. В пределах Сибирского федерального округа Иркутская область уступает по данному показателю Томской, Новосибирской и Омской областям; Забайкальский край и Республика Бурятия опережают Республику Алтай, Республику Тыва, Республику Хакасия и Алтайский край.

Спектр подготовки специалистов высших учебных заведений Байкальского региона охватывает все укрупненные группы направлений, кроме 090000 *Информационная безопасность* и 170000 *Оружие и системы вооружений*.

Среди научных направлений, представленных в регионе, можно выделить состоявшиеся, или зрелые. Зрелыми научными школами вузов региона, по нашему мнению, можно назвать те, в которых присутствует законченный цикл подготовки научно-педагогических кадров по какому-либо направлению – специалитет (бакалавриат) – аспирантура (магистратура) – докторантура. К таким циклам необходимо в 2008 г. отнести в Иркутской области: 01.00.00 *Физико-математические науки*, 02.00.00 *Химические науки*, 03.00.00 *Биологические науки*, 05.00.00 *Технические науки*, 07.00.00 *Исторические науки*, 08.00.00 *Экономические науки*, 09.00.00 *Философские науки*, 10.00.00 *Филологические науки*, 13.00.00 *Педагогические науки*, 19.00.00 *Психологические науки*, 25.00.00 *Науки о Земле*; в Республике Бурятия: 03.00.00 *Биологические науки*, 07.00.00 *Исторические науки*, 09.00.00 *Философские науки*, 10.00.00 *Филологические науки*, 16.00.00 *Ветеринарные науки*, 22.00.00 *Социологические науки*, 24.00.00 *Культурология*, 25.00.00 *Науки о Земле*; в Забайкальском крае: 03.00.00 *Биологические науки*, 09.00.00 *Философские науки*, 13.00.00 *Педагогические науки*, 14.00.00 *Медицинские науки*, 25.00.00 *Науки о Земле*.

Таким образом, в Байкальском регионе развитые научные направления в 2007 г. были представлены в 15 отраслях из 25 возможных (60 %). Отсутствуют такие отрасли, как 06.00.00 *Сельскохозяйственные науки*, 12.00.00 *Юридические науки*, 15.00.00 *Фармацевтические науки*, 17.00.00 *Искусствоведение*, 18.00.00 *Архитектура*, 23.00.00 *Политические науки*, 20.00.00 и 21.00.00 специальности. При этом необходимо иметь в виду, что отрасли науки дублируются в различных вузах при подготовке как аспирантов, так и докторантов.

Относительно развитых направлений их удельный вес в регионе по количеству вузов представлен следующим образом. Наибольшее развитие получила научная отрасль 05.00.00 *Технические науки* – 18,2

%; на втором месте 01.00.00 *Физико-математические науки* – 12,1 %, которые имеют локализацию только в Иркутской области; на третьем месте 03.00.00 *Биологические науки*, 07.00.00 *Исторические науки*, 09.00.00 *Философские науки* – по 9,1 %. Они получили развитие практически во всех субъектах региона. Все остальные научные направления реализуются вузами, как правило, в единственном качестве. Исключением является направление 08.00.00 *Экономические науки* в Иркутской области, которым одновременно занимаются ИГУ и БУЭП.

На развитие специальностей в высших учебных заведениях большое влияние оказывает научная среда региона, которая формируется через размещение на территории учреждений Академии наук России и других отраслевых академий. Байкальский регион входит в орбиту деятельности Сибирского отделения РАН, образованного в 1957 г. На территории Иркутской области и Республики Бурятия находятся одноимённые научные центры. В составе Иркутского научного центра 12 институтов СО РАН, Восточно-Сибирский научный центр Сибирского отделения Российской академии медицинских наук и Сибирское отделение Российской академии сельскохозяйственных наук. Размещены они в городах Иркутск и Ангарск. В составе Бурятского научного центра 12 учреждений СО РАН и одно Сибирского отделения Российской академии сельскохозяйственных наук. В Чите нет крупного научного центра, здесь располагаются отдельные институты СО РАН, Министерства сельского хозяйства и Российской академии сельскохозяйственных наук.

Весь квалифицированный потенциал научных и образовательных учреждений региона составляет около 1060 докторов наук и 5700 кандидатов наук, в т.ч. в Иркутской области – 600 и 3500, в Республике Бурятия – 340 и 1400, в Забайкальском крае – 120 и 800 соответственно [2; 4]. На территории действует почти 100 аспирантур и 20 докторантур, 34 совета по защите докторских и кандидатских диссертаций.

Вузы совместно с учреждениями академий наук определяют развитие более 40 научных школ.

Среди восьми приоритетных направлений развития науки, техники и технологии в Российской Федерации в Байкальском регионе более всего получили развитие «Живые системы» (30,1 %), «Рациональное природопользование» (24,1 %), «Индустрия наносистем и материалов» (15,7 %) [3]. В Иркутской области выделяются следующие: «Рациональное природопользование» (25,0 %), «Индустрия наносистем и материалов» (24,1 %), «Транспортные, авиационные и космические системы» (14,8 %); в Республике Бурятия: «Живые системы» (35,1 %), «Индустрия наносистем и материалов» (32,4 %), «Рациональное природопользование» (18,9 %); в Забайкальском крае: «Живые системы» (52,4 %), «Рациональное природопользование» (28,6 %), «Индустрия наносистем и материалов» (9,5 %). Недостаточное развитие в регионе получили направления «Информационно-коммуникационные системы» и «Энергетика и энергосбережение», что не соответствует задачам регионального развития – использование транзитной функции территории и создание транспортно-логистических узлов, энергоэффективность экономики РФ и развитие энергоёмкостей для увеличения экспортных возможностей в Китай и Монголию.

Научно-образовательными центрами территории на 2010 г. можно считать ряд городов, где осуществляется подготовка специалистов для различных сфер жизнедеятельности территории. К ним относятся наиболее крупные по численности населения поселения региона. Прежде всего, это г. Иркутск – административный центр Иркутской области, крупнейший индустриальный (тяжелое машиностроение, станкостроение, гидроэнергетика, транспортный (железнодорожный, авиационный, речной), научный (Иркутский научный центр СО РАН), образовательный (около 20 вузов и филиалов) и культурный центр Восточной Сибири и Дальнего Востока. Его суммарный научно-образовательный

потенциал составил 14,0 баллов. При этом ГОУ ВПО «Иркутский технический университет» стал национальным исследовательским университетом, единственным в регионе. На территории Иркутской области за последние 20 лет получили развитие новые научно-образовательные центры. К ним относятся города Братск, Ангарск, Усть-Илимск. Город Братск – центр алюминиевой промышленности, лесопромышленного комплекса и гидроэнергетики. Город Ангарск – центр нефтеперерабатывающей, химической, нефтехимической, деревообрабатывающей и строительной промышленности. Город Усть-Илимск – центр гидроэнергетики и лесопромышленного комплекса. При этом в Братске в постсоветское время возник классический университет на базе технического, что определяет логику формирования Братского образовательного округа. В целом науч-

но-образовательный потенциал Братска, Ангарска и Усть-Илимска незначителен по сравнению с Иркутском. По своему рангу он в 8...10 раз меньше.

В Республике Бурятия важнейшим центром социального и экономического развития региона является г. Улан-Удэ. Здесь сосредоточено большинство научных и учебных заведений республики: 5 вузов и 7 филиалов государственных и негосударственных вузов. Улан-Удэ – столица республики, центр машиностроения и металлообработки, легкой, пищевой и деревообрабатывающей промышленности. Здесь расположен Бурятский научный центр СО РАН. Другим городом, где размещен филиал высшего учебного заведения, является г. Северобайкальск. Это центр рыбного промысла и лесопереработки. По развитию вышей школы он несопоставим с Улан-Удэ.

Таблица 2

Потенциал научно-образовательных центров Байкальского региона, количество/баллы

Центры	Головные вузы		Филиалы		Учреждения науки		Учреждения науки		Всего
	г/н	балл	г/н	балл	гол	балл	фил	балл	
Иркутская область									
Иркутск	10/2	6,0	4/3	1,75	12	6,0	1	0,25	14,0
Братск	1/0	0,5	3/0	0,75					1,25
Ангарск	1	0,5	1/2	0,75			1	0,25	1,5
Усть-Илимск			5/0	1,25					1,25
Всего 4	12/2	7,0	13/5	4,5	12	6,0	1		18,0
Республика Бурятия									
Улан-Удэ	4/1	2,5	4/4	2	5	2,5			7,0
Северобайкальск			1/0	0,25					0,25
Всего 2	4/1	2,5	5/4	2,25	5	2,5			7,25
Забайкальский край									
Чита	3/0	1,5	3/3	1,5	4	2,0			5,0
Агинское			0/1	0,25					0,25
Всего 2	3/0	4,0	3/4	1,75	4	2,0			5,25

г/н – государственные/негосударственные вузы; гол – головные вузы, фил – филиалы.
 Рассчитано автором по: [1]

В Забайкальском крае все высшие учебные заведения в основном сосредоточены в г. Чита. Это административный центр Забайкальского края. Здесь сосредоточены машиностроительная, деревообрабатывающая, мебельная, легкая, пищевая и строительная отрасли. До 2010 г. здесь располагался штаб Сибирского (Забайкальского) военного округа. Здесь же размещается крупнейший Учебный центр сухопутных войск России. В городе имеются три головных вуза и шесть филиалов. Один аккредитованный филиал дистанционного образования находится в пгт. Агинское, центре

национального округа в составе края.

Таким образом, из 8 научно-образовательных центров региона три на базе столиц субъектов Федерации, средоформирующие – Иркутск, Улан-Удэ и Чита. Остальные находятся на периферии и в основном являются временными, образованными филиальной сетью. Исключением являются города Братск и Ангарск (Иркутская область), где развиваются фактически корпоративные университеты алюминиевой и атомной промышленности (табл. 2; рисунок).

Потенциалы центров и субъектов высшего профессионального образования Байкальского региона

Нами рассмотрена существующая территориальная организация образования и науки Байкальского региона. Ее основой являются научно-образовательные центры городов Иркутск, Чита и Улан-Удэ. Их структура связана с задачами социально-экономического развития региона советского периода. В последние десятилетия она

трансформировалась под влиянием мировых и национальных тенденций и соответствует современному состоянию экономики региона, но не долгосрочным задачам его развития. Поэтому необходимо выстраивать новую, перспективную модель высшего профессионального образования территории.

Литература

1. Аккредитованные высшие учебные заведения (по состоянию на 1 января 2008 г.): справочник. – М.: Национальное аккредитационное агентство в сфере образования, 2008. – 984 с.
2. Атлас социально-экономического развития России / ФГУП «Производственное картографическое объединение “Картография”», 2009. – 216 с.
3. Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации. Утверждены Президентом Российской Федерации 21 мая 2006 г. (№ Пр-843) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://mon.gov.ru/dok/ukaz/nti/4406/>.
4. Регионализация образования (на примере Забайкалья) / под ред. Л.А. Бордонской, М.И. Гомбоевой, Л.В. Черепановой; Чита: Забайкальский гос. гум.-пед. ун-т., 2007. – 313 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/-Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1138623506156.
6. Томских А.А. Трудовые ресурсы Забайкальского края в контексте стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г. // Демографическая политика Забайкальского края: оценка и перспективы развития: мат. науч.-практич. конф.: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. проф. Ф.Ф. Бигзаева. – Иркутск: БГУЭП, 2010. – С. 28-41.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Томских А.А., канд. геогр. наук, профессор кафедры географии, теории и методики преподавания географии, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
tomskih_aa@mail.ru

A. Tomskich, Candidate of Geographical Sciences, professor, Geographical department, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Научные интересы: экономическая, социальная и политическая география

Scientific interests: economics, social and political geography

УДК 627.152.153

Шаликовский Андрей Валерьевич
Andrey Shalikovsky

Курганович Константин Анатольевич
Konstantin Kurganovich

ОЦЕНКА ОПАСНОСТИ И РИСКА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЧНЫХ ПОЙМ БАСЕЙНА ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО АМУРА

HAZARD AND RISK ASSESSMENT FOR COMMERCIAL USE OF THE UPPER AND MIDDLE AMUR BASIN FLOODPLAINS

Охарактеризованы условия формирования наводнений на территории верхней и средней частей бассейна р. Амур. Представлен расчет параметров опасности наводнений на рассматриваемой территории. Для возможности управления риском наводнений предложена методология зонирования паводкоопасных территорий, представлены карты зон вероятного ущерба для ряда населенных пунктов бассейна р. Амур

Ключевые слова: речные поймы, оценка риска наводнений, ущерб от наводнений, затопление

The article describes the conditions for the formation of flooding in the upper and middle parts of the Amur basin. Calculating the parameters at risk of flooding of the territory has been submitted. To be able to manage flood risk, the methodology flood-risk areas zoning and includes maps of areas of probable damage to a number of the Amur basin localities is suggested

Key words: floodplains, flood risk assessment, flood damage, inundation

Главной причиной роста ущерба от наводнений является все более широкое вовлечение в хозяйственный оборот пойменных, периодически затапливаемых территорий. В последние годы в связи с развитием индивидуального жилищного строительства эта проблема значительно обострилась и потребовала незамедлительного решения. «Водная стратегия РФ на период до 2020 года» [1] предусматривает разработку правовых и нормативных документов, направленных на ограничение использования территорий, подверженных затоплению на основании их зонирования. Решение данной задачи предполагает необходимость геоэкологического обоснования возможных пределов использования пойм в хозяйственной деятельности с учетом фи-

зико-географических и других специфических условий речных бассейнов.

Бассейн Верхнего Амура относится к числу территорий, наиболее подверженных наводнениям [2]. Так, по данным «Дартмутской обсерватории» [3], наводнение в Забайкалье 1990 г. входит в число трех самых разрушительных наводнений в России за период с 1985 г.

Рассматриваемая часть бассейна площадью 610 тыс. км² расположена в пределах Забайкальского края и Амурской области с различными условиями – от сухой зоны (Онон-Аргунский район, в среднем 322 мм/год осадков) до зоны значительного увлажнения (Хингано-Буреинский район, 911 мм/год) [4]. Основной причиной наводнений являются летне-осенние

паводки, которых на больших реках бывает в среднем 4...6, а на малых – 6...9 в год. Высокие половодья обычно формируются при выпадении значительного количества осадков в период интенсивного таяния снега и могут вызывать наводнения снего-дождевого происхождения.

Заторы льда формируются на достаточно крупных реках, протекающих в направлении с юга на север (Верхний Амур, нижнее течение Шилки и Аргуни, Ингода, Онон), а также на участках рек при переходе от больших продольных уклонов русла к меньшим (Зея, Бурей). Они могут вызывать значительные подъемы уровней воды, причем в отдельных створах заторные уровни являются максимальными за период наводнений.

На рассматриваемой территории угрозе наводнений подвержено 268 населенных

пунктов (11 городов, 15 поселков городского типа, 242 сельских населенных пунктов) с населением в зоне затопления около 235 тыс. человек, сотни производственных объектов. В зоне затопления расположено около 1,1 млн га сельскохозяйственных угодий [5].

Повторяемость затопления местности в створах гидрометрических постов в бассейне Верхнего и Среднего Амура варьирует 0...98 % (в среднем – 37 %). Потенциальная опасность наводнений (табл. 1) установлена по методике В.А. Бузина [6], в зависимости от величины параметра

$$D = (H_{1\%} - H_{п}) \cdot (1 - p), \quad (1)$$

где $H_{1\%}$ – расчетный уровень 1 %-й обеспеченности; $H_{п}$ – уровень выхода воды на пойму; p – повторяемость выхода воды на пойму, выраженная в долях единицы.

Таблица 1

Результаты расчета параметров опасности наводнений для некоторых гидрологических постов рассматриваемого бассейна

Река	Расположение поста	Повторяемость затопления, %	Потенциальная опасность	
			параметр D	уровень опасности
Амур	с. Черняево	24	407	Катастрофический
	с. Кумара	73,5	193	Высокий
	с. Сергеевка	80,9	93	Средний
	г. Благовещенск	58,7	175	Высокий
	с. Гродеково	87	71	Высокий
Шилка	с. Иннокентьевка	88,6	36	Низкий
	с. Усть-Онон	0	0	Низкий
Ингода	г. Сретенск	0,9	68	Средний
	с. Дешулан	32,2	57	Средний
	с. Улеты	23,9	225	Катастрофический
	с. Атамановка	2,9	104	Высокий
	с. Красноярово	15,9	159	Высокий
Чита	с. Бургень	67,6	30	Низкий
	г. Чита	25	140	Высокий
Никишиха	с. Атамановка	8,3	52	Средний
Кручина	с. Танха	11,4	145	Высокий
Аленгуй	с. Ленинск	34	120	Высокий
	с. Елизаветино	3,4	127	Высокий
Тура	с. Кумахта	28,3	160	Высокий
Урульга	с. Урульга	21,1	64	Средний
	г. Благовещенск	77,2	101	Высокий
Зея	с. Мазаново	66	126	Высокий
	с. Малая Сазанка	71,4	141	Высокий
	с. Усть-Ульма	24,6	222	Катастрофический
Селемджа	с. Стойба	55,2	162	Высокий
	с. Норский склад	97,6	9	Низкий
	с. Экимчан	24,3	140	Высокий
	г. Белогорск	25	79	Средний
Бурей	с. Светиловка	76,5	40	Низкий
	с. Каменка	86,2	68	Средний
Завитая	с. Михайловка	27,7	146	Высокий
Ивановка	с. Ивановка	57,6	122	Высокий
	с. Среднебелое	48,3	62	Средний
Архара	с. Аркадьевка	17,4	127	Высокий
Уркан	с. Заречное	95,4	15	Низкий
	с. Дмитриевка	73,7	95	Средний
Б. Пера	с. Светиловка	76,5	40	Низкий

Результаты расчетов свидетельствуют, что на рассматриваемой территории более чем в половине створов гидрометрических постов уровень потенциальной опасности наводнений оценивается как высокий и катастрофический.

Результаты моделирования стока рек Забайкалья (рис. 1) свидетельствуют о значительном повышении водности в ближайшие годы. Так как для большинства крупных и средних рек региона характерна

высокая корреляция между максимальными расходами и годовым стоком ($R^2 = 0,75...0,93$) [7], то в эти годы следует ожидать серию значительных наводнений.

Для возможности управления риском наводнений необходимо знать его пространственное распределение на основе зонирования опасных территорий. Для этого следует использовать различные схемы, что обусловлено противоречиями, заложенными в идеологии зонирования [8].

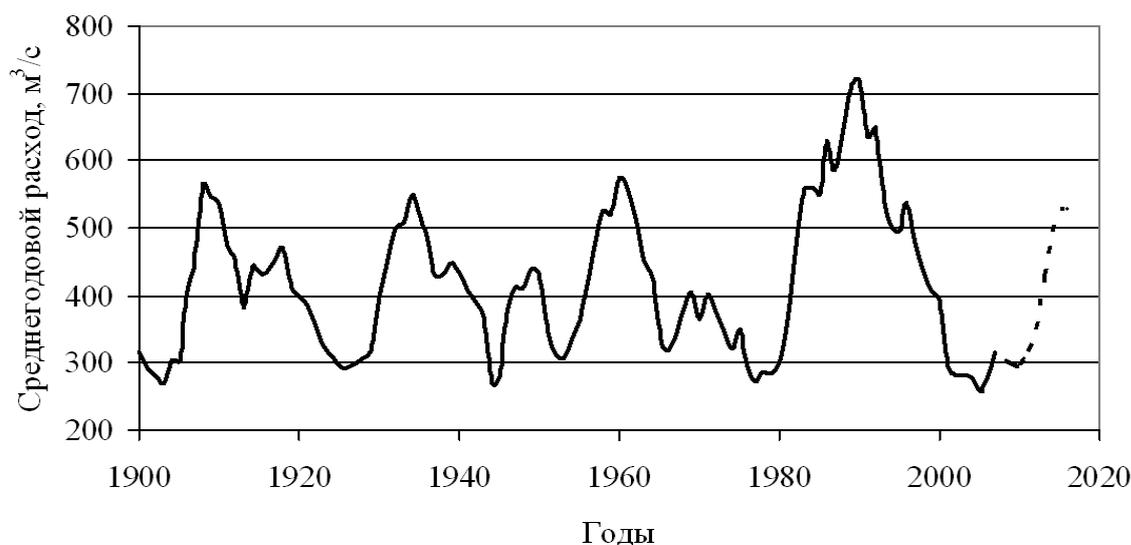

Рис. 1. Гидрограф среднегодовых расходов р. Шилка (г. Сретенск), сглаженные методом линейной фильтрации с периодом 5 лет

Для целей нормирования разработана классификация зон риска хозяйственного использования пойменных территорий, представленная в табл. 2. Она основана на результатах анализа факторов, определяющих риск жизни людей, риск постоянным зданиям и сооружениям, а также риск ведению сельскохозяйственной деятельности. При этом учитывалось влияние следующих факторов: повторяемости затопления, глубины и скорости потока при характерном уровне воды, эрозионной активности.

Показатель уровня экономического риска не должен зависеть от характера и интенсивности использования тех или иных участков местности, не являться натуральным, обладать относительным постоянством. Этим условиям удовлетворяет величина математического ожидания ущерба некоторому «эталонному» объекту, выраженная в долях его стоимости или процентах.

Таблица 2

Границы зон риска хозяйственного использования пойменных территорий

Уровень риска	Нормативы зонирования			
	для целей строительства		для сельскохозяйственных земель	
	шифр	границы зон	шифр	границы зон
Низкий	A ₁	Уровень затопления обеспеченностью 0,1 %	A ₂	Уровень затопления обеспеченностью 1 %

Уровень риска	Нормативы зонирования			
	для целей строительства		для сельскохозяйственных земель	
	шифр	границы зон	шифр	границы зон
Умеренный	B ₁	Уровень затопления обеспеченностью 1 %	B ₂	Уровень затопления обеспеченностью 5 %
Значительный		Уровень затопления обеспеченностью 5 % или граница плановых деформаций русла или граница затопления на глубину более 1 м при максимальном уровне обеспеченностью 1 % (более 0,7 м при скорости потока более 1,0 м/с)		Уровень затопления обеспеченностью 10 %
Высокий	C ₁	Уровень затопления обеспеченностью 10 % или граница донных и прибрежных подвижных форм рельефа	C ₂	Уровень затопления обеспеченностью 20 % или граница донных и прибрежных подвижных форм рельефа
	D ₁	Бровки русла	D ₂	Бровки русла
Неопределенный	E ₁	Понижения, затопляемые склоновыми водами	E ₂	Понижения, затопляемые склоновыми водами
Аварийный	F ₁	Риск затопления при авариях ГТС	F ₂	Риск затопления при авариях ГТС

Методология зонирования паводкоопасных территорий заключается в построении для различных створов зависимостей математического ожидания ущерба эталонному объекту от высотных отметок местности [9]. В качестве эталонного принято одно из наиболее распространенных видов зданий индивидуальной застройки – одноэтажное каменное облегченное в совершенно удовлетворительном состоянии. В результате экспериментального зонирова-

ния установлена необходимость выделения шести зон. В то же время в створах со значительной амплитудой максимальных уровней для большей дифференциации (что особенно важно при страховании) целесообразно выделение внутри зон подзон – А и Б. В табл. 3 представлены стандартные значения (для эталонного объекта) математического ожидания ущерба на границах предлагаемых зон и подзон.

Таблица 3

Нормативы для установления границ зон вероятного ущерба

Зоны	Подзоны	Математическое ожидание ущерба от наводнений эталонному объекту на границах зон, %	
		нижняя граница	верхняя граница
1	1-А	Не устанавливается	
	1-Б	0,05	0,08
2	2-А	0,08	0,15
	2-Б	0,15	0,25
3	3-А	0,25	0,50
	3-Б	0,50	0,80
4	4-А	0,80	1,30
	4-Б	1,30	2,10
5	5-А	2,10	3,00
	5-Б	3,00	4,00
6	6-А	4,00	5,60
	6-Б	5,60	Не устанавливается

На рис. 2...3 представлены примеры зонирования территорий населенных пунктов Забайкальского края – г. Нерчинск и с. Улеты.

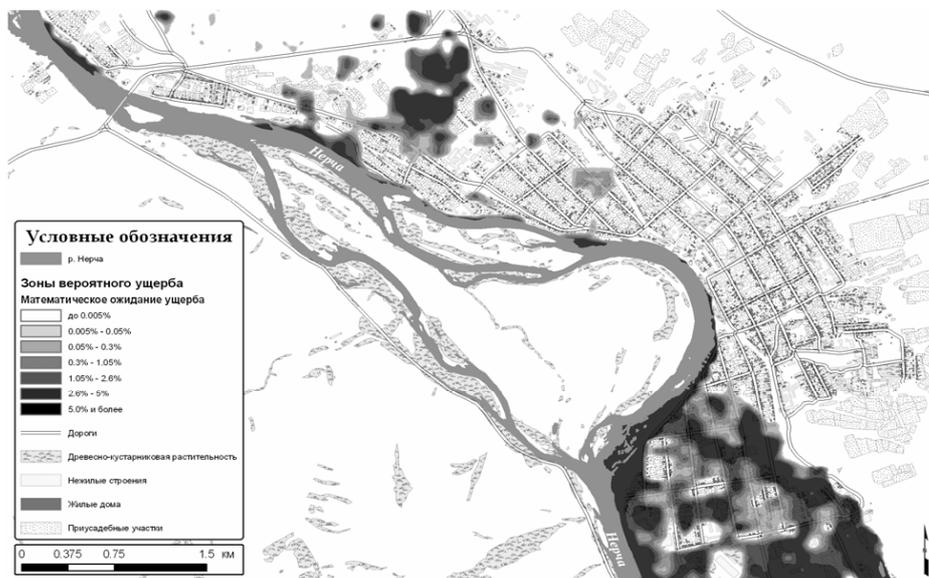

Рис. 2. Зонирование территории г. Нерчинск в экономических показателях риска затопления паводковыми водами р. Нерча

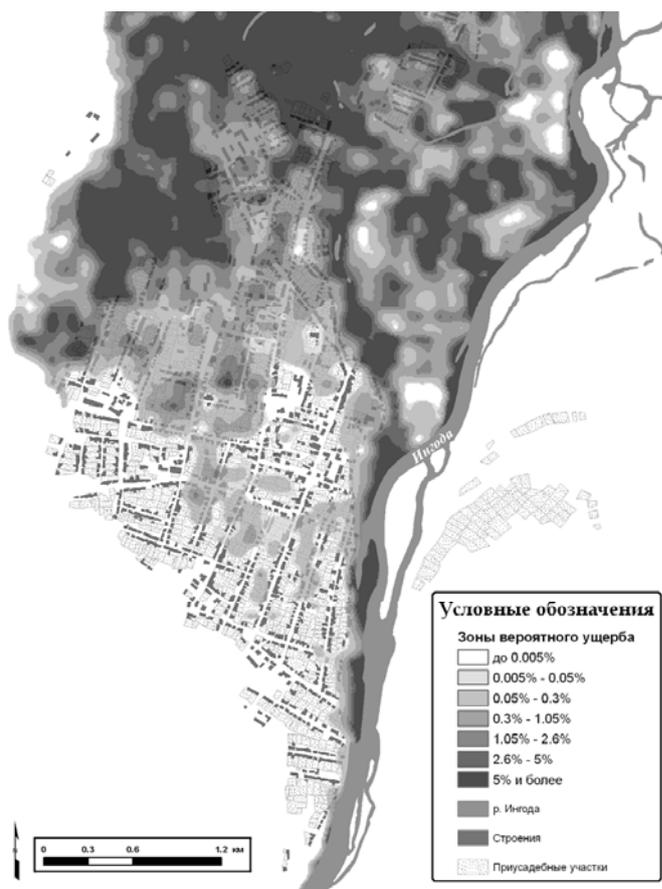

Рис. 3. Зонирование территории с. Улеты в экономических показателях риска затопления паводковыми водами р. Ингода

Литература

1. Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ № 1235-р от 27.08.2009.
2. Шаликовский А.В. Наводнения на территории верхней части Амурского бассейна и мероприятия по защите от них // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. — 2006. — № 5. — С. 86-94.
3. Global Active Archive of Large Flood Events [Электронный ресурс] / Dartmouth Flood Observatory, University of Colorado. Режим доступа: <http://floodobservatory.colorado.edu/Archives/index.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. англ.
4. Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 18. Дальний Восток. Вып. 1. Верхний и средний Амур. — Л.: Гидрометеиздат, 1966. — 881 с.
5. Шаликовский А.В. Предупреждение и снижение негативных последствий наводнений в верхней части бассейна реки Амур. — Чита: ЧитГУ, 2009. — 226 с.
6. Бузин В.А. Затопы льда и заторные наводнения на реках. — СПб.: Гидрометеиздат, 2004. — 202 с.
7. Зима Л.Н., Пестов В.М., Шаликовский А.В. Корреляция рядов годового стока и максимальных расходов рек Верхнего Амура // Водные ресурсы и водопользование. — Екатеринбург-Чита: Изд-во РосНИИВХ, 2003. — С. 11-19.
8. Шаликовский А.В. Оценка риска наводнений и зонирование паводкоопасных территорий // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. — 2006. — № 4. — С. 27-34.
9. Шаликовский А.В. Водные и водохозяйственные риски: анализ проблемы, концептуальные основы страхования. — Екатеринбург: РосНИИВХ, 2003. — 100 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Шаликовский А.В., канд. техн. наук, профессор кафедры водного хозяйства и инженерной экологии, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 26-42-56

A. Shalikovskiy, Candidate of Technical Sciences, professor, Water Management and Engineering Ecology department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: опасные гидрологические явления

Scientific interests: dangerous hydrological phenomena

Курганович К.А., канд. техн. наук, доцент кафедры водного хозяйства и инженерной экологии, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Служ. тел.: (3022) 26-42-56

K. Kurganovich, Candidate of Technical Sciences, associate professor, Water Management and Engineering Ecology department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: моделирование гидрологических процессов

Scientific interests: modeling of hydrological processes

Есть мнение

УДК 551.24:553.3/9

Салихов Владимир Салихович
Vladimir Salikhov

КАТАСТРОФИЗМ – ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ГЕОЛОГО- ПРОМЫШЛЕННЫХ ТИПОВ РУДНЫХ ЭНДОГЕННЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

CATASTROPHISM – CRITICAL STAGE IN FORMATION OF GEOLOGICAL ECONOMIC TYPES OF ORE ENDOGENIC DEPOSITS

Рассмотрена рудно-магматическая система с позиций непрерывно-прерывистого течения геологических процессов. Обоснована идея необходимости этапа катастрофизма как обязательного при образовании любых геолого-промышленных типов эндогенных месторождений, особенно крупных и уникальных. Показано, что природа катастрофических явлений комплексная, при участии вземных факторов, будирующих и инициирующих эндогенную активность и рудно-магматический процесс. Даны практические рекомендации по установлению разномасштабного катастрофизма в геологической летописи месторождений с позиций синергизма

Ключевые слова: рудно-магматическая система, катастрофизм, природа оруденения

The study considers the ore magmatic system from the point of continuous and interrupted flowing of geological processes. The idea of the necessity of catastrophism stage as critical in formation of any geological commercial types of endogenic deposits (especially large-scale and unique ones) is supported. The study shows that the nature of the catastrophic phenomena is complex and is accompanied by subterranean factors stimulating and initiating the endogenic activity and ore magmatic process. Practical recommendations are provided for determining catastrophism of various scales in geological chronicles of deposits from the position of synergism

Key words: ore magmatic system, catastrophism, nature of mineralization

Одной из наиболее дискуссионных и обсуждаемых тем учения о рудных месторождениях является их генезис, природа оруденения. Традиционно неоднозначны взгляды исследователей на основные составляющие рудообразующего процесса, причин повышенных и высоких концентраций элементов на достаточно ограниченной площади: это источники рудного вещества, способы его транспортировки, условия и особенности концентрирования в местах рудолокализации. Широкий круг представлений о причинах промышленных концентраций вещества на небольших площадях, их глубинность [6].

Существуют разные взгляды по каждому из составных компонентов формирующегося месторождения, вплоть до фантастических, как-то привнос рудного вещества из космического пространства. Принципиальным является установление направленности процесса рудообразования и определение пути развития: эволюционный (непрерывный и постепенный) или прерывистый (пунктуализм, катастрофизм).

Особенно дискуссионна природа крупных и уникальных месторождений: развиваются ли они по особым законам, редким сочетаниям благоприятных факторов или такие объекты не выходят за рамки сущес-

твующих рядовых схем рудообразования, отличаясь лишь количественными показателями. Возможны ли и повторяемы ли уникальные месторождения в истории Земли или такие объекты штучные? [13; 14].

Анализ геолого-структурных и генетических особенностей месторождений и особенно крупных объектов позволяет уверенно говорить о непереносимости участия в их формировании фазы катастрофизма земного или внеземного происхождения, которые в различной степени проявлены в летописи месторождений.

В настоящей работе развивается идея участия катастрофизма как стимулятора процесса рудонакопления или триггера (спускового крючка) эндогенной активности при формировании месторождений, особенно крупных и уникальных.

Понятие «катастрофа» в переводе с греческого означает переворот, переломное важное событие, решающее какое-либо явление. Геологические катастрофы разноранговые и разномасштабны, от глобальных, наиболее ярких, нашедших отражение в геологической летописи, до местных, локальных типа слоев в слоистой серии, которые рассматриваются как «скачки» в седиментационном процессе. В этой связи уместно подчеркнуть, что широко распространенная горизонтальная слоистость, обычно рассматриваемая как признак спокойной седиментации в осадочных бассейнах, не отвечает действительному положению, поскольку при спокойной седиментации слоистость не проявилась бы вообще, а между составными частями породы (например, песчаник и алевролит) были бы плавные переходы. В данном случае слои в горизонтальной слоистости отвечают «скачку», вызванному периодически появляющемуся гидродинамическому удару (взрывному явлению, включая атмосферу), после которого происходит мгновенное осаждение взвешенного материала и образование слоя. Такую текстуру можно наблюдать в массиве выпавшего, уплотняющего снега в городской черте.

Катастрофами называют скачкообразные изменения, возникающие в виде

внезапного ответа (реакции) системы на плавные изменения (количественные и качественные) внешних условий [1]. Это переход из одного устойчивого состояния в другое, новое равновесное состояние безотносительно к масштабу явления. При этом происходят как количественные, так и качественные изменения. Сюда не относится обыденное понимание катастроф, связанных со стихийными бедствиями (ураганы, наводнения и др.), приводящими к массовой гибели людей [12].

Идеи катастрофизма в историко-геологическом развитии Земли воспринимались неоднозначно на различных этапах. Катастрофические представления и идеи, ярким представителем которого был французский ученый Ж. Кювье, сменились эволюционными направлениями и концепцией эволюционизма Ж.Б. Ламарка, Ч. Ляйеля и далее Ч. Дарвина. Спор же сторонников и противников этих идей шел с переменным успехом и вошел в историю геологии как один из «Великих геологических споров».

Катастрофизм теперь не воспринимается как нечто реакционное. В настоящее время в связи с развитием новых идей в естествознании (прежде всего, физике), интерес к катастрофизму и катастрофическим явлениям значительно возрос и получил несколько иную направленность, и в геологии народилась новая теоретическая база, позволяющая с иных позиций подойти и оценить такое аномальное явление, как концентрированное состояние в земных недрах химических элементов, относительно их естественного рассеянного состояния. Такой базой является математическая теория катастроф (благодаря усилиям, прежде всего, французского математика Р. Тома), увязывающаяся с нелинейными и неравновесными процессами, приведшими к появлению целого ряда новых дисциплин и новых направлений в науке (нелинейная геофизика, нелинейная металлогения, нелинейная геодинамика и др.) [11].

Нелинейность и катастрофизм проявляются от атомарного уровня (скачкообразное изменение энергии атома при квантовых переходах, переходах из одного

устойчивого состояния в другое — новый энергетический уровень) до Вселенского (зарождение планетных систем вследствие, например, катастрофического Большого взрыва — взрыва Сверхновой после квазиравновесного развития). Неоднородность же в процессе развития порождает новый порядок, под внешним воздействием и особый класс упорядоченных пространственно-временных структур, названных И. Пригожиным диссипативными. В развитии (эволюции) одной и той же системы могут возникать несколько диссипативных структур, а выбор одной из них происходит под действием флуктуаций компонентов, образующих систему.

В историко-геологическом направленном развитии Земли весьма важным является установленная разнопорядковая цикличность — квазипериодическое (нелинейное) повторение стадий развития, последовательность событий и переход в которых осуществляется прерывисто. Среди них В.Е. Хаиным обоснованы наиболее крупные тектонические циклы под названием циклов Вилсона, Бертрана и Штилле [2].

Циклы Вилсона отражают период времени геологического развития суперконтинентов от момента их зарождения до времени распада или промежутков времени от образования нового океанического бассейна до его закрытия. Этот промежуток времени оценивается 500...600 млн лет по В.Е. Хаину [19], а эпохи распада суперконтинентов благоприятствуют, например, взрывам (катастрофическим скачкам) разнообразия органической жизни и способствуют появлению ведущих эпох образования минерального сырья, в частности, эпох нефтеобразования.

Циклы Бертрана выделены на основе анализа раскрытия и последующего закрытия окраинных морей и превращению их в складчатые (складчато-покровные) горные сооружения, сопровождаемые метаморфизмом и гранитизацией. Широко известны пять циклов Бертрана: байкальский, каледонский, герцинский, киммерийский и альпийский, продолжительностью

150...200 млн лет [2], что в целом укладывается в Галактический год продолжительностью (по разным оценкам) в 160...220 млн лет. Со становлением этих циклов связываются и одноименные минерагенические эпохи, и образование крупных и уникальных объектов.

Циклы Штилле отвечают орогеническим фазам, выделенным Г. Штилле, число которых оценивается 20...40. И несмотря на возникшую позднее серьезную критику этой концепции, реальность существования таких циклов не подлежит сомнению [2], а длительность циклов составляет 30 млн лет. Н.Л. Добрецов назвал такую цикличность главной геологической периодичностью.

Нередко отдельные орогенические фазы Штилле выделяют в качестве завершающих этапов развития циклов Бертрана и Вилсона, т.е. завершение одного и появление нового цикла происходит скачкообразно. Под тектоническими эпохами и фазами подразумевают интервалы непродолжительного — первые млн лет времени, отвечающие их существенному усилению интенсивности и перестройке структурного плана складчатых систем [19]. На этот промежуток времени падает и интенсивное минералообразование. Кроме этих масштабных циклов выделяется и другая многообразная цикличность — от первых млн лет до циклов Солнечной активности, среди которых наиболее значимый 11-летний, а также *циклы Миланковича*, вызванные изменением наклона оси вращения Земли и изменением климата.

В непрерывно-прерывистой цепи развития геологических событий встает вопрос о их продолжительности в масштабе геологического времени и самом понятии «событие» (как катастрофического явления).

П.И. Гретенером предложено под «*событием*» понимать процесс, занимающий не более одной сотой от общей продолжительности рассматриваемого промежутка геологического времени, поскольку на любом графике отрезок, равный одной сотой шкалы времени, будет не больше толщины карандашной линии, и следовательно, со-

бытие будет выглядеть скачком [5], т.е. представляется возможным фиксировать катастрофу. Продолжительность катастрофического события в геологических процессах самая разнообразная (первые минуты в землетрясениях до млн лет в тектонических эпохах, а в квантовых процессах продолжительность оценивается на нанноуровне).

Происхождение крупномасштабной цикличности связывается не только с глубинными геодинамическими процессами, протекающими в тектоносфере Земли, но и с процессами, протекающими в Галактике, например, кометными бомбардировками Земли – струйными потоками (спиральными рукавами) Галактики, имеющими квазипериодический характер. Космический фактор здесь рассматривается как триггер – спусковой механизм эндогенной активности планеты Земля. Так, смена байкальского цикла каледонским, равно как и смена герцинского этапа киммерийским связаны с сильной кометной бомбардировкой [2].

Между тем в геологической науке все более укрепляется мысль, высказанная великим российским естествоиспытателем В.И. Вернадским (1934), что «Землю следует рассматривать как Галактический объект, только тогда будут поняты полностью геологические процессы, происходящие на ней».

Катастрофизм и рудообразование. Историко-геологический анализ материалов как отдельных рудных районов, так и крупных регионов показывает, что катастрофизм и эволюционизм – процессы взаимосвязанные, а само непрерывно-прерывистое развитие является нормальным явлением вообще, хотя фаза катастрофизма более кратковременная и в геологической летописи выражена наиболее рельефно и чаще всего фиксируема в геологических объектах.

Подобный характер течения геологических процессов (непрерывно-прерывистый) устанавливается в большинстве рудных провинций и месторождений, прежде всего, в виде зональности и ярусности оруденения, обусловленное существованием

двух или более вертикальных интервалов с промышленным оруденением (разноярусные полихронные, флюидно-гидротермальные колонны), где на разных гипсометрических уровнях могут развиваться разнотипные рудные формации. Смена рудной минерализации (особенно со сменой структурных этажей) отвечает переломным этапам (бифуркациям) в эволюционном развитии рудно-магматических систем и непосредственно связано с фазой катастрофизма или тяготеет к ней, что находится в соответствии с современной теорией природных катастроф, т.е. резкие переходы квазистабильных систем в новое равновесное состояние (неадекватные преедыдущему).

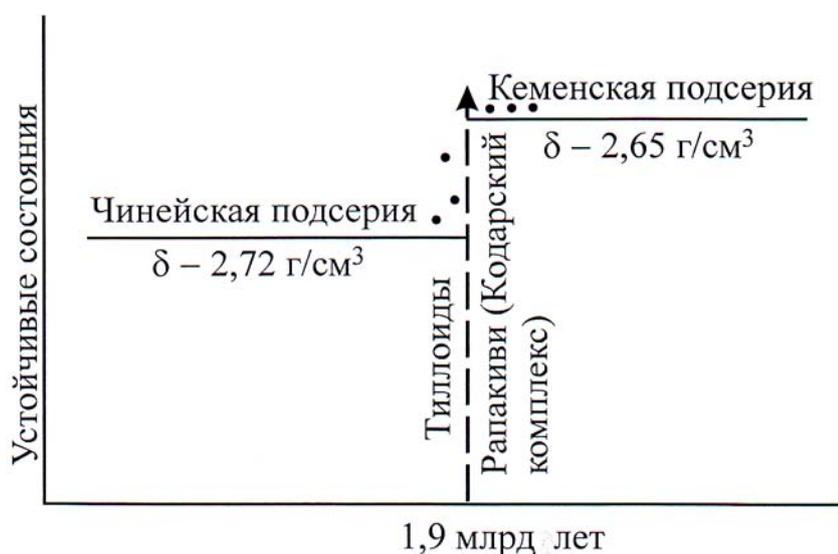
Скачкообразное (прерывистое) течение флюидно-магматических систем определяется прерывистостью изменений термодинамических параметров (помимо внешней среды) и, прежде всего, зависит от основного компонента флюидов – воды, структура которой (как показано многочисленными работами физиков и экспериментаторов – геохимиков) при возрастании температуры от 0 до 500 °С скачкообразно меняется, а следовательно, меняются растворимость минералов, константы диссоциации различных электролитов, характер и ход взаимодействия гидротермального раствора с вмещающей средой и др. Подобное (прерывистое) течение рудообразующей системы происходит и при изменении давления, приводящего к периодическому, взрывному «вскипанию» растворов и массовому осаждению рудного вещества, в режиме обратных связей, при достижении самоорганизующей критичности, т.е. такого состояния в системе, когда ее управляющий параметр достигает критического значения, после которого начинается лавинообразное течение процесса (мгновенный сброс излишней энергии). Появление аномально сильного события (катастрофы) обусловлено синергетическим эффектом (кооперативным действием множества факторов в динамической системе), а центральным звеном синергетики является самоорганизация.

Скачкообразный перепад давления воды и газа в движущемся к поверхности магматическом расплаве приводит к образованию флюидно-эксплозивных (взрывных) брекчий, являющихся показателем резких изменений устойчивых состояний, т.е. являются катастрофическим событием. Такие брекчии («рудоносные брекчьевые сооружения eksploзивные») по [18] встречаются на многих месторождениях Мира, в том числе крупных, и на территории Забайкалья, в частности, они отмечены на уникальном золоторудном месторождении «Балей».

К катастрофическим признакам может быть отнесен и ликвационный распад (расслоение) расплава при соответствующих концентрациях и температуре. Согласно магматогенно-ликвационной концепции, такой распад осуществляется также *мгно-*

венно (эффект катастрофизма) и происходит во всем объеме магматической камеры и является необратимым. В момент распада расплав представлен сверхтекучими несмешивающимися жидкостями, которые находятся в режиме самопроизвольного турбулентного движения за счет стремления системы к минимуму свободной поверхностной энергии [9].

Элемент катастрофизма устанавливается при формировании уникального медного объекта Удокан, что фиксируется в рудоносном горизонте массовым образованием «сейсмогенных» песчаников (известковистых конгло-брекчий), отсутствующих преимущественно до и после образования рудных залежей [15], а также региональным фактором, имеющим внеземное происхождение (см. рисунок).

Изменения в состоянии удоканской серии на рубеже формирования Удоканского месторождения (треугольник), точки – «шлейф» проявлений меди

Одним из ярких признаков скачкообразного развития (в соответствии с теорией катастроф) геологических процессов, но более масштабного уровня являются несогласия и, прежде всего, угловые, что послужило выдающемуся немецкому тектонисту Г. Штилле основанием выделить основные орогенические фазы («Каноне» Штилле и рассмотренные циклы Штилле) в фанерозойских разрезах континентов (1924).

Фазам канона Штилле отвечают установленные короткие (1-2 млн лет) импульсы резкой активизации магматической и тектонической активности, т.е. время внедрения гранитоидов отражают эпохи тектонических перестроек и горообразование [20], совпадающие с фазами складчатости Штилле. Следует подчеркнуть, что фаза катастрофизма в развитии эндогенных флюидно-рудно-магматических, мантий-

ных и мантийно-коровых системах менее продолжительная, но наиболее продуктивная, а сами рудные системы в процессе своей самоорганизации через некоторое время достигают критического состояния (самоорганизующая критичность), после чего начинается массовое рудоотложение (рудные столбы или бонанцы, например), спусковым крючком (триггером) которому является фаза катастрофизма, земного или внеземного происхождения [8].

Распознавание катастрофизма и связанного с ним оруденения в геологической летописи. Признаки катастрофических событий в геологической летописи фиксируются на региональном (глобальном) и локальном уровнях. Следствием же кратковременных глобальных катастрофических событий, выделяемых, прежде всего, в слоистой оболочке Земли, явилось новое научное направление — *событийная стратиграфия*, оперирующая вещественными проявлениями относительно кратковременных событий: биотические (великие и малые вымирения), седиментологические (катастрофиты-темпеститы, турбидиты, «черные» сланцы и др.), геохимические (пиридиевая аномалия, изотопные отношения серы, кислорода, углерода и др.), тектонические (фазы орогенеза и угловые несогласия), космические (импактиты, планарные структуры и др.), эвстанические (мировые трансгрессии и регрессии, кривые Вейла), позволяющие проводить широкие стратиграфические сопоставления (совместно со сейсмостратиграфией), уточнять и детализировать стратиграфические сопоставления [4], а вместе с тем и процессы рудообразования.

Для Забайкальского региона наиболее продуктивным является позднеюрская металлогеническая эпоха (и магматизм), что можно использовать как один из поисковых критериев. К этому рубежу тяготеют, прежде всего, месторождения золота, приуроченные к региональной структуре — Монголо-Охотскому тектоническому шву или находящиеся в зоне его влияния.

Коренные преобразования особенно продуктивны по периферии крупных кра-

тонов, где существуют условия длительного и унаследованного развития с периодическими всплесками (спазмами) эндогенной энергии, сопровождаемой высоконасыщенными различными полезными компонентами растворами.

Особо следует остановиться на аномальном регионе по юго-восточному обрамлению Сибирского кратона в области *Байкало-Станового полициклического рифтогенного пояса*, устойчиво и длительно развивающегося с раннего докембрия. Крупные перестройки, начавшиеся здесь, по крайней мере, около 2,0 млрд лет назад, продолжаются и поныне в пределах современного Байкальского рифта. Особый интерес представляет часть Байкало-Станового рифтогенного пояса *Забайкальского севера*, где периодически появлялись крупные и уникальные объекты различных полезных ископаемых. Это докембрийские Удоканское медное и Катугинское редкометальное месторождения, Чинейский поликомпонентный габбро-норитовый расслоенный лополит, уникальные калиевые протуберанцы-сынныриты верхнего палеозоя, мезозойская перестройка, сопровождавшаяся появлением высококачественных углей с метаном рифтогенных грабен, а также обнаруженное здесь единственное пока в мире уникальное камнесамоцветное сырье — чароиты Мурунского массива.

Список необычных и крупных объектов Забайкальского севера этим не ограничивается. В регионе следует ожидать находки новых крупных и нетрадиционных здесь объектов, каковыми могут быть месторождения, связанные с основным, ультраосновным и щелочным магматизмом, прежде всего, хромитовые объекты, алмазонасные кимберлитовые трубки, редкометальные карбонатиты и месторождения углеводородного сырья (прежде всего, метана).

Итоги изложенного сводятся к следующему:

1) в непрерывно-прерывистой цепи эволюционного развития геологических процессов и рудно-магматических систем фаза катастрофизма наиболее ярко выражена и диагностируема, а катастрофизм

— обязательное звено развития. Непрерывно-прерывистое течение геологических процессов подтверждается магматизмом и вулканизмом, тектоно-магматической активностью и формированием речных террас и многое другое, что отчетливо подчеркивает, что между эволюционизмом и катастрофизмом нет никаких противоречий и, более того, как отмечает акад. В.Е. Хаин, «недооценка роли скачков, катастрофических явлений делает более плоским наше видение геологической истории, сводя его к скучному униформизму»;

2) фаза катастрофизма — обязательный и важный компонент рудно-магматического процесса, особенно при формировании крупных и уникальных объектов. Очевидно, одним из первых, кто обратил внимание на участие катастрофизма в образовании месторождений, был первый российский ученый-естествоиспытатель мирового значения М.В. Ломоносов. Достаточно привести его работу «Слово о рождении металлов от трясения Земли», опубликованную в 1757 г. А известный российский ученый-тектонист чл.-корр. РАН В.В. Белоусов констатировал, что М.В. Ломоносов был катастрофистом [12]. В настоящее время устанавливается закономерная связь сейсмогенных и минерагенических структур во многих регионах Мира, что позволило выделить новое научное направление — «сейсмоминерагения» (Ю.К. Щукин, 2001);

3) катастрофические геологические события могут быть регионального (глобального) и локального характера. Первые проявлены и выражены металлогеническими эпохами и провинциями в соответствии с известными тектоническими циклами и фазами орогенеза (вспышка, например, вулканизма на границе перми и триаса и др.). Фиксируются «переворотами» структурно-тектонического характера (резкие угловые несогласия), биотическими и космическими факторами (резкая смена органических остатков, кольцевые структуры, тектиты и др.);

4) локальные (и местные) геологические события катастрофического характе-

ра проявлены в пределах рудных полей и месторождений и фиксируются в геологической летописи (разрезах) седиментационными (перерывы в осадконакоплении, катастрофиты и др.) и геохимическими («запрещенные» ассоциации элементов и др.) факторами, а также проявлены на микроскопическом уровне («шоковый» кварц, планарные структуры и др.);

5) причины катастрофических геологических событий комплексные, кооперативные (эффект синергизма, синергетическая модель природных катастроф). Массовое, обвальное рудоотложение связано с уровнем самоорганизующейся критичности и носит пульсационный характер (эффект «кипячего чайника»). В процессе самоорганизации рудообразующего процесса минералообразование достигает критического состояния, после которого начинается лавинообразное осаждение (рудные столбы и др.).

Рудоносная система — система синергетическая, а процесс неравновесный, осуществляется при условии внешних потоков энергии (импульсный, катастрофический) и является самоорганизующимся. Побудительными причинами движения вещества, наряду с гравитационной неустойчивостью, является разность химических потенциалов системы. Показано (Ю.В. Казидин, 1973), что флюид в потоке метасоматизирующей среды меняется скачкообразно-кардинально изменяются все его физико-химические свойства, т.е. в процессе эволюции такой системы может быть несколько *точек бифуркаций*, определяющих границы зон — слоев в полизональной структуре и подчеркивает фактор катастрофизма на породном уровне;

6) время проявления катастрофического события разное. От первых минут (землетрясения) до первых миллионов лет (рифтообразование [10], спрединг, орогенез и др.). Периодичность события также разная (годы — солнечная активность; миллионы лет — прохождение планет Солнечной системы через спиральные рукава Галактики);

7) кратковременные катастрофичес-

кие события (например, землетрясения) носят триггерный эффект («спусковой» крючок), за которым следует более продолжительная фаза и, в частности, эндогенная активность Земли, носящая пульсационный характер;

8) поисковые критерии и признаки катастрофических геологических событий и оруденения могут иметь региональный характер, указывающий на возможное оруденение (металлогенические эпохи) или узкий временной интервал (например, позднеюрский магматизм – встряска для большей территории Восточного Забайкалья) и локальный характер, носящий прямое указание на оруденение (флюидно-эксплозивные брекчии для юрского магматизма Забайкалья или «сейсмогенные» песчаники для медного оруденения Удоканского района);

9) прикладное направление катастрофизма устанавливается при анализе рудно-магматических систем, имеющих непрерывно-прерывистое развитие, что сказывается на зональности и ярусности оруденения (оценка последнего на глубину и фланги). Смена рудной минерализации отвечает переломным этапам и бифуркациям в эволюционном развитии рудно-магматических систем, а минерализация непосредственно связана с фазой катастрофизма или тяготеет к ней. Поисковые же признаки (прямые или косвенные) катастрофизма несут свои особенности в конкретных рудоносных провинциях, рудных узлах и рудных полях.

Особенно благотворное влияние катастрофизма на современном лике Земли подчеркивается регенерацией углеводородного сырья. Так, в нефтегазоносном районе Предкавказья после землетрясений начинают фонтанировать скважины после длительного покоя, что позволяет говорить о неисчерпаемости вообще углеводородного сырья в активных зонах Земли. После сильных землетрясений, будируемых космосом, активно происходит отрыв «капельниц» (плюмов) от границы внешнего ядра Земли, которые в последующем активизируют рудно-магматические системы;

10) уровни проявления катастрофических событий различны и фиксируются на микроуровне и в масштабе Вселенной, что отвечает делимости (фрактальности) материального мира вообще. Переход с одного уровня на другой – скачкообразный, по достижении состояния бифуркации. На *микроуровне* наиболее показательны прерывистые скорости вступления в химическую реакцию одной и той грани кристалла (топхимические реакции) и *мгновенно* происходящие явления, вызванные *импульсными*, механическими (при дроблении) воздействиями и сбросом внутренних напряжений (непрерывно-прерывистый процесс протекания реакций зародышеобразования в минералах).

Эффект катастрофизма устанавливается при сочетании высокого давления и сдвиговых деформаций, когда происходит резкое ускорение процессов диффузии, резкое снижение барического барьера фазовых переходов и образование термодинамически несовместимых фаз (эффект Бриджмена). При достижении критических значений термодинамических параметров происходит *мгновенный* переход механической энергии в тепловую, что приводит к «геологическому взрыву» (Ф.А. Летников, Ю.Н. Авсюк, 2008). Периодическая смена знака динамических напряжений приводит к *скачкообразному* (и мгновенному) осаждению рудного вещества, особенно в резонансных зонах, учитывая волновую природу напряжений.

Проявляется здесь и разная активность граней вступления в химическую активность из-за различия распределения дефектов (поверхностных и внутренних) в теле кристаллов (А.Г. Булах, 1998; В.И. Ревнивцев и др., 1982). На этом же уровне происходит и *самопроизвольная агрегация* малых частиц, в том числе полезных компонентов (эффект синергизма), или собирательная перекристаллизация и перераспределение химических примесей, в чем проявляется благотворное проявление катастрофизма. Показателен здесь и скачок в растворимости микропримесей в микрокристаллах (Б.М. Шмакин и др., 1990)

и вообще, особое поведение минералов в микропримесях (чем меньше зерно, тем больше его удельная поверхность).

На региональном же уровне происходит формирование металлогенических эпох в соответствии, например, с канонами Штилле.

Сущность изложенного может быть предложена в виде научной идеи в следующей формулировке: *«Этап катастрофизма — обязательный (инициальный) в становлении рудообразующей системы и последующим образовании эндогенных месторождений, особенно крупного и уникального масштаба».*

Порожденная катастрофизмом рудно-флюидно-магматическая система в процессе своего развития приводит к образованию рудного месторождения на разных геолого-структурных этажах земной коры.

Алгоритм поисково-оценочных работ на эндогенное оруденение с привлечением идей катастрофизма может быть показан на примере В. Забайкалья (лист М-50): на

региональном уровне благоприятным с возможным оруденением (Au, редкие металлы) является *металлогеническая эпоха* (идеальная граница юра-мел), связанная с активным магматизмом кукульбейского и шахтаминского гранитоидных и нерчинско-козаводского дайковых комплексов (средняя-поздняя юра), проявившихся в период стратиграфического и структурного несогласий (средняя юра — нижний мел). Успешными здесь могут быть геофизические методы при проведении объемного глубинного картирования и дистанционные методы.

На локальном уровне из прямых признаков катастрофизма следует использовать эксплозивно-эруптивные брекчии, наличие сульфидной и редкоземельной минерализации, а на микроскопическом — планарные структуры и степень волнового и мозаичного погасания в кварцах, т.е. степень контрастности исследуемых объектов может быть надежным поисковым признаком.

Литература

1. Арнольд В.И. Теория катастроф. — М.: Едиториал УРСС. — 2004. — 128 с.
2. Баренбаум А.А., Хаин В.Е., Ясаманов Н.А. Крупномасштабные тектонические циклы: интерпретация с позиций галактической концепции // Вест. Моск. ун-та. — Сер. 4, Геология. — 2004. — № 3. — С. 3-16.
3. Белов С.В., Румянцев В.Н. О роли тектонических напряжений в эндогенном рудообразовании // Изв. вузов. — Геол. и разведка. — 1991. — № 11. — С. 62-74.
4. Веймарн А.Б., Найдин Д.П., Копаевич Л.Ф. и др. Методы анализа глобальных катастрофических событий при детальном стратиграфическом исследовании. — М.: МГУ, 1998. — 190 с.
5. Катастрофы и история Земли. Новый униформизм // Под ред. У. Бергрена и Дж. Ван Кауверинга. — Мир, 1986. — 471 с.
6. Крупные медно-порфировые рудно-магматические системы и их геотектоническая позиция. — Минина О.В., Звездов В.С., Мигачев И.Ф., Гирфанов М.М. // Геол. методы поисков и разведки м-ний полезных ископаемых. — Обзор ВИЭМС. — М., 1991. — Вып. 6. — 54 с.
7. Макеев Б.В. Томсон И.Н. Сравнительные данные о ярусном размещении оруденения на оловянно-вольфрамовых месторождениях // ДАН, 1999. — Т. 368. — № 6. — С. 794-797.
8. Масайтис В.Л. Происхождение структуры Садбери в свете новых петрографо-минералогических и геохимических данных // ЗВМО. — 1993. — № 4. — С. 1-17.
9. Мелентьев Г.Б. Магматогенно-ликвационная концепция редкометалльного рудообразования и ее использование в практике локального прогнозирования новых месторождений и технологии извлечения редких металлов из природного и техногенного сырья // Минерагенция северо-восточной Азии: мат. конференции. — Улан-Удэ, 2011. — С. 101-103.
10. Милановский Е.Е. Рифтогенез в истории Земли. — М.: Недра. — 1983. — 280 с.

11. Пущаровский Ю.М. Линейность и нелинейность в геологии // Геотектоника. – 1999. – № 3. – С. 42-49.
12. Рябухин А.Г., Короновский Н.В. Концепция катастрофизма в геологии // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 4. Геология. – 1998. – № 6. – С. 6-15.
13. Салихов В.С. Уникальность – неповторимое качество месторождений // Советская геология. – 1991. – № 3. – С. 70-76.
14. Салихов В.С. Крупные и уникальные месторождения – результат катастрофических событий в геологической истории Земли // Вест. Чит. политех. ин-та. – М.: Изд-во Московск. гос. горного ун-та, 1995. – Вып. 2. – С. 101-113.
15. Салихов В.С. Удокан – как следствие природной геологической катастрофы // ДАН. – 2000. – Т. 374. – № 5. – С. 657-659.
16. Салихов В.С. Катастрофизм – как фактор эндогенного рудообразования // Материалы междунар. конф. к 90-летию Воронежского гос. ун-та [12-16 ноября 2008 г.]. – Воронеж, 2008. – С. 184-186.
17. Салоп Л.И. Геологическое развитие Земли в докембрии. – Л.: Недра, 1982. – 343 с.
18. Туговик Г.И. Эксплозии и рудный процесс. – М.: Недра, 1974. – 208 с.
19. Хаин В.Е. Основные проблемы современной геологии. – М.: Научный мир. – 2003. – 348 с.
20. Ярмолюк В.В., Богатиков О.А., Коваленко В.И. Опыт изучения и классификации магматизма в природных катастрофах // Вест. Российской АН. – 1993. – Т. 63. – № 9. – С. 802-813.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Салихов В.С., д-р геол.-минер. наук, профессор каф. геофизики, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Контакт

V. Saikhov, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, professor, Geophysics department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: нефтегазоносность забайкальского севера

Scientific interests: oil gaseousness of North Zabaikalie

УДК 621.311.21

Шадрин Василий Алексеевич
Vasily Shadrin

ДИАГНОСТИКА ГИДРОАГРЕГАТОВ САЯНО-ШУШЕНСКОЙ ГЭС ИМЕНИ П.С. НЕПОРОЖНЕГО

EXPLOITATION, SPECIALISTS, STRENGTH OF HYDRO-UNIT, MECHANICAL CHARACTERS, CAUSES DESTRUCTIONS, RECOMENDATIONS

Статья посвящена вопросам обеспечения безопасной эксплуатации уникального энергетического оборудования на больших гидроэлектростанциях. Рассматриваются причины катастрофической аварии 17 августа 2009 г. и механическая прочность конструкционных материалов. Приводятся рекомендации

Ключевые слова: гидроэлектростанция, катастрофа, диагностика

The article is devoted to questions of securing work of big important energy equipment. It is investigated by the reasons of the catastrophical wreck on the 17th August, 2009 and a mechanical strength of construction materials. The recommendations are made

Key words: hydropower station, catastrophe, diagnoses

Исследования в области технической диагностики обусловлены тем, что 17 августа 2009 г. на р. Енисей возле г. Саяногорск на самой большой из четырёх в Сибири Саяно-Шушенской ГЭС (далее – СШ-ГЭС) (табл. 1) во время работы вышли из строя гидроагрегаты, разрушен и затоплен

машинный зал, утонули 75 человек – эта катастрофическая авария является второй по величине в новейшей истории России после Чернобыльской атомной на Украине; 36 млрд руб. требуется на восстановление СШГЭС (г. «Ведомости»; <http://lenta.ru/news/2010/02/27/rebuilding/>).

Таблица 1

Характеристики четырёх самых больших ГЭС в Сибири

Название ГЭС, год ввода в эксплуатацию	Река	Напор воды, м	Ёмкость вдхр, км ³	Мощность ГЭС, МВт	Годовая выработка, кВт·ч
Саяно-Шушенская, 2000	Енисей	194	31	6400	23,4·10 ⁹
Усть-Илимская, 1979	Ангара	91	60	4300	22·10 ⁹
Красноярская, 1971	Енисей	101	73	6000	20·10 ⁹
Братская, 1967	Ангара	106	170	4100	23·10 ⁹

На рис. 1 представлена СШГЭС (вид сверху) [1; С. 9]. Бетонная плотина изготовлена цилиндрической формы с радиусом по верхней грани 600 м, длиной по гребню 1074,4 м и шириной 25 м, с шириной по основанию 110 м, максимальной высотой 242

м. Для ремонтных работ на плотине имеются два козловых крана грузоподъёмностью по 500 тс каждый. Выше плотины – зеркало водохранилища (верхний бьеф), ниже плотины – р. Енисей (нижний бьеф), слева находится водосбросная часть плотины,

справа – 10 гидротурбинных круглых водоводов, вдоль плотины внизу расположено здание гидроэлектростанции – машинный зал, в котором установлены 10 гидроагрегатов. Один гидроагрегат состоит из гидро-

турбины и гидрогенератора. Начало строительства СШГЭС – 1963 г. Расход воды – $3500 \text{ м}^3/\text{с}$. Давление на материковый блок от водохранилища, бетонной плотины и 10 гидроагрегатов составляет $31042 \cdot 10^6 \text{ тс}$.

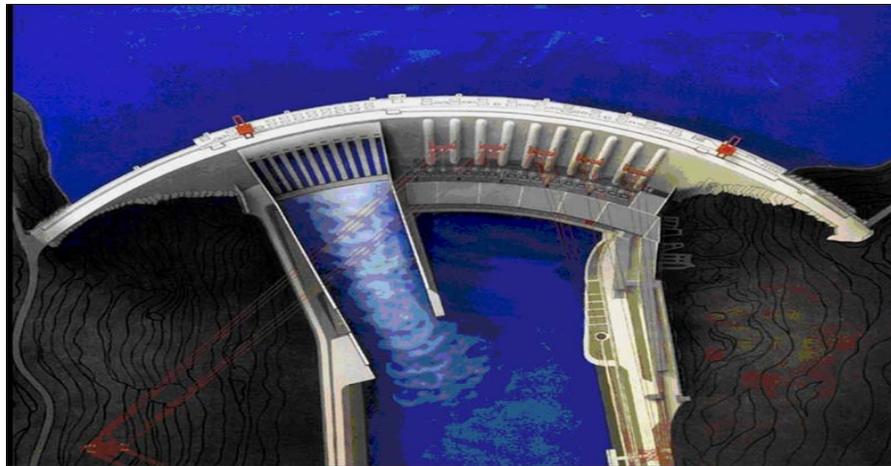

Рис. 1. Саяно-Шушенская ГЭС (вид сверху)

На рис. 2 приведены в разрезе плотина, водовод (трубопровод) и машинный зал, в котором на одном вертикальном валу

– гидротурбина и гидрогенератор [1; С. 11].

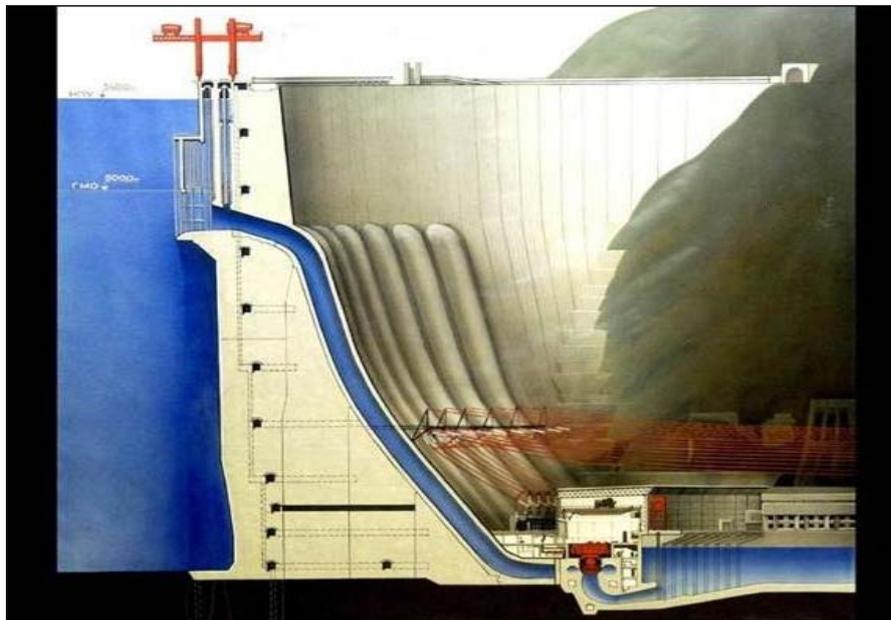

Рис. 2. Разрез плотины, водовода (трубопровода) и машинного зала

На рис. 3 показан машинный зал в разрезе больше и нагляднее, чем на рис. 2 [1; С. 14]. Диаметр водовода (6) равен: 7,5 м – внутренний и 10,76 м – наружный.

Все десять гидроагрегатов СШГЭС имели три уровня защиты: основные, резер-

вные и гидромеханические, действующие на отключение гидроагрегата [1; С. 16]. Все три защиты выполнены неправильно, так как были подключены к самой электростанции.

В табл. 2 приведена квалификация от-

ответственных специалистов СШГЭС, из 19 человек лишь 2 инженера-механика [1; С. 114]. Последние при эксплуатации СШГЭС

по должности не имеют отношения к *механической* прочности деталей энергооборудования.

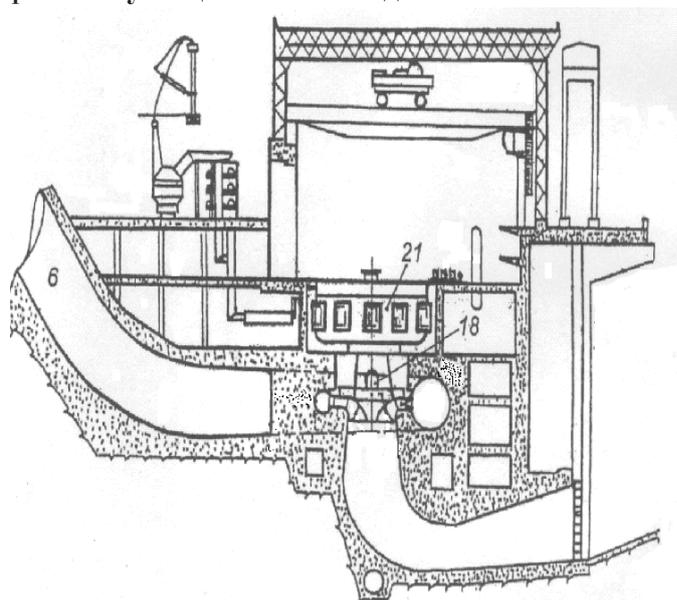

Рис. 3. Разрез машинного зала и круглого водовода (6) с наружным диаметром 10,76 м:
18 – гидротурбина, 21 – гидрогенератор

Таблица 2

Квалификация ответственных лиц на СШГЭС

№ п/п	Квалификация специалиста	Кол-во человек	Должность
1	Инженер-электрик	8	
2	Инженер (специальность инженер-электрик)	2	
3	Техник-электрик	1	
4	Инженер-гидроэлектроэнергетик	1	
5	Инженер (специальность инженер-гидроэлектроэнергетик)	1	
6	Инженер (специальность инженер-теплоэнергетик)	1	
7	Инженер-строитель-гидротехник	1	
8	Образование – высшее военное (специальность радио-технические, радиолокационные устройства)	1	
9	Канд. экон. наук (специальность конструирование и производство радиоаппаратуры)	1	
10	Инженер-механик (специальность автомобильная техника)	1	Зам. начальника службы экономической безопасности и режима руководитель бизнес-единицы «Производство» ОАО «РусГидро»
11	Инженер (специальность инженер-механик)	1	

Исходными причинами катастрофы на СШГЭС эксперт парламентской комиссии [2] академик РАН О.Н. Фаворский, руководитель секции энергетики, отдела

энергетики, машиностроения, механики и процессов управления РАН считает следующие:

«1) эксплуатация с превышением допустимых вибраций агрегата № 2;

2) отсутствие контроля за состоянием крепежа шпилек в агрегате; (по п. 1 и п. 2 – низкий уровень квалификации персонала и превалирование стремления к доходу над безопасностью);

3) не сработала система автоматики – не было независимого электропитания и расположения её вне опасной зоны (закрытие заслонок вручную);

4) практически не было квалифицированного контроля (после ремонта вибрации

ротора на пределе не было балансировки (нет специалиста). Не было нормальной ремонтной службы и надзора поставщиков оборудования за его эксплуатацией.

Всё это – следствие замены в последние 20 лет на руководящих должностях специалистов на менеджеров».

Фактически катастрофическая авария на СШГЭС, на наш взгляд, произошла из-за того, что материал деталей гидроагрегата № 2 (ГА-2) от приложенных *механических* нагрузок имел напряжения больше допустимых (рис. 4).

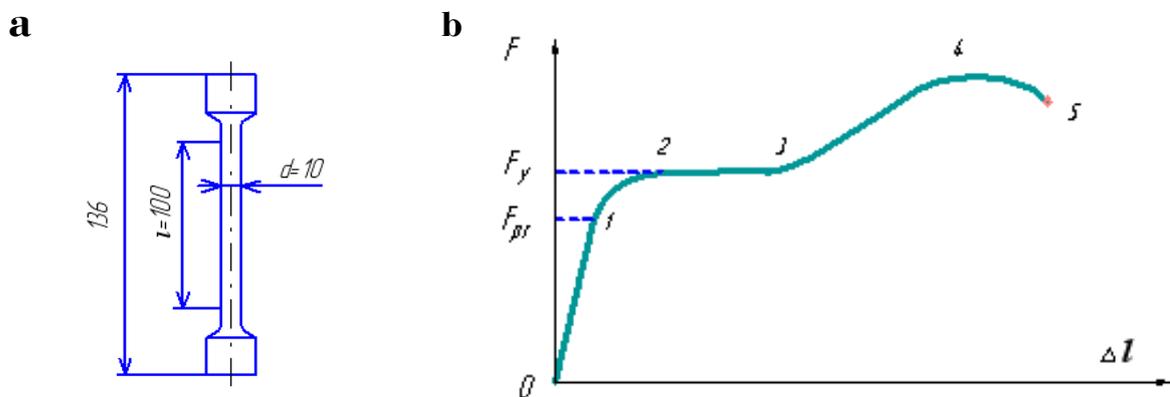

Рис. 4. Испытание образца на механическую прочность при растяжении:

а – длинный образец, изготовленный по ГОСТ из малоуглеродистой стали; d и l – диаметр и рабочая длина соответственно, мм; б – диаграмма растяжения; F и Δl – растягивающая сосредоточенная нагрузка, кН, и абсолютное удлинение, мм; F_{pr} и F_y – нагрузки, соответствующие пределам пропорциональности $\sigma_{pr} = F_{pr}/(\pi d^2/4)$ и текучести $\sigma_y = F_y/(\pi d^2/4)$

В деталях постепенно увеличивались во времени необратимые остаточные пластические перемещения, материал деталей после площадки текучести испытывал упрочнение, а затем деформации происходили в наиболее ослабленном (одном) месте, постепенно уменьшалась площадь поперечного сечения детали и ввиду динамических условий работы деталей ГА-2 произошло неожиданно, мгновенно, буквально за секунды катастрофическое разрушение (рис. 5) [3; С. 4].

Далее приводятся главные причины *механических* разрушений материалов деталей ГА-2 и предложения для надёжной эксплуатации гидроагрегатов.

1. В [1] обозначены три уровня электрической защиты гидроагрегатов

(NB. Электропитание «защиты» при эксплуатации было от гидроагрегатов!).

Предложение. Для безопасной эксплуатации необходимы постоянные во времени защита и контроль за поведением под нагрузкой *механической* прочности конструкционных материалов, из которых изготовлены детали гидроагрегатов (что не осуществлялось). Система автоматической защиты должна иметь автономное электропитание.

2. В [1] в списке *механических* повреждений ГА-2 часто по датам повторяется «увеличение боя вала».

Рис. 5. Разрушения от динамических нагрузок фундаментных конструкций ГА-2 при его разгоне и подъёме и плиты перекрытия на отметке 327,0 м

Предложение. Это показывает, что ремонт выполняли не специалисты по *механической* прочности конструктивных материалов (ещё к этому см. штат ответственных работников в табл. 2, где специалисты, но не по профилю).

3. В [1] «измерения перемещений деталей ротора визуальные». *Предложение.* Для нестандартного уникального большой массы оборудования их следует выполнять автоматизированными автономными измерительными устройствами – без субъективных измерений.

4. В [1; С. 14] «Для защиты турбины в случае отказа направляющего аппарата имеются специальные пазы, где установлены быстропадающие затворы (аварийные), которые опускаются от действия автоматических устройств, контролирующих недопустимое повышение частоты вращения агрегата».

Предложение. Наряду с «недопустимой частотой вращения агрегата» водовод также должен закрываться при критических *механических* напряжениях и перемещениях – автоматически, без участия человека, посредством реле отказа.

5. Из [4; С. 1] «Конечно, никто не мог представить, почему агрегат весом 15000 кН взлетел вверх на 14 м».

Предложение, объясняющее причину. Вынужденные колебания. Резонанс.

6. Из [4; С. 1 и др.] «ГА-2 находится в работе 29 лет 10 мес., с 1979 г. Из 49 изъятых комиссией шпилек 6 не имеют повреждений при аварии, не предусматривалось никакого шплинтования гаек на этих шпильках».

Предложение. При циклически изменяющихся напряжениях следует всегда устанавливать на детали контргайки.

7. В [4; С. 3] «Сейчас есть у нас решение провести неразрушающий контроль на узлах крепления всех гидроагрегатов, и эта отдельная работа эксплуатирующими организациями будет проведена».

Предложение. Не «будет проведена», а следует проводить это постоянно во время эксплуатации, чтобы регистрировать величину *механической* прочности материалов деталей.

8. В [4; С. 4] «... выполняются массовые регулярные работы по заварке трещин на лопастях рабочих колёс. В среднем ежегодно такой ремонт выполняется на 4...5 гидроагрегатах».

Предложение. Лопасты с трещинами следует заменять новыми, с улучшенными характеристиками.

Рекомендации

1. Гидроагрегат – это единичное, уникальное, нестандартное, большой массы *механическое* устройство, при работе которого следует выполнять постоянно автоматизированные *механические* испытания наиболее напряжённых деталей, с реле отката, с автономным электропитанием.

2. Аварийный затвор водовода должен иметь автоматизированное управление (исключающее субъективный фактор), реле отката, автономное электропитание.

3. При динамических *механических* нагрузках на всех шпильках и болтах должны быть контргайки.

4. Анализ причин катастрофических *механических* разрушений на СШГЭС по-

казывает, что вторым главным инженером на большой ГЭС должен быть канд. техн. наук или д-р техн. наук – специалист по технологии машиностроения.

5. Студентам специальностей «140211 – Электроснабжение» и «140205 – Электроэнергетические системы и сети» проводить в 3 семестре 18 час. лабораторных занятий по дисциплине «Техническая механика» для экспериментальных исследований *механической* прочности конструкционных материалов деталей электрооборудования и элементов конструкций и изучения методов и приборов, обеспечивающих *механическую* прочность электрооборудования и конструкций при их эксплуатации.

Литература

1. Акт технического расследования причин аварии, происшедшей 17 августа 2009 года в филиале Открытого Акционерного Общества «РусГидро» – «Саяно-Шушенская ГЭС имени П.С. Непорожнего». – Опубликовано 3 октября 2009 года на сайте Ростехнадзора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tayga.info/documents/2009/10/03/~93639>. – 145 с.

2. Итоговый доклад парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с возникновением чрезвычайной ситуации техногенного характера на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 года. – Опубликовано 21 декабря 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.council.gov.ru/journalsf/cat9/journal52/2009/number327.html> Adobe Reader – [Итоговый доклад парламентской комиссии.pdf] – 445 с.

3. Первые результаты обследования строительных конструкций Саяно-Шушенской ГЭС после аварии 17.08.2009 г. / Е.Н. Беллендир, Ю.Д. Семёнов, В.Г. Штенгель (ОАО «ВНИИГ им. Б.Е. Веденеева») // Гидротехническое строительство. – 2010. – № 7. – С. 2-8.

4. Пресс-конференция руководителя Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору Н.Г. Кутыина 3 октября 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gosnadzor.ru/publicatoin/press01.html>. – 6 с.

5. Справочник по гидротурбинам / В.Б. Андреев [и др.]; под общ. ред. чл.-корр. АН СССР Н.Н. Ковалёва. – Л.: Машиностроение, Ленингр. отд-ние, 1984. – 496 с.

6. Сопротивление материалов: учебник для вузов / В.И. Феодосьев. – 14-е изд., испр. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2007. – 592 с.

Коротко об авторе

Шадрин В.А., канд. техн. наук, доцент кафедры технологии лесопереработки и механики (ТЛМ)
Тел.: (3022) 25-16-24

Научные интересы: обеспечение механической прочности при эксплуатации уникального энергетического оборудования

Briefly about the author

V. Shadrin, Candidate of Technical Sciences, associate professor, woodworking technology and mechanics department, Zabaikalsky State University

Scientific interests: mechanical strength securing of unique energy equipment

Юбилейные даты

К 70-летию профессора кафедры геофизики Забайкальского государственного университета, доктора геолого-минералогических наук
Салихова Владимира Салиховича

ЛЮБОВЬ К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ – ЕГО ТВОРЧЕСКИЙ СТИМУЛ

5 декабря исполняется 70 лет со дня рождения известного забайкальского ученого, геолога, педагога и общественного деятеля – Владимира Салиховича Салихова.

Весь жизненный путь этого удивительного, разносторонне одаренного человека тесно связан с Забайкальем. Родился Владимир Салихович в поселке Карымское Читинской области, в крестьянской семье. Его родители – Марфута и Салих Зарыповы – вынужденные переселенцы, приехали в Далекое Забайкалье из Татарстана, спасаясь от репрессий. Семья у Владимира Салиховича была большая и трудолюбивая, а детство, как и у всех детей военного времени – голодным и холодным.

Уже на первых курсах университета у Владимира Салиховича появился серьезный интерес к будущей профессии. Полевые работы, близкое знакомство с породами и рудами в их естественном залегании, наблюдение за геологическими процессами – все было для него источником энергии и огромного желания деятельности. До сих пор он с огромным уважением вспоминает своих первых наставников, ученых-геологов из Института земной коры А.П. Шмотова и И.В. Гордиенко, прививших ему любовь к геологии.

В 1965 г., по окончании Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова по специальности «Геологическая съемка и поиски месторождений полезных ископаемых» молодой инженер-геолог получил направление в Забайкальский комплексный научно-исследовательский

институт, где в составе группы геологов, созданной заместителем директора Л.Ф. Наркелюном, занимался исследованием стратиморфных медных месторождений в Прибайкалье, Присяянье, Иркутском амфитеатре, Кодаро-Удоканской зоне. Этой группой единомышленников были получены новые данные о геологии, разработана новая классификация медных месторождений, изучены условия их зарождения и формирования. В 1971 г. Владимир Салихович стал старшим научным сотрудником Читинского филиала Всесоюзного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института золото-платиновой, алмазной и вольфрамомолибденовой промышленности Министерства цветной металлургии СССР, где продолжал активно заниматься научно-исследовательской работой. В 1973 г. по результатам коллективных и индивидуальных исследований он подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Фациальные типы и постседиментационные изменения медоносных отложений юга Сибирской платформы».

После успешной защиты диссертации Владимир Салихович поступил на работу в Читинский политехнический институт в качестве доцента кафедры геологии. Наряду с преподаванием специальных дисциплин, он продолжил свои научные занятия, в частности изучение стратиформных месторождений меди. Значение проделанной В.С. Салиховым и его соратниками работы состоит в том, что ими были заложены теоретические основы для познания природы

оруденения и размещения таких месторождений в земной коре. Их теоретические выводы способствуют открытию, разведке и эффективному освоению новых крупных месторождений, помогают оценивать не только отдельные месторождения, но и целые рудные провинции, выбирать наиболее рациональные направления поисково-разведочных работ. Оригинальные, самостоятельные идеи Владимира Салиховича по многим важным аспектам происхождения, закономерностей размещения, эволюции осадочного меденакпления дали новый импульс научной мысли, привлекли внимание ученых из разных стран. Вырос его авторитет среди специалистов в области геологии и генезиса стратиморфных месторождений, многие его работы публиковались в научных сборниках, в том числе и за границей.

В 1996 г. Владимир Салихович защитил докторскую диссертацию, явившуюся итогом тридцатилетнего изучения одной из наиболее сложных проблем рудообразования – природы и закономерностей формирования и размещения стратиформных месторождений меди. По мнению специалистов, его работа явилась существенным вкладом в проблему формирования важнейшей группы промышленных месторождений меди и имеет большое значение для совершенствования прогнозирования и практики поисково-оценочных работ различных геолого-промышленных типов месторождений меди.

Основная особенность В.С. Салихова как ученого – постоянство научных интересов в течение всей исследовательской деятельности. Вместе с тем, его научному творчеству присущи быстрая реакция на новые факты и склонность к научной импровизации. Характерными чертами научных исследований Владимира Салиховича являются творческое дерзание, смелые поиски новых путей в науке, оригинальность выводов и обобщений. Вот почему так значительна их роль в практической деятельности для направления поисков различных полезных ископаемых и их прогнозной оценки. В настоящее время Владимир Салихович работает над актуальной проблемой нефтегазос-

ности забайкальского севера, что в будущем может обеспечить более динамичное развитие Забайкальского края.

Более тридцати лет трудовая биография Владимира Салиховича связана с преподаванием геологических и геофизических дисциплин студентам горного факультета. Он внес значительный вклад в профессиональное образование Забайкальского края. При его активном участии подготовлены сотни квалифицированных специалистов – геофизиков и гидрогеологов. Обладая большой эрудицией, основываясь на громадном фактическом материале, Владимир Салихович разработал цикл лекций, учебно-методических комплексов и лабораторно-практических работ по петрографии, литологии, геоморфологии, структурной геологии и геокартированию, месторождениям полезных ископаемых с привлечением регионального компонента. Он стал автором нескольких учебных пособий, в которые помимо фундаментальных вопросов геологии включил современные представления о рождении планеты Земля, геоэкологии, геологической этике и другие нетрадиционные вопросы геологии. Учебные пособия профессора Салихова востребованы не только в Забайкалье, но и в других регионах.

Почетный работник высшего профессионального образования России Владимир Салихович Салихов – человек творческий, увлекающийся, натура многогранная. В круг его многочисленных интересов входят и музыка, и путешествия по родному краю, и кино-фотосъемка, и особенно – спорт. Он один из активнейших спортсменов среди сотрудников университета: член сборной волейбольной команды горного факультета, отличный велосипедист, один из лучших игроков в настольный теннис.

Целеустремленный труженик, исследователь забайкальских недр, Владимир Салихович Салихов готов к покорению новых вершин, а самое большое желание ученого – промышленное освоение всех разведанных в Забайкалье месторождений полезных ископаемых.

Содержание

Экономические науки

Малышев Е.А. Применение методов прогнозирования и планирования в энергетической отрасли Забайкальского края E. Malishev Methods and Forecasting Planning in the Energy Industry of Zabaikalsky Krai	3
Монич И.П. Управление инновационной деятельностью в сфере туризма I. Monich The Management of the Innovative Activities in Tourism	9
Ткачева Т.Ю. Формирование налоговых полномочий регионов – центральное звено в российской модели бюджетного федерализма T. Tkatcheva Formation of Tax Authority Regions – the Central Link in the Russian Model of Fiscal Federalism	15

Философские науки

Борисенко О.А. От диалога культур к международному диалогу культур O. Borisenko From Dialogue of Cultures to the International Dialogue of Cultures	23
Шевченко М.С. Образы иеговизма и иеговистская образность в контексте судебного производства в России начала XXI в. M. Shevchenko Image of legovism and legovist Imagery in the Context of Court Proceedings in Russia at the Beginning of the XXI Century	28

Юридические науки

Тарайко В.И. Основные направления совершенствования специально-криминологических мер предупреждения экологических преступлений V. Taraiko The Main Directions of Perfection of Special Criminological Measures of Ecological Crimes Prevention.....	35
---	----

Педагогические науки

Венславский В.Б. Концепция подготовки будущих учителей технологии к обучению электронике в школе на профильном уровне V. Venslavsky The Concept of Teachers' Training to Instruction Electronics in School on the Profile Level	42
Ермолаев Д.Е. Патриотическое воспитание при работе с различными возрастными группами населения D. Ermolaev Problem of Patriotic Education at Work With Various Age Groupes	48
Матвеев И.А., Надеина Л.В., Коротченко Т.В. Использование ИКТ в организации процесса обучения профессиональному иностранному языку I. Matveenko, L. Nadeina, T. Korotchenko Use of Computer Technologies in Foreign Language Teaching Process	52

Психологические науки

Кузьмин М.Ю., Гусев А.Н., Конопак И.А. Связь гендерной идентичности и жизнестойкости у студенток, обучающихся в вузе M. Kuzmin, A. Gusev, I. Konopak Relation of Gender Identity and Vitality of High School Girl Students	58
---	----

Политология

- Анучина Н.А.
Укрупнение субъектов Российской Федерации на этапе реформирования российского федерализма
N. Anuchina
Integration of Subjects of the Russian Federation at the Stage of Reforming of the Russian Federalism 63
- Арсентьева И.И.
Организация сотрудничества Забайкальского края с приграничными территориями КНР как фактор обеспечения безопасности
I. Arsenyeva
Recommendations for Organization of Cooperation of Zabaykalsky Krai With PRC's Border Territories..... 68
- Карипов Б.Н.
Взаимоотношения государства и общества (личности) в трудах русских либералов второй половины XIX – начала XX вв.
B. Karipov
The Problem of Relations Between State and Society (Individual) in the Writings of Russian Liberals of the Second Half of the XIX – Beginning of the XX Centuries 74

Культурология

- Кострица Е.И., Петрова И.В.
К вопросу о межкультурной компетенции вторичной языковой личности: лингводидактический аспект
С. Kostritsa, I. Petrova
Reference to Intercultural Competence of Secondary Linguistic Personality: Linguistic Didactic Aspect 85

Науки о Земле

- Павленко Ю.В.
Объемная геолого-геофизическая модель Юго-Восточного Забайкалья: закономерности размещения эндогенного оруденения (часть III)
Yu. Pavlenko
The Volume of Geological and Geophysical Model for South Eastern Zabaikalie: Patterns of Endogenous Mineralization Distribution (Part Iii)..... 91
- Соколова А.А.
Лесные ресурсы Нерчинского горного округа: изучение, оценка и использование в XVIII-XIX вв.
A. Sokolova
Forest Resources of Nerchinsk Mountainous District: Exploring, Estimating and Exploiting in the XIII-XIX Centuries 104
- Томских А.А.
Территориальная организация образования и науки Байкальского региона
A. Tomskich
Territorial Organization of Education and Science of the Baikal Region 112
- Шаликовский А.В., Курганович К.А.
Оценка опасности и риска хозяйственного использования речных пойм бассейна верхнего и среднего Амура
A. Shalikovskiy, K. Kurganovich
Hazard and Risk Assessment for Commercial Use of the Upper and Middle Amur Basin Floodplains 119

Есть мнение

- Салихов В.С.
Катастрофизм – обязательный этап становления геолого-промышленных типов рудных эндогенных месторождений
V. Salikhov
Catastrophism – Critical Stage in Formation of Geological Economic Types of Ore Endogenic Deposits 125
- Шадрин В.А.
Диагностика гидроагрегатов Саяно-Шушенской ГЭС имени П.С. Непорожного
V. Shadrin
Exploitation, Specialists, Strength of Hydro-Unit, Mechanical Characters, Causes Destructions, Recommendations 135
-
-

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 11 (78)

2011

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 25.11.2011

Сдано в производство 27.11.2011

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 12,4

Заказ № 168

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РИК ЧитГУ

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
